

Америка

Иллюстрированный
журнал № 49

Цена 5 руб.

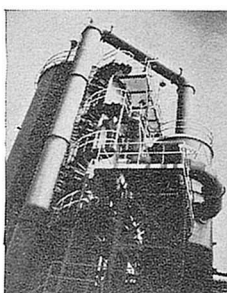
Америка

Иллюстрированный журнал № 49

На первой странице обложки: с наступлением весны начинается сезон пикников и прогулок. На снимке: семья из Новой Англи, затеавшая с собой провизию, проводит день на свежем воздухе.

На второй странице обложки: внутри стальных цилиндров, называемых «выдувными башнями», производится очистка веществ, идущих на изготовление иодина. Завод находится на юге Калифорнии.

На третьей странице обложки: Лаура Джон ловким движением отбивает мяч у самой сетки. В США женщины перенимают мужской стиль игры (см. статью «Американские теннисистки», стр. 28).

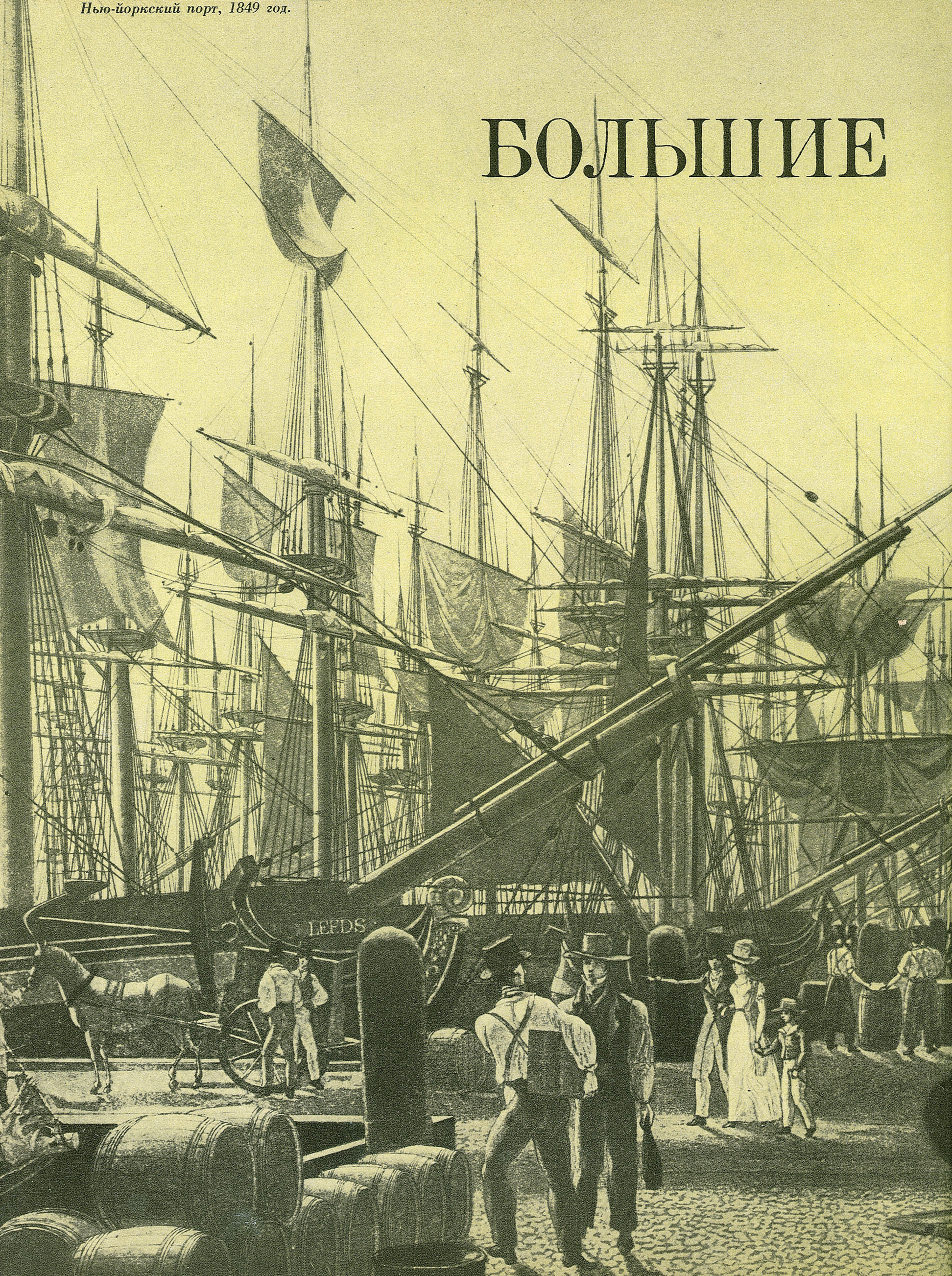
На четвертой странице обложки: яркие розы в Ботаническом саду в Нью-Йорке раскрывают перед девочкой красочный мир природы.

- стр. 1 Содержание
- 2 Большие перемены
- 12 Расцвет американского балета
- 18 Авиамodelисты-любители
- 20 Охрана порядка в демократическом обществе
- 28 Американские теннисистки
- 30 Чердак — семейный архив
- 34 Биологическая ферма
- 35 Буря в пустыне
- 38 Кортисон
- 44 Всеамериканское сельскохозяйственное училище
- 48 Американские писатели послевоенного времени
- 52 Производственный отчет: автомашины
- 54 Нью-йоркский ботанический сад
- 57 Дамские сумки
- 60 Планировка жилых помещений
- 68 Литературные недостатки Фенимора Купера
- 72 Техника раскрытия тайн забытой сумки:
окончание статьи «Дамские сумки»

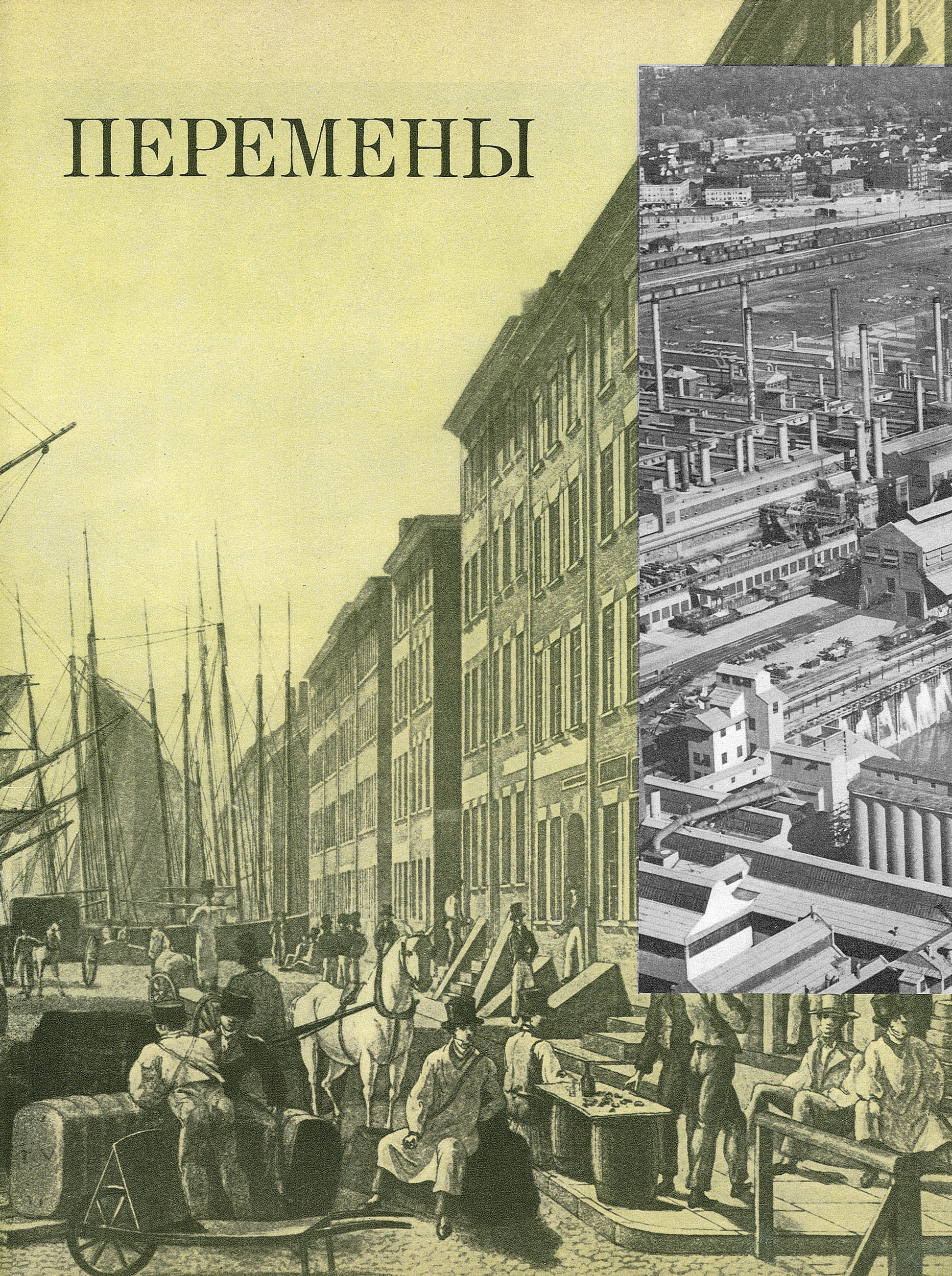

БОЛЬШИЕ

ПЕРЕМЕНЫ

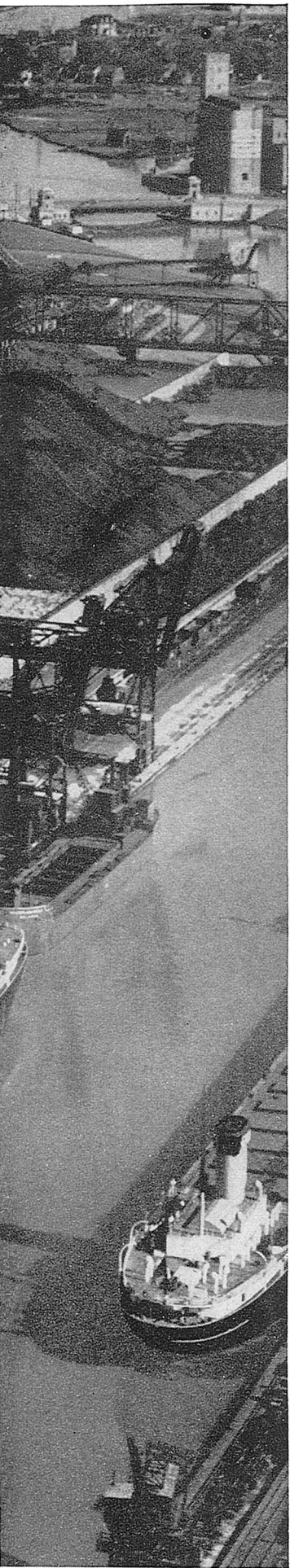
Автомобильный завод в Мичигане, 1950 год.

Фредерик Л. Аллен

БОЛЬШИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Промышленное развитие 1850-1950 гг. и его значение

ОТ РЕДАКЦИИ: Фредерик Льюис Аллен — выдающийся социолог и главный редактор известного американского журнала «Харперс Мэгэзин», празднующего в этом году свой столетний юбилей. В статье, написанной специально для юбилейного номера, Аллен дает краткий исторический обзор жизни в Америке за последние сто лет. Редакция журнала «Америка» решила перепечатать «Большие перемены», так как считает, что картина прошлого столетия, воспроизведенная для американцев из соотечественником, может заинтересовать читателей других стран, которые хотят знать, какой страной была Америка в прошлом и куда она идет.

В верхней галерее Нью-Йоркской публичной библиотеки с начала текущего года были выставлены гравюры с изображением американских городов середины прошлого столетия. Эта своеобразная выставка дает посетителям представление, как выглядели разраставшиеся деревни и небольшие города — скопление красных кирпичных и белых бревенчатых домов, местами плотно прилегающих один к другому, местами отстоящих друг от друга на почтительном расстоянии. Дома большей частью окружены деревьями или темнозелеными садами, спускающимися к реке, обязательной в каждом городе и селении. Лишь изредка над крышами строений возвышаются одна или две фабричные трубы. Посетители невольно обращают внимание на то, что над линией горизонта и над домами, даже в Нью-Йорке, выделяются лишь колокольни церквей, что в наше время является характерной и неперменной деталью только деревенского пейзажа. Если бы мы пожелали узнать, как преобразилась жизнь и какие перемены произошли в быту каждого американца за последние сто лет, какие явления, недоступные для человека прежде, стали обыденными теперь, какие блага, предоставленные ему, отошли в область воспоминаний, и, наконец, насколько сузилась или расширилась пропасть между богатыми и бедными в результате индустриализации — я посоветовал бы заглянуть поглубже в мир, изображенный на этих гравюрах, мир, отделенный от нас целым столетием. Сначала зададим себе вопрос правильно ли гравюры изображают Америку 1850 г.? Тут мы прежде всего должны помнить, что в прошлом жизнь отличалась большим разнообразием, обусловленным географическим делением страны, чем теперь. В половине XIX столетия, когда Соединенные Штаты достигли нынешних границ, Америка продолжала оставаться страной резких контрастов. Богатый купец из Бостона, Нью-Йорка или Филадельфии, щеголявший в шелковом жилете, жил в совершенно ином мире, чем одетые в домотканную одежду пионеры-переселенцы, отправлявшиеся в крытых фургонах из грязного пограничного городка Индепенденс через так называемую Великую американскую пустыню, в новые места. Философы-мыслители из Новой Англии, бродившие по берегам Уолден-Понда, чтобы полюбоваться боярышником в цвету или же спорившие о трансцендентализме, по образу жизни были неизмеримо далеки от мормонов, строивших новый город у Большого Соленого озера (штат Юта), от рабов на плантациях штата Джорджия, от одержимых золотой лихорадкой искателей счастья в шумном пограничном городке Сан-Франциско, где они жили в палатках и хижинах и, наконец, от фермера, испытывавшего новую жнейку марки «Маккормик» на кочковатых участках в степях Иллинойса. Разграничение Америки на множество самостоятельных географических зон объясняется тем, что общение между людьми и перевозка грузов были тогда весьма сложными проблемами. В 1846 году молодой актер Джозеф Джефферсон, отправляясь из Нового Орлеана в Нью-Йорк, сперва поплыл по Миссисипи до Уилинга, — города, который в настоящее время находится в штате Западная Вирджиния (по пути он задержался на несколько дней из-за ледохода), затем сутки ехал в холодной почтовой карете по ухабистым проселочным дорогам до Кумберленда (штат Мэриленд). Через каждые несколько часов Джефферсон останавливался на почтовых станциях, чтобы отдохнуть, закусить и сменить лошадей. Наконец, доехав до железнодорожной станции, он сел на весьма еще примитивный поезд, доставивший его к месту назначения. В начале пятидесятых годов журналист Ральф Уолдо Эмерсон отправился в Мичиган, за 77 километров, где должен был прочитать несколько лекций. Для этого ему пришлось всю дорогу ехать в простой телеге. Самый скорый путь из Нью-Йорка в Сан-Франциско на быстроходном пароходе, огибающем Южную Америку, отнимал 89 дней. Мы должны также помнить, что авторы гравюр не стремились запечатлеть вид мрачных улиц или показать людей, которые едят с ножа, сморкаются пальцами и, естественно, они не могли дать нам представления о смраде домашних уборных. Тем не менее изображения красно-белозеленых городов на берегах рек, кипящих парусными судами, дают нам какое-то общее представление о жизни Соединенных Штатов в пятидесятых годах прошлого столетия. Америка тогда была страной фермеров, лавочников, купцов и ремесленников, а главное — фермеров. В наши дни на пять, имеющих заработок, американцев приходится один, работающий на ферме. Сто лет назад более половины таких людей в США занимались сельским хозяйством. Города были небольшие и только начинали расти. Самый крупный из них был Нью-Йорк; число жителей в то время составляло десятую часть его населения в 1950 году. Уже много лет назад индустриализация, несущая с собою клубы дыма и копоть, вторглась в нашу страну. На берегах Меримака и других рек Новой Англии выросли большие текстильные фабрики, изготовлявшие шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Но Америка продолжала оставаться сельскохозяйственной страной, и большинство ее населения составляли живые, энергичные, хвастливые, грубоватые, страдавшие несварением желудка, беспорядочные, расточительные и гостеприимные фермеры. Каковы были тогда условия жизни сельского населения? В наши дни трудно представить себе, что удобства и комфорт, без которых мы не можем обойтись, или не существовали, или же были доступны немногим. В городах начинали строить водопровод и канализацию. В этом отношении Филадельфия оказалась на первом месте. Но Нью-Йорк оставался без общественного водоснабжения до 1842 года, а Бостон — до 1848 года. Пока водоснабжение не перешло в ведение города, жители должны были регистрироваться на право получения воды в частных компаниях. Людям, проживавшим далеко от водопроводной сети или не имевшим возможности вносить определенную плату за пользование водой, приходилось рассчитывать на собственные колодцы. Перепись 1845 года, проведенная в Бостоне, показала, что 10.370 домовладений пользуются 5.287 колодцами и пополняют свои запасы дождевой водой, собранной в 4.445 цистернах (дождевая вода обычно шла на стирку белья). Но так как в городах дымило все больше и больше труб, воду в цистернах загрязняли оседавшие копоть и сажа. Даже после организации общественного

городского водоснабжения и постройки водопровода много времени потребовалось на прокладку труб, прежде чем это нововведение стало достоянием населения всего города. В сороковых годах прошлого столетия, когда в Нью-Йорке шла кипучая работа по прокладке водопроводных магистралей вдоль улиц, городские власти обнаружили, какое огромное количество воды потребляет население с тех пор как для ее получения достаточно стало только отвернуть кран. Отметив в отчете за 1853 год, что «в фешенебельной гостинице на Бродвее установлено более четырехсот водопроводных кранов и вся масса воды стекает в канализационные трубы», заведующий отделом водоснабжения в отчаянии писал: «С такой аппаратурой для подачи воды, находящейся в ведении беспечной прислуги и в пользовании безответственной проезжающей публики — как можно ожидать экономного расходования воды?»

Канализация, о которой упоминает этот чиновник, в те времена была новинкой. До 1845 года даже в этом крупном американском городе обходились без канализационной сети. Хотя во многих комнатах упомянутой выше гостиницы имелись ванны и уборные, а в подвальном этаже здания помещалось шесть уборных для обслуживания персонала, а рядом с баром — девять уборных и три умывальных раковины с холодной и горячей водой — эти новшества считались чрезвычайной роскошью. В частных домах уборные были крайне редки. Люди пользовались холодными отхожими местами во дворе и ночной посудой, которую в богатых домах выносила и чистила прислуга. В крупных городах на улицах, кроме центральных, имелись специальные водостоки или канавы для помоев и нечистот.

Неудивительно, что вода в колодцах была повсеместно загрязнена и заражена, и что средняя продолжительность жизни, особенно среди городского населения, была крайне низкой. В наши дни средняя продолжительность жизни в Соединенных Штатах — 67 лет, причем эта цифра имеет тенденцию увеличиваться, а в 1850 году она была ниже 40 лет. Отчет по вопросам здравоохранения, опубликованный в 1850 г. в Бостоне, показал, что средняя продолжительность жизни в городе снизилась до 21,43 года, а среди бедного населения, состоявшего, главным образом, из иммигрантов-ирландцев — до 14 лет.

Эти грустные цифры — результат антисанитарных условий — весьма характерны для быстро растущих городов, в которых еще на долгое время сохранились условия примитивной деревенской жизни.

В частных домах не было еще центрального отопления. Даже состоятельные люди обогревались чугунными печками, называемыми «печами Франклина» и каминами, где зимою пылали толстые поленья. В романе «Жизнь на Миссисипи» Марк Твэн описывает один из таких типичных домов в прибрежном городке: «Большой, квадратной формы двухэтажный бревенчатый дом, покрашенный в белый цвет, с портиком, наподобие греческого храма, окруженный белым частоколом...» Он отметил, что в доме отсутствовала ванная комната, и даже сомневался, были ли в каждой из спален наверху по кувшину и тазу для умыванья. Утром, первым делом, хозяйка разводила огонь и выносила мусор. До тех пор, пока помещение не обогревалось, умыванье было сущим наказанием. Немецкий

писатель Олен Мюнх Редер, описывая свое путешествие в 1847 г. по краю, который мы теперь называем Средним Западом, отметил весьма распространенную дурную привычку плевать на горячую печь и притом не всегда аккуратно. С чувством явного облегчения он добавил, однако, что в некоторых более комфортабельных домах были плевательницы. Несомненно, если бы наш современник совершил экскурсию в Америку 1850 года, страна показалась бы ему грязной, а жители — весьма неопрятными.

Готовое платье, сшитое вручную, продавалось в ограниченном количестве, ассортимент был небогатый, фасоны — неизящны. Сорочки и другое белье шили сами домашние хозяйки из фабричного материала, который они покупали в магазинах. Обувь заказывали сапожникам, верхнюю одежду шили портные, женские платья — сами хозяйки или портнихи. Люди с достатком выписывали костюмы из Парижа или заказывали платья из импортного материала портным, знакомым с заграничной модой. Шитье нового костюма требовало больших расходов и значительной затраты труда. В общественных

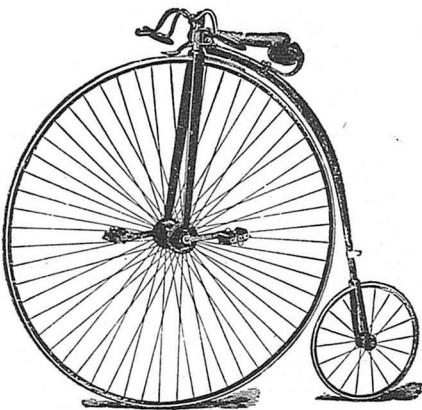

местах дамы блистали большим разнообразием туалетов, чем в наше время, а дома женщины занимались бесконечным шитьем.

Многие неудобства в быту компенсировались определенными преимуществами. Прежде всего следует указать на обилие простора и воздуха. В Филадельфии мой дед, еще молодой человек, зимой катался с женой на коньках, а летом совершал экскурсии на парусной лодке по реке, не загрязненной прибрежными фабриками и заводами. Не было тогда и нужды в «бегстве из городов» по воскресениям и праздничным дням, в поездках за город, на дачи, в парки-заповедники, на организованные спортивные игры и т. д. Значительное большинство горожан располагало возможностью почти ежедневно совершать прогулки, кататься верхом и бегать на коньках, плавать, ловить рыбу или охотиться в непосредственной близости от дома при условии благоприятной погоды и свободного времени. Хотя общественные учебные заведения начали функционировать только частично, и огромное количество ребят не посещало начальных школ, а среднее и высшее образование было доступно весьма немногим, молодежь, жившая в непосредственной близости к природе, в свободное от домашних дел время могла вволю гулять по лесам и лугам. И, наконец, последнее преимущество, которым могли воспользоваться из десяти семейств девять, заключалось в том, что в годы неурожая, когда кончались запасы, и положение становилось безвыходным, фермеры потуже стягивали животы и поступали на работу или в своем районе или уходили на Запад, привлекавший их широкими возможностями. В стране, где преобладали небольшие частные предприятия, энергичный человек мог сохранить независимость в большей степени, чем это впоследствии удавалось его сыну и внуку.

Между богатыми и бедными лежала огромная пропасть. Она ощущалась решительно во всем — в одежде, обстановке, укладе жизни. В те времена, когда годовое жалованье в 5.000 долларов (20.000 рублей) считалось вполне достаточной суммой для директора страховой компании, в приморских городах купцы зарабатывали ежегодно сотни тысяч долларов. По слухам один только рейс судна принес некому бостонскому купцу 100.000 долларов чистого дохода. Такой человек не только обладал огромным состоянием (разумеется, тогда еще не взимался подоходный налог), и не только имел возможность наслаждаться всеми благами жизни — богатым выездом, прекрасным домом с обитой шелком мебелью, роскошной библиотекой, погребом с дорогими иностранными винами, большим штатом прислуги, — но его богатство сразу бросалось в глаза каждому прохожему на улице.

В противоположность богачам тяжела была не только жизнь рабов в южных штатах, находившихся в полной зависимости от произвола рабовладельцев, но и обездоленных жителей северных городов, терпевших большую нужду. Заработная плата непрестанно снижалась. В голодные годы из Ирландии в нашу страну устремлялись потоки иммигрантов, готовых отдать свой труд за ничтожное вознаграждение. Текстильные фабрики в Массачусетсе, где работали дочери местных фермеров, стали применять более дешевый труд ирландских иммигрантов. Заработная плата падала, несмотря на то, что прибыли росли, и часто целые семьи были вынуждены идти на фабрики, причем средний недельный заработок члена семьи составлял лишь 3-4

доллара (12-16 рублей). Двенадцатичасовой рабочий день стал обычным, а четырнадцатичасовой — нередким явлением в промышленности. Трудно даже представить себе, что значит работать по четырнадцать часов в день — с 5 часов утра до 8 часов вечера с полчасовым перерывом на завтрак и получасовым — на обед; и работать так шесть дней в неделю при плохом освещении, в душном непроветриваемом фабричном помещении.

Как относились люди к такому социальному неравенству? Большинство, вероятно, считало это в порядке вещей. И нет ничего удивительного в том, что представители привилегированных классов одобряли этот порядок. Но почему же портной, фермер, фабричный рабочий мирились с подобной несправедливостью? Причина крылась в том, что в Америке безоговорочно признавали принцип: — каждый человек должен иметь равные шансы в борьбе за жизнь, самостоятельность и независимость. Работать на нанимателя считалось делом бесполезным. Пусть ему служат подмастерья, девушки, мечтающие выйти замуж, и иммигранты, которые неспособны на большее. А если некоторые люди соглашались работать почти даром, то это их личное дело. Неужели при способности и желании нельзя прекратить работу у частного лица и заняться другим делом? Не значило ли это, что наниматель вправе извлекать выгоду, какую только мог. Ведь Америка была тогда молодой страной, страной будущего и каждый человек мог заниматься созидательным трудом. Если кто-либо много зарабатывал, значит, — он содействовал процветанию страны, а если он урезывал рабочих, платил им жалкие гроши, сколачивал миллионное состояние, — его считали умным человеком. Перехитрить соседа, словчить — также неплохо; зачем же было осуждать человека за такое поведение? Окружающие только изумлялись его ловкости и втайне питали надежду, что когда-нибудь счастье улыбнется и им.

Промышленный подъем только начинался и, казалось, он принесет счастье и удачу каждому человеку. Американцы были проникнуты этим убеждением, чувствовали себя бодро и верили в будущее. Однажды философ Оливер Уенделл Холмс сказал своему гостю, английскому писателю Эдварду Дисею: «Нам трудно противопоставить пять тысяч американских джентльменов пяти тысячам английских, но нам ничего не стоит противопоставить пять миллионов простых американцев такому же количеству англичан».

Если в Массачусетсе 25.000 человек жили в нищете, это значило, что 91 процент из них были пришельцами из других стран, простыми людьми, не научившимися еще бороться за жизнь. Даже иммигранты в рубищах жили какими-то надеждами. Одна бедная ирландка сказала Дисею: «Америка — благословенная страна, сэр, мне кажется, что Бог создал ее для бедных».

II.

С начала второй половины девятнадцатого столетия промышленность вступила в новую фазу развития. Сэмюэль Кольт, занимавшийся изготовлением револьверов в Хартфорде, усовершенствовал метод Эли Уитни использования взаимозаменяемых частей. Кольт полностью механизировал свое предприятие и при 400 станках выпускал ежегодно по 24.000 револьверов. Такое нововведение открыло широкие горизонты перед изобретателями и членами акционерных компаний. Разве нельзя ускорить производство и выпускать более дешевую продукцию при наличии надлежащего машинного оборудования? В то время имелись уже орудия производства для изготовления нужных машин; фрезерный станок, универсальный прокатный стан и револьверный станок были уже изобретены. Элиас Хау младший сконструировал швейную машину и Исаак Зингер начал выпускать это новое изобретение в большом количестве. Из города в город протянулись телеграфные линии, а в 1858 году провели первый кабель через Атлантический океан. В следующем году в Пенсильвании была обнаружена нефть, — событие, положившее конец лампе на китовом жиру. Прокладывались на тысячи миль рельсовые пути, толстотрубные пылящие паровозы, бегущие по извилистым путям лесистых Аллеганов и по широким равнинам центрального бассейна, связали города с внешним миром — миром прогресса и новых идей.

Каждое чудесное изобретение поражало воображение публики. Когда Джозеф Джефферсон, проживавший в Кумберленде, штат Мэриленд, в первый раз в жизни получил телеграмму, он едва мог поверить, что она была послана из Балтиморы его компаньоном, которому он отправил письмо накануне. «Я пошел проверить так ли это. Сомнений быть не могло. Небольшая толпа окружила телегра-

фиста. Лица выражали недоверие и изумление. Мы стали показывать друг другу наши телеграммы. Люди ходили взад и вперед с телеграммами в руках, останавливали друг друга на улице, чтобы потолковать и подивиться новому изобретению». И то же самое происходило в десятках американских городов. Появившиеся приборы и технические новинки пробудили у молодежи и взрослых желание учиться, чтобы изобрести какое-нибудь новое чудо.

Гражданская война, разорившая Юг, не только не приостановила промышленный расцвет Севера, но и способствовала его ускорению. Армия требовала больше оружия, снаряжения, средств связи и особенно обмундирования. К концу войны стихийное промышленное развитие достигло наивысшей точки. Оно принесло много хорошего и много плохого. Чудеса так внедрялись в быт, становились настолько обычными, что трудно было представить себе мир без них. Краткий перечень изобретений в период между 1850 и 1900 гг. вызывает у нас невольное изумление. Остановимся на некоторых из них: значительное увеличение производства стали в результате бессемеровского процесса, увеличение числа сталелитейных заводов, появление мартеновских печей — означали больше рельсов, проводов, мостов,

судов, металлических каркасов для небоскребов и т. д. Сталь стала основным материалом новой промышленной эры.

Не меньший подъем наблюдался и в области железнодорожного строительства. Рельсовые пути пересекли Скалистые горы, связали Восток с Западом и объединили всю страну в одно хозяйственное целое. Водопровод и канализация в больших и малых городах дали возможность многим жителям неограниченно пользоваться водой. Газовое освещение домов и улиц уступило место волшебному электрическому свету. За этими открытиями следовали:

Электрифицированный транспорт: трамваи, троллейбусы, поезда (паровые и затем

электрические), метро.

Динамомшины и моторы, увеличившие производительность труда, электросиловые установки и гидростанции, подающие электроэнергию на сотни миль.

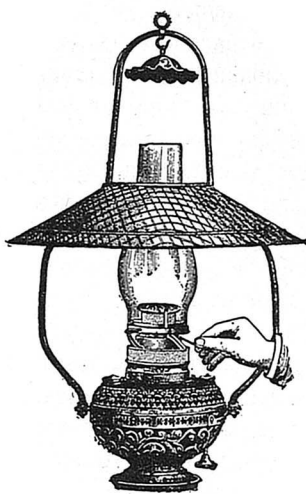
Телефон, невероятным образом сокративший расстояние между друзьями и деловыми людьми.

Переворот в деловой жизни был обусловлен изобретением пишущей машинки, которое между прочим открыло женщинам доступ в предприятия. Лифты и металлические каркасы сделали возможным возведение небоскребов.

И наконец — полный переворот в быт американцев внес автомобиль. Появившись за границей в 1884 году, он лишь в девяностых годах получил распространение в Америке.

К этим чудесам относятся также быстроходные океанские пароходы, колючая проволока, сыгравшая огромную роль при заселении пустынных западных равнин. Усовершенствования в области фотографии, автотипия и линотипия, явившиеся значительным вкладом в печатное дело. Конструкция разнообразных машин, в дополнение к швейной машине Элиаса Хау, содействовала развитию обувной и швейной промышленности. Перечисляя изобретения до бесконечности, мы вряд ли получим общее представление о всех переменах, происшедших во второй половине прошлого столетия. Изолированные прежде районы объединились в одно целое. Земледельческая страна, где преобладало сельское население, превратилась в страну крупных промышленных предприятий. Удобства и комфорт стали неизменными спутниками человека, перед которым открылись широкие возможности увеличить свои знания и ознакомиться с новыми идеями.

Но вместе с тем бурный рост индустриализации породил и отрицательные явления. Прежде всего: дым, копоть, сажу, закопченное небо, загрязненные реки, бывшие некогда прозрачными и чистыми.

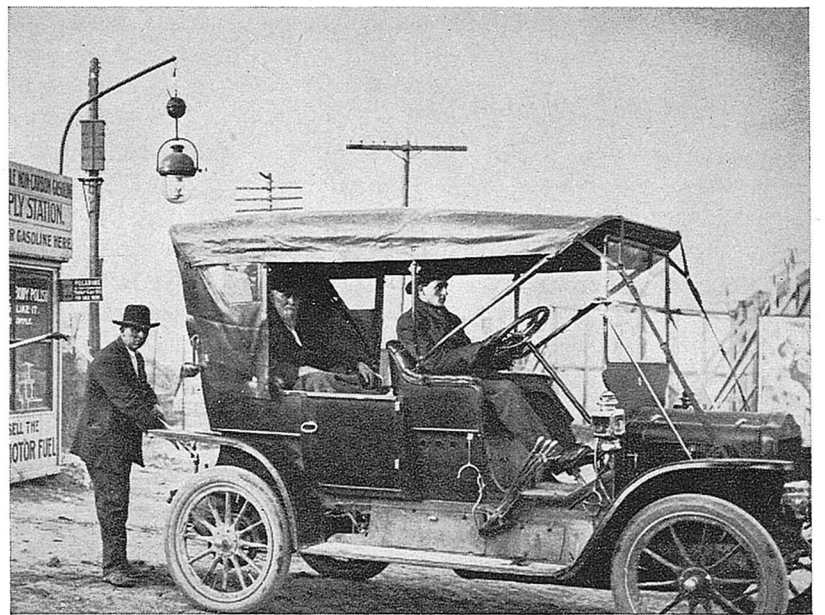
В представлении людей красота и нажива были понятиями, исключавшими друг друга. По мнению дельцов, красоту можно купить или приобрести после того, как заработаешь кучу денег. Неприглядные кварталы большинства наших городов возникли именно между 1850 и 1900 годами. Индустриализация обезобразивала места, где она проходила, опустошала все на своем пути. Леса вырубались, почва истощалась, естественные богатства хищнически эксплуатировались.

С точки зрения морали промышленный подъем оказался губительным для существующих нравственных понятий. Мнение, что деньги можно зарабатывать любым путем — честным и нечестным — так глубоко внедрилось в сознание людей, что третья, четверть девятнадцатого века была отмечена эпидемией мошенничества. Но самым отрицательным явлением в раннюю пору индустриального расцвета было неравномерное распределение создаваемых промышленностью ценностей.

В начале возникновения фабричного производства в Англии, экономист Давид Рикардо выступил с пессимистической теорией, названной им Железным законом заработной платы, гласившим: заработная плата стремится снизиться до уровня, приемлемого лишь для самого неквалифицированного рабочего и отчаявшегося неудачника. В Соединенных Штатах до промышленного расцвета человек имел большие возможности добиться лучших условий труда. Например, он мог поступить на работу к частному лицу за определенное вознаграждение или попытаться счастья где-нибудь в другом месте. В новых возникающих промышленных центрах положение было иным. Если предприниматель строил завод или фабрику, местные жители города или поселка, не имея другого выбора, шли к нему наниматься. А так как орудия производства были в руках фабриканта-работодателя, рабочие всецело зависели от последнего. Если бы фабрика закрылась, многие остались бы без работы и без средств к существованию. Приходилось соглашаться на низкую заработную плату, по той причине, что трудно было устроиться на другом месте. Рабочие теряли свободу распоряжаться собой и подпадали под власть нанимателя. Железный закон вступил в силу... Впрочем, у рабочих был еще один выход — накопить денег и отправиться на Запад. Но по мере того, как люди, бежавшие от индустриализации, и искатели приключений заселяли Запад, их места занимали иммигранты — выходцы из других стран. Сначала это были ирландцы, которые в пятидесятых годах рыли каналы, возводили насыпи и работали на строительстве. Впоследствии, когда ирландцы приобрели квалификацию, их заменили итальянцы, затем славянские народы из Восточной Европы и т. д. Каждая группа пришельцев являлась пролетарской прослойкой предыдущей группы. На низшей ступени социальной лестницы стояли негры, труд которых ценился крайне низко.

Надежды и чаяния, символом которых была статуя Свободы, привлекли такую массу иммигрантов, и предложение труда настолько превысило спрос, что в Железном законе, казалось, не предвиделось никаких изменений.

Впоследствии появились другие факторы, внесшие некоторые улучшения в вопросы организации труда; медленный, неравномерный процесс образования рабочих союзов, формирование общественного сознания и запоздалая констатация ужасающей бедности в США. Под влиянием таких факторов, законодательство начало постепенно вводить более приемлемые условия работы. Разумеется, немаловажную роль в этом процессе сыграла все возрастающая производительность труда. Непрерывно развивавшаяся промышленность стремилась удовлетворить потребности всех слоев общества и поднять жизненный уровень значительного большинства населения. В 1891 году заработная плата в двадцати двух отраслях промышленности увеличилась, по сравнению с зарплатой 1860 года, в среднем, на 68 процентов, тогда как оптовые цены снизились более чем на 5 процентов: материальное положение промышленных рабочих значительно улучшилось. Тем не менее для некоторых категорий рабочих условия существования попрежнему оставались крайне тяжелыми. В 1877 году, согласно данным, напечатанным в одном из журналов, недельный заработок рабочего угольного склада в фабричном городке на востоке США составлял 7 долларов в неделю. Его жена и две дочери работали на фабрике с 6.30 утра до 6.30 вечера. Заработок жены составлял 5 долл. (20 руб.) в неделю, старшей дочери — 4 долл. (16 рублей) и младшей четырнадцатилетней дочери — 3½ долл. (13 руб.). Следовательно, годовой заработок семьи был равен 924 долларам (3.696 рублям). Таким образом никаких заметных

перемен в условиях труда рабочих этой категории в середине XIX столетия не произошло. Положение углекопов в Пенсильванских каменноугольных шахтах было еще хуже. Шахтеры, эксплуатируемые на опасных подземных работах, всегда находились у компании в неоплатном долгу за жалкое жилье, питание и т. д. Еще худшие условия жизни были в нижнем Ист-Сайде (Нью-Йорк), где 290.000 человек теснились на площади в 2,59 кв. километра, застроенной многоквартирными домами. Джекоб Риис — реформатор, провозгласивший крестовый поход против нищеты, наблюдал картины ужасающей бедности: двенадцать мужчин и женщин, заплатив за ночлег по 5 центов, спали в грязной, душной комнате площадью в 4 кв. метра и даже меньше. Здесь жена инвалида — белошвейка шила сорочки, зарабатывая по 1,20 доллара (4 р. 80 к.) в неделю. Дочь, помогая матери, работала не менее напряженно по десяти часов в день. Не разгибая спины, она отделяла белье шитьем, за что получала грошовое жалованье — 2½ цента (10 коп.) в час. Для этих несчастных, находившихся на самом дне общественной жизни, Железный закон был подлинно «железным».

Одновременно, на верхних ступенях социальной лестницы люди утопали в роскоши. В виде примера следует упомянуть об особняке, вблизи Хартфорда, выстроенном Сэмюелем Кольтом — пионером в области промышленности. В 1876 году, согласно восторженному описанию одного из хроникеров «Журнала искусства», лужайку перед домом Кольта ежедневно прокатывали, подстригали, выравнивали тридцать рабочих. В парниках, тянувшихся на 803 метра, снимали ежегодно, по меньшей мере, тонну винограда, не говоря уже о 8.000 винных ягодах, персиках, 378 литрах земляники и других плодах. В начале восьмидесятых годов американские миллионеры во главе с Вандербилтом считали, что деловые люди, получавшие огромные барыши, должны строить дворцы наподобие европейских замков титулованных особ. В Америку приглашали опытных иностранцев-архитекторов для возведения дворцов в стиле Возрождения, монументальных итальянских вилл, французских замков с башнями и бронзовыми решетчатыми воротами, вывезенными из-за границы, со старинными каминами и штатом прислуги в тридцать и более человек. Эти разбогатевшие люди, жившие в роскоши, пользовались всеми благами жизни. Кроме скромного на вид дома в Нью-Йорке, Пирпонт Морган имел другой — в Лондоне, дачу в окрестностях столицы, поместье на берегу Гудзона, рыбачий домик в Ньюпорте и огромное здание в Джекил-Айленде. В 1898 году, осуществив давнишнюю заветную мечту, Морган построил паровую яхту длиной в 92 м., на которой были собраны коллекции редких произведений искусства общей стоимостью в 50 миллионов долл. Наступило время, когда частные яхты, художественные галереи и скаковые конюшни уже не были чем-то необычным, когда на парадных обедах подавали по двадцати блюд, а в разговоре светских юношей можно было услышать брошенную фразу: «Проси у старика не меньше 50.000».

В более раннюю эпоху, на заре промышленного развития в Европе, на основе подобных контрастов и выступил Карл Маркс со своей революционной теорией. Впрочем не надо было быть радикально настроенным человеком, чтобы придти в отчаяние при виде расширяющейся пропасти между бедными и богатыми. В 1882 году, за

несколько месяцев до костюмированного бала у Вандербильтов, на устройство которого было израсходовано 250.000 долларов (миллион рублей), Джуниус Генри Браун писал в журнале «Харперс»: «Из года в год появляются новые доказательства, что Нью-Йорк, действительно, — город бедняков и миллионеров. Разве богатые не становятся еще богаче, а бедняки еще беднее? Наступит ли время, когда пропасть между ними сократится? Надежда отвечает: — да, настанет, — а разум говорит — нет».

На рубеже XX столетия все еще оставалось это «нет». В этот период относительного процветания заработная плата неквалифицированного рабочего на севере составляла менее 460 долл. в год, а на юге — менее 300 долл. (1.200 рублей), в то время как личная доля Эндрю Карнеги в доходах его стальной компании составляла шесть с половиной миллионов долл. (26.000.000 руб.) в 1898 году, более двенадцати миллионов долл. (более 48.000.000 руб.) в 1899 году, и более двадцати трех миллионов долл. (92.000.000 руб.) в 1900 году. При этом государство не взимало тогда подоходного налога.

III.

В дальнейшем подобное положение было бы вызовом демократическим принципам. Но наступали перемены... История американского прогресса в первой половине двадцатого столетия связана с историей отмены Железного закона и медленного освоения индустриализма, попрежнему стремившегося к экспансии и обнаруживающего чрезвычайную продуктивность.

Сильное возмущение существующими порядками началось в девяностых годах прошлого столетия, главным образом, среди фермеров и мелких предпринимателей Среднего Запада и Великой Равнины, где идеи Джефферсона о нации свободной и независимой нашли горячую поддержку со стороны людей, помнивших времена колонизации этого края. Их негодование против алчной и деспотической власти железнодорожных промышленных компаний породило законы, ограничившие произвол крупных предпринимателей, как например, Акт о торговле между штатами 1887 года и Закон Шермана против трестов 1890 года. В эти же годы началось возмущение среди фермеров, оно было усилено недовольством промышленных рабочих, пытавшихся объединиться в профсоюзы. Впоследствии это движение было поддержано прогрессивным течением, которое можно было бы назвать «протестом совести Америки», возникшим в результате растущего возмущения миллионов граждан «новыми феодальными порядками». Когда передовые люди читали статьи таких авторов, как Джекоб Риис, раскрывавших перед ними жизнь в трущобах, когда журналисты, любители скандальной хроники, разоблачали грязных дельцов и продажных политиков — они убеждались, что их опасения имели моральную основу.

Таким образом, в американском общественном мнении стали намечаться сдвиги. В течение первых пятнадцати лет XX столетия, в сознании человека начали укореняться взгляды на общество, как на единое целое, за которое он частично несет ответственность. Выразителями таких идей были либерально настроенные деятели, как Теодор Рузвельт, Ла Фоллет и Вудро Вильсон. В церквях проповедывали «социальное Евангелие», служение обществу получило признание как особая профессия; экономисты впервые столкнулись с понятием «национального дохода», архимиллионеры Карнеги и Рокфеллер вложили значительную часть своего состояния в дело организации общественно-полезных учреждений, а Генри Форд, по собственному почину, поднял заработную плату и снизил цены на выпускаемую им продукцию. Этот новый тип передового предпринимателя так же отличается от фабриканта XIX столетия, как сборочный конвейер разнится от примитивной техники прошлого. Железный закон был на пути к своему исчезновению.

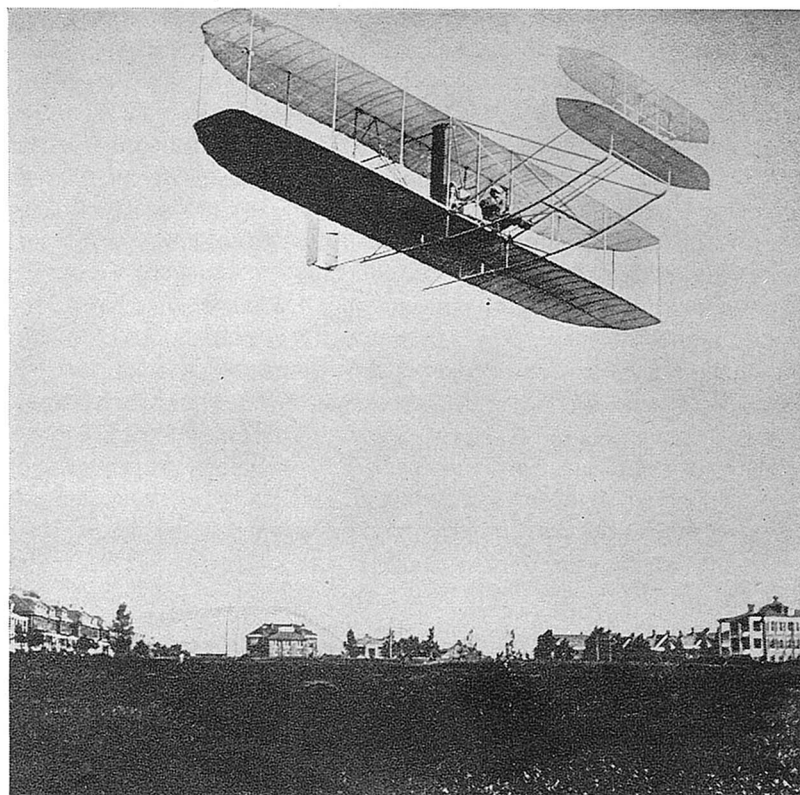
Тем временем изобретательство неуклонно продолжало развиваться. Мы уже освоили те чудеса, которые оно дало человечеству в первой половине нашего столетия: самолет, кинематографию, телевидение, широчайшее применение пластмасс, синтетических веществ и т. д.

Кроме того, результаты научных исследований обогатили нас открытиями в области питания, полезными препаратами и лекарствами. Атомная энергия обещает человечеству в будущем новые блага, однако, радужным надеждам не суждено сбыться, пока она служит целям взаимного истребления. Равным образом, мы достигли неслыханных успехов в технике производственного процесса, бла-

годаря чему выпуск продукции неуклонно увеличивается. Вместе со стремительным наступательным ходом промышленности развивается тенденция обуздать ее, то есть ограничить возможность богачам обогащаться, а беднякам становиться еще более бедными и, тем самым, сузить пропасть между ними.

Происшедшие перемены были обусловлены самыми разнообразными факторами, но мы не будем детально излагать длинный ряд событий, в которых они нашли свое выражение, а ограничимся лишь некоторыми наиболее важными, как первая мировая война с ее спросом на лучше оплачиваемый квалифицированный труд, рост конкуренции в двадцатых годах, кризис, вызвавший депрессию и сопровождавшийся безработицей, которая легла тяжелым бременем на плечи рабочих, законодательство периода политики Нового курса; вторая мировая война с беспрецедентным в истории государственным контролем и спросом на материалы, послевоенный подъем. Но забудем на некоторое время о хронологической последовательности событий и обратимся к многочисленным факторам, регулирующим промышленное развитие; мы можем подразделить их на пять отдельных наиболее важных категорий.

(1) Законодательство. Сюда относятся не только разнообразные законы по охране здоровья и труда рабочих, установление минимальной заработной платы и обеспечение права объединяться в органи-

зации, но и законы, ограничивающие произвол предпринимателей и — что особенно важно — система прогрессивного подоходного налога, впервые введенная в действие в 1913 году и оказавшая огромное влияние на перераспределение благ.

(2) Общественные мероприятия, включающие широко развитую сеть общественных начальных, средних и высших школ во всех штатах Америки, шоссе, национальные парки-заповедники, находящиеся в ведении правительства, усиление управленческого аппарата (местного и федерального). В настоящее время расходы Федерального правительства в восемьдесят раз превышают расходы 1900 года. В большинстве случаев широкий размах общественных мероприятий обуславливается признанием простого факта, что в сложной бытовой структуре современного города жители лишены возможности создавать для себя необходимые удобства, о которых в прежние времена люди могли заботиться сами, поэтому местное самоуправление обязано обеспечить городское население всеми видами коммунальных услуг.

(3) Профсоюзы. Благодаря профсоюзам за последние пятнадцать лет были значительно подняты ставки и улучшены условия труда по сравнению с теми, какие диктовались Железным законом.

(4) Перемены в методах управления предприятиями, обусловленные сознанием, что благоприятные условия труда, хорошее помещение, приемлемые жилищные условия, разумное отношение к вопросам труда и другим проблемам, имеющим общественное значе-

ние, увеличивают производительность предприятия. Перемены произошли не сразу; своим возникновением они, до некоторой степени, обязаны общественному мнению и регламентации правительственных органов, предавших гласности деятельность крупных предприятий. Такие нововведения, широко распространившись, содействовали процессу общего оздоровления.

(5) Логика массового производства, согласно которой, чем больше товаров, тем они дешевле, и чем обеспеченнее население, тем больше его покупательная способность, и, следовательно, тем сильнее стимул к массовому выпуску товаров. Процесс выявления такой закономерности нередко оказывался мощным фактором, приводившим к следующему заключению: народ, не подвергающийся эксплуатации и не знающий тяжелой нужды, — потребляет больше товаров.

Более целесообразно производить один и тот же стандартный сорт пищевых продуктов, одежды и обстановки для всех потребителей, независимо от их дохода, чем производить предметы роскоши для немногих и товары второго и третьего сорта для остальных. Снижение барьеров между классами может привести к увеличению доходов обеих сторон.

От обобщений перейдем к некоторым специфическим явлениям, вызванным регулированием промышленности за последние пятьдесят лет. За этот период количество товаров, потребляемых одним человеком, возросло в два с половиной раза, в то время, как рабочая неделя сократилась с 58 до 40 часов.

Хотя телефон появился в 1876 году, к 1900 году в Америке было только 1.300.000 аппаратов. К концу 1949 года их число достигло 40.500.000, то есть увеличилось больше чем в 30 раз. Автомобили появились в конце XIX века. В 1900 году в США насчитывалось всего лишь несколько тысяч машин, но на них еще смотрели, как на предмет роскоши, доступный лишь богатым людям. В настоящее время свыше 40 миллионов машин мчатся по шоссе и дорогам и длинным магистралям.

Радиоприемник начал завоевывать огромную популярность в 1920 году, то есть с того времени, когда он вошел в домашний быт. В наши дни приемник составляет неотъемлемую часть обстановки каждой семьи. Его молодой соперник — телевизор начал свою службу по-иному. Хотя появление последнего в массовом масштабе в 1947 году вызвало большую сенсацию, он не стал достоянием одних только богатей. Цены на аппараты с самого начала были доступны широкому населению. Логика массовой продукции упорно требовала снижения цен и обслуживания покупателей со средним и небольшим достатком. Следовательно, приобретение телевизора указывало не столько на имущественное благосостояние покупателя, сколько на его интерес к новым техническим новинкам.

Перейдем к совершенно иной области, а именно, к проблеме просвещения. В 1900 году из десяти и более подростков обоего пола в средней школе обучался только один, а в настоящее время четыре подростка из пяти. За пятьдесят лет количество учащихся в университетах, колледжах и педагогических институтах увеличилось в восемь раз. В 1950 году в США насчитывалось более двух миллионов студентов. Если народное образование в Америке по сей день представляет некоторую проблему, то только потому, что подготовка преподавательского состава и его зарплата еще не вполне урегулированы.

Эти перемены содействовали не только сокращению разницы между доходами богатых и бедных, — хотя в Америке нищета до сих пор гнездится на отдельных островках людского моря, — но и привели к сглаживанию различий в самом образе их жизни.

Остановимся, например, на чисто внешних признаках богатства. В 1850 году богатый купец, или в 1900 году — банкир в сюртуке и блестящем цилиндре и их жены, одетые по последней парижской моде, сразу выделялись в толпе. Сорок или пятьдесят лет назад на улицах столицы сельского жителя можно было узнать по бедному платью и неуклюжей походке. Покупателя дешевого костюма сразу угадывали по пиджаку в обтяжку и ботинкам со вздутыми носками. В настоящее время внешнее различие между рабочим-сталелитейщиком, канцелярским служащим и высокопоставленным чиновником может уловить лишь очень проницательный глаз. Разница между женщиной, которая расходует ежегодно 5.000 долларов на наряды и той, которая тратит 250 долларов не так очевидна, как разница между дамами с хорошим и плохим вкусом. У богатой женщины, конечно, больше платьев, но разве на улице узнаешь — имеются ли у ней три или тридцать платьев, а качество материала и искусство покроя

может оценить только специалист. Законодателем мод был Париж. Модели платьев высылались в США из самых дорогих парижских ателье, а затем фасоны видоизменялись дорогими американскими фирмами. Наконец, по истечении срока (от шести месяцев до одного года) их снова переделывали до неузнаваемости в дешевых пошивочных мастерских. В наши дни такой процесс идет более быстрым темпом и разница в одежде богатых и бедных все больше и больше сглаживается. Женщины, принадлежащие к разным имущественным группам, носят одни и те же нейлоновые чулки (еще один пример демократического принципа массового производства). У любой женщины — если она не впала в нищету и не перестала следить за своей внешностью — как и у богатой дамы, волосы тщательно причесаны и уложены. Можно сказать, что одно лишь манто из норки в наши дни служит признаком богатства его носительницы. Прежде, во времена наших отцов, фирмы, торговавшие по почте, выпускали платья совершенно разных фасонов и качества для жен фермеров на Западе и для городских жительниц на Востоке. В наше время разница в одежде тех и других почти исчезла. Мой приятель рассказывает, что, проезжая через маленький городок в штате Оклахома, во время остановки поезда, он обратил внимание, что по внешнему виду девушки, гулявшие по платформе, ничем не отличались от жительниц Нью-Йорка или Чикаго.

Перейдем от одежды к предметам повседневного обихода. Не нужно быть социологом, чтобы знать, что богатые и бедные люди курят одни и те же сигареты, бреются одинаковой бритвой, пользуются таким же телефоном, пылесосом, радио, освещением, отоплением и т. д. Почти нет никакой разницы между машиной богатого и менее состоятельного человека. Мотор и части автомашины совершенно одинаковы. В начале столетия марки частных автомобилей служили показателем имущественного положения их владельцев. Лица, стоящие на верхней ступени социальной лестницы, выписывали иностранные машины. К категории «аристократических» автомобилей относились тяжелые, дорогостоящие машины отечественного производства. Затем шли другие не столь дорогие модели, пока модель-Т Форда, самая дешевая из всех, не завоевала всеобщего признания. В настоящее время американцы пользуются стандартными типами машин, за исключением Роллс-Ройсов, до сих пор сохранивших прямоугольную форму, и новых английских спортивных автомобилей.

Хотя принято считать, что владелец машины новой марки — состоятельный человек, однако возможно, что он, как и покупатель телевизора, выкраивает средства на приобретение такой ценной вещи большей частью из весьма скромного бюджета.

Непрерывный рост водопроводной и канализационной сети шел более медленным темпом. В конце девятнадцатого века жители городов, принадлежавшие к зажиточному и среднему классу, пользовались водопроводом и устанавливали у себя в домах умывальные раковины, ванны и унитазы. В начале текущего столетия рабочий и фермер (за исключением нескольких крупных землевладельцев) не могли даже мечтать о такой роскоши, как ванна. За городской чертой, где не было водопровода, даже наиболее богатые семьи лишены были этих удобств. Общедоступная гостиница с ванной комнатой при каждом номере была выстроена в г. Буффало Элсуортом М. Статлером лишь в 1908 году, а с 1916 года началось массовое производство эмалированных ванн с двойными стенками, вытеснивших старые чугунные ванны с закругленными краями. В наши дни лишь в очень старых и бедных жилищах отсутствуют такие элементарные удобства, как ванна и душ, которые быстро вошли и в быт фермеров.

Тем временем и электрификация американских ферм достигла развития, какого нельзя было себе представить в 1900 году, когда в домах более зажиточных людей впервые зажглась электрическая лампочка, но из-за частого прекращения тока и аварий, в квартирах еще долгое время оставалась газовая проводка. Электрические рефрижераторы и фризеры не только значительно облегчили труд домашней хозяйки, но вместе с открытиями и распространением знаний в области питания, рефрижераторы улучшили диету населения (куда девалась известная всем американская диспенсия?). Домашняя прислуга, как большая экономическая группа почти исчезла, хотя в наши дни ее заработная плата имеет гораздо большую покупательную способность, чем в 1900 году. Почти полное исчезновение домашней прислуги объясняется в открывшейся перед этой социальной группой возможностью найти применение своим силам и более высокую оплату труда в других областях экономической жизни.

Широчайшее распространение журналов, кино и радио — один из наиболее поразительных результатов массового производства. Новшества и изобретения сблизили все слои общества. У людей разного имущественного положения появилось стремление придерживаться одного и того же стиля поведения; другими словами, они усваивали одну и ту же манеру держать себя, разговаривать и т. д. Такой процесс — характерное явление двадцатого столетия, так как в 1900 году объемистые журналы начали выходить миллионными тиражами, в 1905 году кинокартины стали демонстрироваться во всех театрах, а в 1920 году радиовещание завоевало огромную популярность.

В кинофильмах знаменитые актеры играют людей богатых и рядных, играют обездоленных и бедняков. Неважно, кого они изображают, так как популярность исполнителя зависит от искусства воплощения. Важно, чтобы американская молодежь могла бы оценить и понять его игру, другими словами, от актера требуется соблюдение манер и речи, которые люди старшего поколения определили бы как свойственные среднему классу. Теперь же более правильно отнести эти манеры и речь к внеклассовому или общеамериканскому типу. Изображает ли актер сына миллионера или сына простого шофера — оба образа мало чем отличаются друг от друга. Таким образом, логика массового производства заставляет кумиров Голливуда исполнять роли типичных американских персонажей. Такая тенденция приводит к следующему: сын богача, приводящий в отчаяние своих родителей грубоватым тоном, заимствованным от парня из кинофильма, и сын шофера, желающий стать таким же забавным, как некий герой радиокomedии, со временем будут похожи на своих любимцев, следовательно похожи друг на друга в большей степени, чем это могло случиться при иных условиях. Короче говоря, расстояние между двумя крайними группами в США постепенно сокращается.

IV

Заканчивая перечень перемен, происшедших за сто лет, то есть с 1850 года, мы приходим к заключению, что промышленное развитие, видоизменившее лицо нашей страны, принесло нам больше благ и одновременно больше обязанностей. Нам удалось доказать, что промышленность нуждается в регулировании, а власть ее — в обуздании, чтобы служить на пользу всему народу. Что предстоит

нам еще увидеть в течение ближайшего столетия или полустолетия и куда мы держим путь?

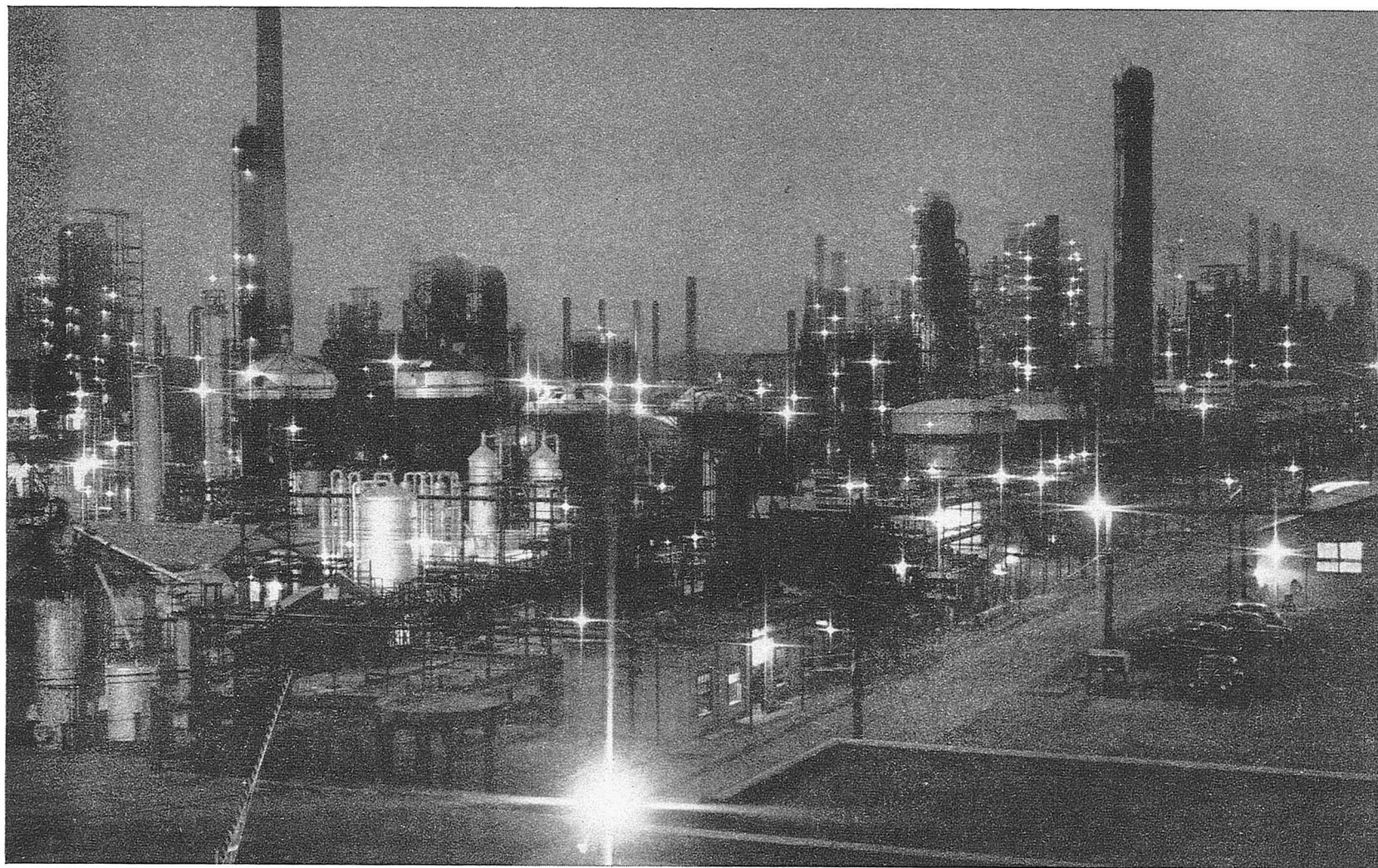
Мне иногда кажется, что мы только-только сдвинулись с места, что индустриализация находится лишь в зачаточной стадии и ее служение культурным целям только начинается. Профессор-экономист Сомнер Шлихтер говорит, что в недалеком будущем, примерно, в 1980 году, чистая годовая продукция в расчете на каждого рабочего возрастет по крайней мере с 4.065 долл. в год до 5.744 долларов, тогда как рабочая неделя сократится с 40 до 30 часов. По-моему эти весьма скромные надежды осуществляются при условии, что нам удастся преодолеть некоторые грозящие нам опасности.

Например, каждая волна психоза, прокатывающаяся по всей стране, вроде необоснованного страха, переживаемого многими людьми перед относительно незначительной политической группой американских коммунистов, лишний раз напоминает, что непрестанная бдительность — наша гарантия, как от диктатуры справа, так и слева. Но если американская находчивость и умение приспосабливаться, здравый смысл и бодрость духа вывели нас из периода испытаний в 1933 году, то эти же качества могут снова придти нам на помощь.

Если мы сохраним мир и сдержим агрессию, виды на будущее весьма радужны. Следует направить внимание на оставшиеся еще в стране островки нищеты, на наши перенаселенные и недостаточно финансируемые города, требующие более крупных ассигнований. Жизнь в скученном городе создает ненормальные условия, нервную обстановку, но в то же время богатством и блеском она привлекает все новых и новых жителей. В равной мере следует обратить внимание и на то, что отсутствие надлежащих условий мешает многим американцам заниматься созидательным трудом. Перед нами лежит широкий путь к прогрессу. Мы пойдем по этому пути при условии, что будем продолжать научные изыскания и стремиться к техническому прогрессу, которые помогут нам избежать упомянутых опасностей. Никогда инженеры и техники не были столь активны, как в наши дни.

Наука, как и промышленность, еще очень молода. Такое открытие, как атомная энергия, при условии ее применения в мирных целях, настолько изменит жизнь, что человеку в 2000 или в 2050 году, пятидесятие годы нашего столетия покажутся такими же отсталыми, как нам теперь кажется начало нашего века.

Текст с разрешения:
Harpers Magazine

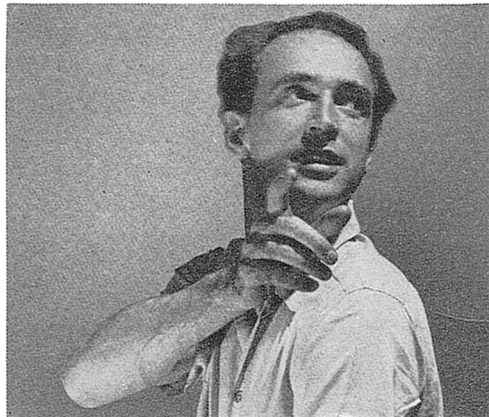
Нефтеочистительный завод в Иллинойсе, 1950 год:

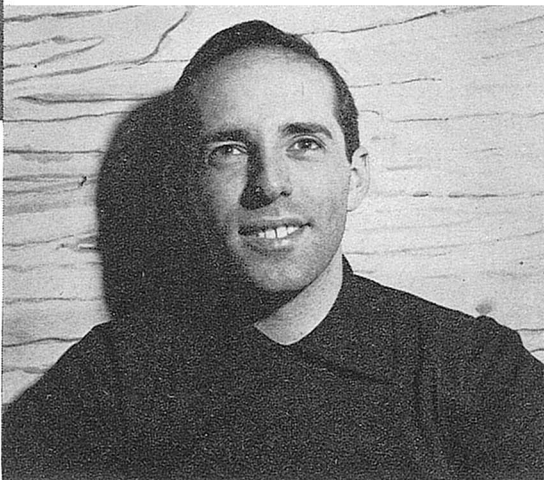
Георгий Баланчин — главный балетмейстер Школы американского балета, где он работает с 1934 года. Баланчин пользуется большим авторитетом: он поставил пятнадцать балетов, создал особый неоклассический стиль и применил свою технику танца в опере, кино и музыкальной комедии.

На противоположной странице: два молодых танцора из Театра балета демонстрируют технику и динамичность хореографической постановки Дж. Роббинса «Интермедия». В отличие от более ранних балетов, «Интермедия» не имеет определенной темы, тем не менее, манера исполнения придает ей, бесспорно, американский характер.

Балетмейстер-англичанин Антония Тюдор, обосновавшийся в Соединенных Штатах, создал особый жанр — «драматический балет», который вызвал большие дискуссии.

Известный американский балетмейстер Джером Роббинс отображает жизнь родной страны в балетах, танцы которых, по отзыву некоторых зрителей, «напоминают оживленный разговор».

Расцвет американского балета

Вечером 21-го февраля 1950 года улица перед городским Центральным театром Нью-Йорка была запружена автомашинами. Толпы людей сплошным потоком медленно продвигались к театру, открывавшему зимний сезон классическим балетом «Жар-птица» в новой постановке Георгия Баланчина. Оркестром дирижировал сам композитор — Игорь Стравинский. Зрители переполнили зал; на галерке публика стояла в два ряда. По окончании спектакля раздались бурные аплодисменты; занавес поднимался бесконечное число раз; композитору и балетмейстеру, появившимся на сцене, устроили овацию.

Еще сравнительно недавно, в 1935 году, нельзя было наблюдать такого наплыва публики. В поразительно короткий срок, за какие-нибудь пятнадцать лет, американский балет достиг своего расцвета, подтверждением чего служит его возросшая популярность. После второй мировой войны посещаемость балетных спектаклей увеличилась до двух миллионов зрителей в год. Такое сильное увлечение балетом было явлением неслыханным в стране, где публика, если и не относилась равнодушно к этому виду искусства, все же считала его слишком узким, чтобы вызывать общий интерес; по традиции он оставался достоянием ограниченного круга энтузиастов. Городской Центральный театр в Нью-Йорке сыграл весьма важную роль в истории американского балета, он стал постоянным приютом не только оперной, но

и балетной труппы, субсидируемой городом Нью-Йорк. В 1943 году Центральный театр был приобретен городом и, благодаря пониженным ценам, его спектакли и концерты стали доступны широкой публике. По своей конструкции здание театра не вполне отвечает требованиям балета, но оно вмещает около 3.000 человек и тем самым дает возможность широкой публике ознакомиться с балетными постановками.

Быть может, важнейшим фактором в развитии отечественного балета были частые турне европейских трупп по Америке. Когда австрийская балерина Фанни Эльслер, пользовавшаяся мировой известностью, посетила в 1840 году Соединенные Штаты, ей был оказан столь восторженный прием, что она гастролеровала в Америке целых два года. Европейские балеты часто приезжали в США, но успех Эльслер оставался непревзойденным до 1910 года, когда Анна Павлова и Михаил Мордкин, артисты Русского императорского балета, совершили свое первое турне по стране. Американцы приняли артистов с энтузиазмом; с тех пор широкий круг восхищенных зрителей мысленно отождествлял балет с Россией. С 1913 по 1925 г. Павлова регулярно совершала со своей труппой турне по Америке. Искусство этой замечательной артистки пробудило интерес к балету у многих тысяч зрителей. Иллюстрацией второго фактора, способствовавшего развитию американского балета, служила артистическая деятельность Мордкина в более поздний период, а именно, открытие хореографических школ в США. В 1925 году, после частых гастрольных поездок по США, Мордкин обосновался в Нью-Йорке и открыл балетную школу, быстро завоевавшую славу своей прекрасной постановкой преподавания. Проработав в течение десяти лет с учениками-американцами, он подготовил значительное число талантливых танцоров и создал студию Мордкина, ставшую в дальнейшем одним из самых выдающихся театров балета. К числу известных педагогов в США — бывших учеников Русского балетного училища — относится Адольф Волм, организовавший школы при Чикагской опере и опере в Сан-Франциско, затем талантливый Михаил Фокин, выступавший с 1909 по 1913 год в Париже с труппой Дягилева.

Тридцатые годы были поворотным пунктом в истории развития американского балета. Это десятилетие удачно началось в 1933 году рядом гастролей Русского балета — труппой, организованной в предшествующем году в Париже и состоявшей, главным образом, из русских танцоров. Русский балет, приезжавший регулярно каждый год на гастроли в США, оживил и еще более усилил впечатление, произведенное Павловой в начале двадцатых годов. Впервые публика имела возможность посмотреть балетные спектакли в художественном исполнении целой труппы. Русский балет хранил традиции Дягилева, создавшего особый стиль в своих одноактных постановках. В них танец составлял только часть гармоничного ансамбля, сливаясь с музыкой, драматическим сюжетом и декорациями в одно художественное целое. Кордебалет использовался в гораздо большей степени, чем принято в классическом балете.

Другим важным событием было открытие в 1934 году Школы американского балета. Это была первая в США школа, которая после длительного и серьезного обучения, выпускала законченных танцоров. В последние годы выпускники этой школы и других хореографических училищ, возглавляемых вышеупомянутыми педагогами, составили ядро американского балетного искусства; их успешное выступление содействовало образованию квалифицированных творческих групп и организации в 1948 году Балета города Нью-Йорка, находящегося в ведении городского управления.

Линкольн Кирстейн, основатель Школы американского балета, упорный человек и неутомимый деятель, вероятно, оказал большее влияние, чем кто-либо другой на развитие американского балета. Со дня основания Школы число учеников возросло с тридцати до трехсот, обучающихся у педагогов, воспитанных в духе классических традиций, и обладающих значительным сценическим опытом. Среди желающих поступить в Школу производится тщательный отбор, и учащиеся подчиняются чрезвычайно строгой дисциплине. В состав учеников входят как девятилетние дети, так и взрослые профессионалы, например, американские балерины Мери Эллен Мойлан, Рутанна Борис из Русского балета и танцоры-хореографы — Тодд Болендер и Джером Роббинс. Широкая учебная программа включает адажио (танец с партнером), характерные народные и импровизи-

рованные современные танцы, а также композицию танца.

Одним из важных решений Кирстейна было приглашение Георгия Баланчина в качестве балетмейстера и хореографа. Баланчин — танцор и музыкант, обучавшийся в России, приехал из Парижа, где завоевал славу, как танцор и хореограф в труппе Дягилева и затем выступая короткое время в Русском балете. Большое влияние Баланчина на американский балет было предопределено его первым выступлением, привлечшим к нему определенный контингент зрителей. В 1936 году он включил небольшую балетную сцену в музыкальную комедию «На пуантах». Через несколько лет включение балетных номеров в музыкальные комедии — обозрения, водевили и оперетты, — пользующиеся большой популярностью в США, стало обычным явлением.

Третьим важным событием в тридцатых годах было открытие в 1939 году Театра балета, быстро завоевавшего славу, так как в состав труппы входили квалифицированные профессионалы-амери-

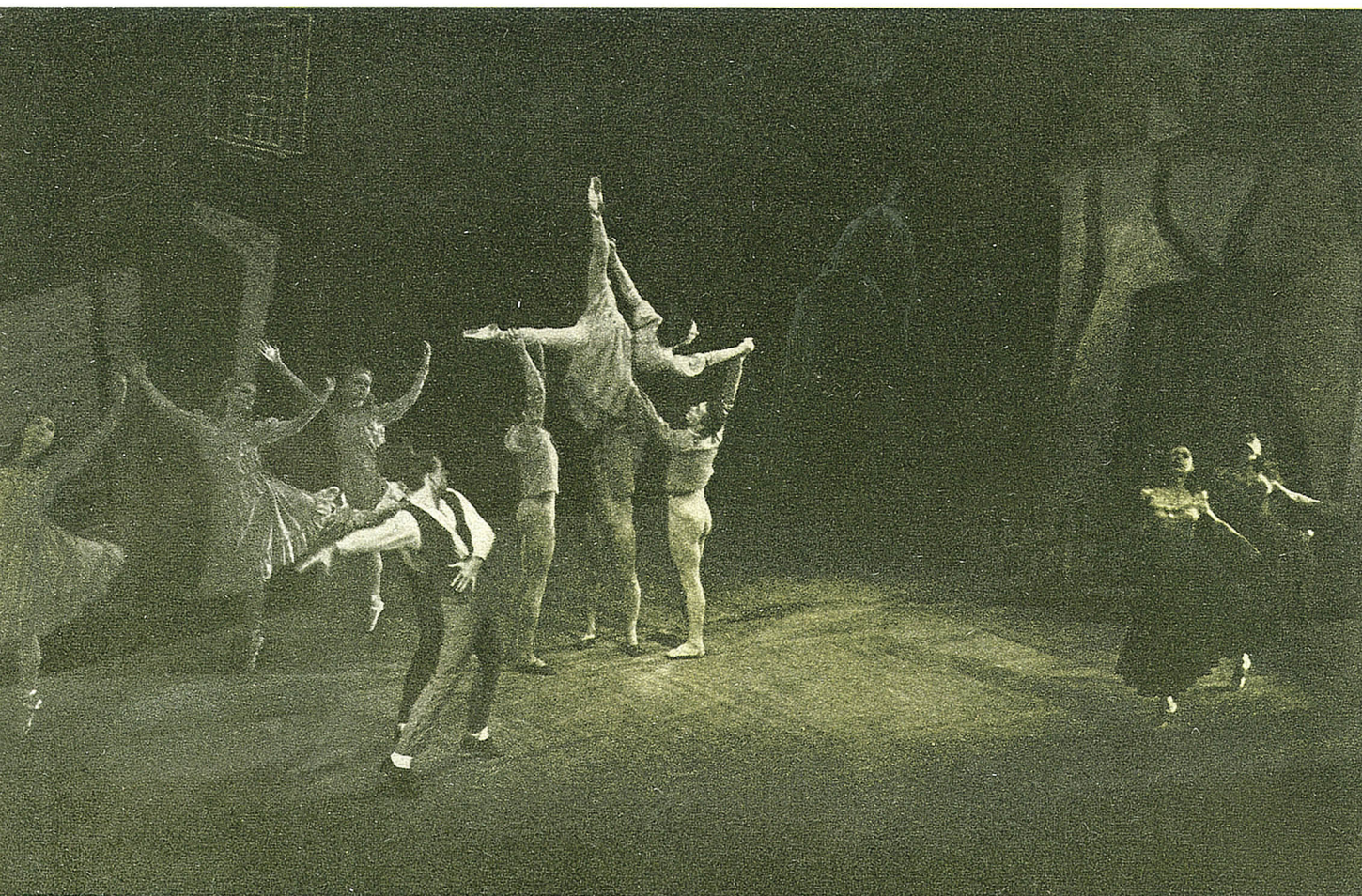

Лучший образец «драматического балета» — «Огненный столб» Антони Тюдора. Его сюжет — старая, как мир, повесть о женщине, отвергнутой любимым и уходящей к другому. На снимке Нора Кей в своем танце воплощает чувства героини в объятиях человека, которого она не любит.

канцы. Благодаря превосходному кордебалету и первоклассным солисткам, в репертуар театра вошли самые разнообразные постановки: классические балеты 19-го века, как «Лебединое озеро» и «Жизель»; популярные спектакли Дягилева-Фокина: «Карнавал», «Петрушка» и «Сильфиды», а также чисто американские балеты, как «Мальчик Билли», «Беззаботность» и «Интермедия». Наконец, не меньшую известность этот театр приобрел как инициатор и поборник особого жанра — драматического балета, вызвавшего много дискуссий. Главный представитель этого течения Антони Тюдор, — английский артист, обосновавшийся в Соединенных Штатах. Его балет «Огненный столб», захватывающий хореографический этюд, изображает переживания женщины, отвергнутой любимым. По общему мнению эта постановка — лучший образец драматического балета.

Трудно передать словами чувства, возбуждаемые этим балетом. Краткое изложение сюжета может дать лишь некоторое представление

Сцена из балета «Огненный столб»: балерина (поддерживаемая партнерами) стремительными движениями изображает сознание вины и жажду примирения. Конфликт разрешается полным муки признанием и примирением с любимым.

о постановке «Огненный столб». Героиня Хагар, единственное действующее лицо, которому дано имя, пылко любит доброго, легкомысленного молодого человека, названного просто «Другом». Время действия — конец столетия, место — площадь между двумя домами. Балет начинается картиной вечера. В сумерках, на ступенях одного из домов сидит Хагар. Подходит «Друг». Ветреная кокетка — «Младшая сестра» Хагар — увлекает его за собой и отвергнутая Хагар остается одна. Она опасается, что ее постигнет судьба «Старшей сестры» — чопорной старой девы. Терзаемая безысходным отчаянием, она отдается соблазнившему ее «Молодому человеку». Она чувствует себя виноватой и недостойной «Друга», вернувшегося к ней и клянущегося ей в своей любви. Для претворения в танце извечной фавулы — мучения отвергнутой женщины, в отчаянии стремящейся забыться в призрачных наслаждениях, ее раскаяние и наконец, счастливая развязка — требуется артистка, способная глубоко прочувствовать переживания Хагар. Такой танцовщицей была американка Нора Кей — ученица Фокина. Выступая в роли героини балета «Огненный столб», эта танцовщица, сравнительно мало известная до 1942 г., сразу стала звездой театра. С тех пор ни одна балерина, помимо Кей, не исполняла роли Хагар. Блестящий успех обеспечил Норе Кей признание лучшей драматической балерины США.

Объясняя разницу между драматическим балетом «Огненный столб» и чисто классическим балетом, театральный критик Вальтер Терри писал в газете «Нью-Йорк Геральд Трибюн»: «С нашей точки зрения стиль классического балета требует благородных движений и любовных сцен, причем балерина должна иметь царственный вид, а возлюбленный — рыцарские манеры... Технически, для развития фавулы необходимо широко использовать традиционную пантомиму, а танцы, передавая сюжет и характерные черты, должны быть разделены соответствующим образом на групповые, па-де-де, сольные и т. д. От современного балета, как например «Огненный столб», мы ждем тем, раскрывающих переживания взрослых людей и человеческие отношения. Кордебалет принимает участие почти во всех действиях, пантомима заменяется выразительными пластическими движениями, виртуозность служит не для показа мастерства танцовров, а для подчеркивания драматических элементов сюжета.

Если Антони Тюдор и Театр балета — представители одного из

важнейших в современном американском балете течений, то Георгий Баланчин и Нью-Йоркский городской балет — представители другого. Тюдор использует современный танец как средство, способное внести изменения в основные балетные традиции с целью показа драматического сюжета. Он стремится к отвлеченному танцу, который воспринимался бы зрителем так же, как воспринимается музыка Баха. Баланчин — классик по преимуществу, его балеты чаще всего не имеют сюжета, его цель — изобразить движениями танца геометрический рисунок в соответствии с музыкой. Для него эмоциональность не имеет столь большого значения, как для Тюдора. Для Баланчина эмоциональный элемент создается в процессе претворения музыки в танец.

После некоторого экспериментирования по системе Дягилева, Баланчин в 1941 году вернулся к чистому классицизму. Это, конечно, означает, что он строго придерживается ортодоксальных принципов, то есть классической школы танца, благодаря которой балет в течение трехсот лет сохранял международный характер. Баланчин, как правило, не искажает, подобно Тюдору, классический балет и не вводит в него реалистических элементов. Его мало интересуют современный или народный танец. Своими вечными исканиями пространства и рисунка он напоминает одаренного сильным воображением математика. Отличительными чертами его стиля являются новая аранжировка традиционных па и новый рисунок танца, при которых комплексные движения кордебалета используются как фон. Джордж Амберг, консультант по вопросам театрального искусства при Нью-Йоркском музее современного искусства, объясняет почему он считает неоклассицизм Баланчина подлинно американским:

«Хотя Баланчин более точно, чем кто-либо другой, определил классический стиль современного американского балета, он никогда не использовал для фавулы национальные сюжеты, ибо подлинный американский балет нечто большее, чем простое использование местного колорита. Такой подход Баланчина объясняется его многолетним опытом и интенсивной работой с американскими танцорами. Следовательно, его хореографический стиль сложился под влиянием характерных особенностей, свойственных американским танцорам, а последние обязаны ему возможностью выявить свой стиль».

Американские танцоры вносят большую динамичность в традиционные балетные постановки. Американские сильфы из балета

Георгий Баланчин использует классические па в своих хореографических замыслах. На снимке сцена из его балета на музыку Чайковского «Второй концерт». У этого балета нет определенного содержания, он является как бы хореографическим откликом на музыку Чайковского.

«Сильфиды» считаются более крепкой породой, чем европейские, а балерина Нора Кей — королева лебедей в «Лебедином озере» — производит впечатление не хрупкого лебедя, или хладнокровной, выдержанной королевы, а сильной, страстной женщины. Большинство современных американских танцоров отличается от своих европейских коллег тем, что они неизменно вносят в сказочные балеты атлетический элемент и кажутся реальными людьми, живущими в реальном мире.

Несмотря на непрестанное экспериментирование в области хореографии, классический балет, по мнению американских ценителей, сохранил свою неувядаемую красоту. В сценах из «Лебединого озера», поставленного Театром балета, артисты продолжают очаровывать зрителей.

Именно эти характерные особенности американских танцоров оказали известное влияние на Баланчина и на других балетмейстеров, проживших долгое время в Америке. Характерным примером в этом отношении может служить Мария Толчиева, звезда Нью-Йоркского городского балета, которую некоторые критики считают самой блестящей по технике и виртуозности балериной в США. Толчиева — индианка из штата Оклахома — коренная жительница Америки. Она была выдающейся ученицей Баланчина в Школе американского балета. Работая над новым вариантом «Жар-птицы», появившемся на сцене в 1950 году, Баланчин сообразовался с особенностями ее таланта. Это был его первый балет, построенный на определенной фабуле, — Фея дает принцу волшебную палочку, с помощью которой он может отогнать сонмы злых духов. В «Жар-птице» Баланчин создает необычайные эффекты, используя классический танец в сложных вариациях. Главную роль исполняет балерина, подготовленная и обученная им самим. Его балет отображает красоту и четкость классических па и дает совершенный рисунок движений. Романтический дух сюжета выражен в танцах прима-балерины, когда она изображает отчаяние пойманной птицы и заколдованное существо, находящееся во власти волшебных чар.

Трудно сказать, кому, в конце концов, отдаст предпочтение подрастающее поколение любителей американского балета: поэтической ли драме Антони Тюдора с сильными переживаниями, блестящему ли неоклассицизму Георгия Баланчина, или какому-нибудь новому, еще не созданному стилю.

Тем не менее можно прийти к следующему заключению: экспериментирование будет продолжаться в дальнейшем так же интенсивно, как и за последние пятнадцать лет, США будут оказывать радушный прием европейским балетным труппам, а ценители искусства — продолжать спорить о достоинствах европейских и американских исполнителей. В сезоне 1949-1950 гг. английская балетная труппа Садлера Уэллса, сохранившая классические традиции, ставила свои спектакли в оперном театре Метрополитен (Нью-Йорк), а за несколько кварталов, в театре Уинтергарден, Парижский балет демонстрировал смелое и чрезвычайно индивидуальное толкование «Кармен» Роландом Пети. Оба балета вызвали живую критику и восторженные отзывы.

Летом 1950 года три американские балетные труппы отправились в турне по Европе. Театр балета, Нью-Йоркский городской балет и Ансамбль американского балета, в труппу которого входят исполнители классического и современного танца. Такой международный обмен силами знакомит все более широкий контингент зрителей с новыми артистами и современными течениями, способствующими развитию нового стиля балетного искусства, которое захватило американскую публику.

С 1910 года классический балет Стравинского «Жар-птица» очаровывает зрителей Европы и Америки. В США балет шел в нескольких вариантах. В сезоне 1950 г. «Жар-птица» завоевала большой успех в постановке Нью-Йоркского городского балета; главные роли исполняли Мария Толчиева — индианка из шт. Оклахома и Франциско Монсион — уроженец Доминиканской республики.

Гордые участники сбора в Лос-Анжелосе (Калифорния) со своими моделями. В число принятых моделей вошли точные копии самолетов и оригинальные конструкции.

АВИАМОДЕЛИСТЫ-ЛЮБИТЕЛИ

Покончив с семейными покупками, многие матери-американки, по возвращении домой, видят, что сын или дочь, расположившись на ковре посреди гостиной, сидит, окруженный кусками бальзы, папиросной бумаги, банками с клеем, лентами резины и набором инструментов. После строгого приказа отправляться в будущем с подобными глупостями в подвал, мгновенная вспышка недовольства матери рассеивается при виде блеска, вспыхивающего в глазах ее отпрыска, когда модель самолета, над которым он работал, взлетает и в течение нескольких драгоценных секунд парит в воздухе.

В большинстве случаев дело этим и кончается. Однако многие юноши, сделав какую-нибудь простую модель, не удовлетворяются достигнутым. Те, у кого имеется «авиационная жилка», продолжают опыты, строя модели больших размеров и все усложняющейся конструкции. Они встречаются с другими энтузиастами авиамоделизма, обмениваются идеями, сопоставляют одну модель с другой и т. д. Более серьезные и увлекающиеся составляют основную массу тех 25.000 конструкторов-любителей, которые имеют специальные разрешения, выданные Академией воздухоплавания — главной организацией страны, ведающей авиамоделизмом. Они соревнуются на сборах, санкционируемых Академией, и ежегодно в стране проводится до шестисот таких сборов. Главный из них — общенациональное соревнование — состоялся в 1950 году в г. Далласе, штат Техас, и привлек сто тысяч зрителей, собравшихся посмотреть достижения тысячи участников сбора, приехавших из всех районов Соединенных Штатов.

Помимо 25.000 активных авиаконструкторов, еще три-четыре миллиона любителей занимаются авиамоделизмом исключительно ради удовольствия посмотреть как поднимается в воздух их «изделие». Эти миллионы конструкторов-любителей способствуют развитию особой промышленной отрасли. Многие предприятия выпускают наборы, в которые входят штампованные из бальзы части моделей самолетов специальной конструкции, а также бумага, клей и резина. Для более смелых авиамodelистов в продаже имеются маленькие моторы, работающие на бензине или бензоле. За последнее время завоевали популярность миниатюрные радиоактивные двигатели.

Конечно, авиамоделизм не только развлечение, но и серьезное дело. Работа с моделями самолетов входит в программу многих школ как часть профессионального обучения или как самостоятельный курс, знакомящий с основными принципами воздухоплавания. Это занятие поощряется и в больницах среди больных, остающихся на долгий срок, ввиду того терапевтического влияния, какое оно может оказать. Даже инженеры-авиаконструкторы пользуются точными моделями для всестороннего испытания новых идей, что сберегает жизнь людей, время и труд.

На состязании авиамodelистов в одном из среднезападных штатов восемнадцатилетний Роберт Юрдовский, пускает модель, оснащенную бензиновым двигателем. Слева: член жюри отмечает время взлета.

Слева: один из участников последнего сбора устанавливает на своей модели миниатюрный бензиновый двигатель, а его товарищи исправляют окраску крыльев. Сухие аккумуляторные элементы дают вспышку, нужную для пуска мотора.

Слева внизу: на этом этапе сбора достижения авиамodelистов оцениваются по мастерству выполнения моделей. Во внимание принимаются оригинальность конструкции, расчет масштабов и выполнение рабочих частей.

Охрана порядка в демократическом обществе

Полиция — образец местного самоуправления.

Б. СМИТ

Автор этой статьи — заместитель директора Института государственного управления, — научного учреждения, которое обслуживает органы власти Федерального правительства, штата и района, помогая проводить требуемые обследования и консультируя их по организационным, финансовым, юридическим вопросам, связанным с охраной порядка. В качестве одного из виднейших американских специалистов в этой области, Б. Смит работал консультантом по улучшению и реорганизации полицейского аппарата в разных городах и штатах страны, участвовал во многих комиссиях по пересмотру законодательства и организовал курсы по подготовке полицейских работников. Его перу принадлежит ряд трудов по вопросам охраны порядка, а также большое количество работ, освещающих постановку полицейской службы в Бельгии, Канаде, Франции, Германии, Англии и Америке. Он читает лекции в крупнейших университетах США, а также в Национальной академии при Федеральном бюро расследований в г. Вашингтоне.

Создатели американской конституции не только пристально всматривались в современную им политическую жизнь двух континентов, но также внимательно изучали историю. Им была ясна необходимость иметь в стране центральное правительство, которое помогло бы тринадцати молодым колониям прочно обосноваться на Атлантическом побережье. Но они учитывали и то обстоятельство, что сильное центральное правительство может приобрести деспотический характер; их очень тревожила мысль, что их детище когда-нибудь в будущем станет оружием, направленным против тех самых идеалов личной и политической свободы, за которые они боролись.

Федеративное государственное устройство США явилось прямым результатом двух противоречивых и требующих согласования факторов: настоятельной потребности в центральной организации, с одной стороны, и постоянного опасения, чтобы последняя не нарушила личной свободы граждан, как это наблюдалось тогда повсюду, — с другой. Федеративное устройство базируется на принципе, что влияние центрального правительства уравнивается влиянием правительств отдельных штатов: законодательная, исполнительная и судебная власть взаимно друг друга ограничивают, притом весьма строго, как в Федерации, так и в штатах. Но быть может самой важной гарантией личной свободы является Декларация прав человека, то есть первые десять поправок к Конституции США, без которых многие колонии отказались бы ее ратифицировать.

Помимо всего прочего, Декларация прав человека детальнейшим образом ограничивает права федеральных властей при таких действиях, как арест, обыск, наложение ареста на имущество, следствие, судебное разбирательство, наказание. Вместе с ограничениями действий правительств штатов, позднее включенными в «Четырнадцатую поправку» к Декларации, они налагают ряд ограничений на действия органов власти, касающиеся политической, религиозной и личной свободы граждан. Эта система четких гарантий, защищающих частные интересы и свободу совести граждан от посягательств государства, порождена здоровым чувством тревоги, что то или иное правительство в будущем может сделать попытку стать выше народа, который его избрал.

Гарантии эти, включенные не только в основной закон государства или Конституцию страны, но также в конституции большинства штатов, во многих случаях имеют прямое отношение к вопросу о полиции. Так например, первая поправка к Федеральной конституции, устанавливающая «право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об устранении причин недовольства», сильно ограничивает полномочия полиции в отношении общественных собраний. Точно также твердо соблюдается закон, гласящий: «Право народа хранить и носить при себе оружие не должно нарушаться», — за исключением тех случаев, когда речь идет об укрывательстве оружия.

Конституционные оговорки относительно обысков и арестов лишают полицию права арестовывать граждан по подозрению и входить в помещения, занимаемые частными лицами, без судебного постановления, в котором должно быть «подробно указано, где именно надлежит произвести обыск и какое лицо или имущество подлежит аресту». Доказательства, полученные в результате незаконного обыска или ареста, не имеют силы в федеральных судебных инстанциях.

Происшедшие с тех пор перемены, конечно, сталкивались с этими решениями, но не ослабляли их действия. Например, хотя 160 лет назад, когда принималась Федеральная конституция, еще не было телефона, дух конституционных гарантий распространился и на это изобретение. В законодательство и судебные решения штатов в настоящее время вводится запрет пользоваться перехваченными телефонными разговорами, как уликой против обвиняемого, — если запись произведена без специального разрешения, выдаваемого судом заранее в каждом отдельном случае. Чтобы получить это разрешение, полиция должна представить доказательства того, что лицо, чей разговор она желает перехватить, подозревается в преступлении. В федеральных судах записи подслушанных телефонных разговоров и доказательства, косвенно вытекающие из таких записей, совершенно не принимаются к рассмотрению.

Находясь под арестом, обвиняемый огражден дополнительными гарантиями от каких бы то ни было посягательств на его личность или попыток ущемить его в правах со стороны обвинителей. Он имеет

право на немедленное разбирательство его дела судом и подлежит освобождению, если судья найдет, что полиция подвергла его аресту без достаточных оснований. В качестве дальнейшей гарантии против возможного превышения власти со стороны полиции, суд располагает старинным законом, носящим название *Habeas corpus*, согласно которому арестовавший данное лицо человек обязан явиться в суд и под угрозой судебной ответственности, объяснить на открытом судебном заседании, на каком основании он лишил его свободы. Даже при наличии достаточных оснований для ареста, последнее имеет право на освобождение под залог в ожидании судебного разбирательства, если только обвинение не является особенно тяжким и нет основания опасаться, что обвиняемый, пренебрегая залогом, предпочтет скрыться. Кроме того, Федеральная конституция воспрещает «требовать чрезмерно крупных залогов, налагать чрезмерно большие штрафы, применять жестокие или необычные наказания». Подобные параграфы содержатся в конституциях большинства штатов.

Во время судебного разбирательства подсудимого нельзя «принуждать, каков бы ни был характер уголовного обвинения, к даче показаний против самого себя, а также лишать его жизни, свободы или имущества иначе, как на основании закона». Эти требования Конституции строго соблюдаются судебными инстанциями и работниками юстиции. Так, Верховный суд США всегда отменяет приговор по уголовному делу, вынесенный судом штата (и любым федеральным судом низшей инстанции), если при рассмотрении дела было допущено «нарушение основ справедливости». Точно также он признает недействительными показания, добытые полицией при помощи побоев и других методов физического воздействия, причем за последние годы было значительно уточнено понятие правильной процедуры допроса, совершенно исключая недопустимые приемы давления на обвиняемого — физические или иные. Так например, в 1949 г. было три случая, когда полиция штата без всякого расследования подвергла обвиняемого изоляции, длившейся от пяти до шести дней; за это время его подвергали непрерывному допросу (без физического насилия). Во всех трех случаях результатом было признание обвиняемого, которое суд штата принял к рассмотрению и вынес обвинительный приговор. Но Верховный суд все три приговора отменил на том основании, что непрерывный допрос в течение нескольких дней, в условиях незаконного ареста, является сам по себе нарушением процессуальных правил.

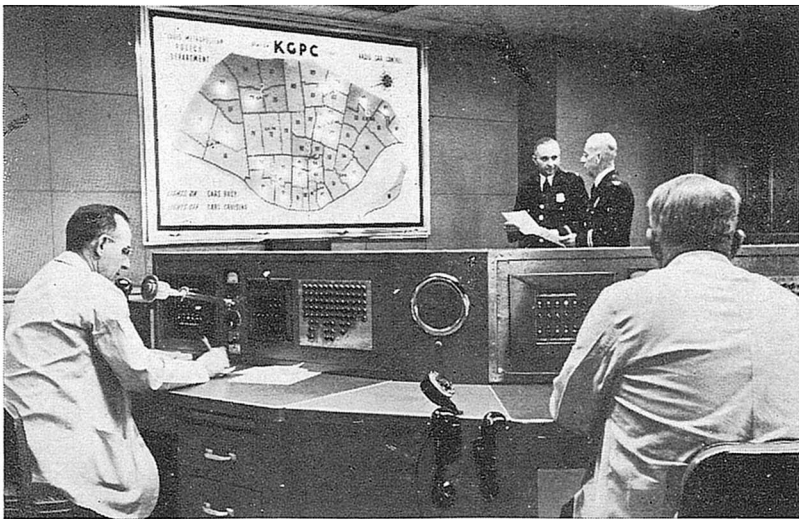
Некоторые специалисты иногда настаивали на необходимости законодательства, предоставляющего полиции право брать отпечатки пальцев у всех граждан, вводить удостоверения личности, регистрировать переезжающих с места на место, а также расширить ее полномочия в отношении ареста по подозрению. Все эти требования встречали неизменный отказ. В США идея свободы личности, с которой должна считаться государственная власть, всегда одерживала верх над усилением эффективности правительственного аппарата. Хотя полиция, в своей повседневной работе по охране порядка, нередко находит юридические ограничения чрезвычайно стеснительными, однако, ей, так же как всему народу ясно, что всякий раз, когда необходимость охраны порядка вступает в противоречие с Декларацией прав человека, решающее слово должно принадлежать последней. Но требование, чтобы полиция в своей работе по охране порядка не выходила за пределы дозволенного законом, вовсе не означает ее ослабления. Искусство ведения розыска, тщательное исследование оставленных преступником следов, применение разнообразных лабораторных анализов — все это дает полную возможность охранять законный порядок, не нарушая конституционных гарантий. Хотя ограничения затрудняют арест, они содействуют правосудию.

Современную организацию полиции в США следует рассматривать в свете этих фактов и особенностей ее конституционного устройства.

Децентрализация полицейского аппарата.

Одной из главных предпосылок, устраняющих опасность вмешательства центральных органов управления в местные дела, является традиционная верность старинному принципу децентрализованного полицейского аппарата, воплощенного в лице шерифа и констебля, существовавших в ранний период истории Англии. На основе этого принципа, в США организовано 40.000 самостоятельных местных полицейских управлений — в крупных городах, округах, районах,

Моторизованный патруль в большинстве крупных городов поддерживает связь с помощью радио. На карте у дежурного отмечено местонахождение каждой машины.

поселках, — причем сфера их действия по большей части столь узка, что весь полицейский аппарат состоит всего из двух, трех, четырех человек. Большинство блюстителей порядка избирается населением; нередко они отравляют полицейские обязанности по совместительству и почти всегда срок их службы ограничен.

В наш век научных достижений, автоматического оружия и автомобиля, без должной подготовки и без согласованных действий полицейский персонал не был бы в состоянии выполнять свои обязанности по охране порядка. Однако, американский народ предпочитает такую полицию военизированному и централизованному полицейскому аппарату, защищающему в первую очередь интересы центрального правительства. Какими бы недостатками ни отличалась полицейская организация, базирующаяся на принципе местной автономии, она, во всяком случае, лишает правительство возможности бесконтрольно господствовать над личностью. Американский полисмен — слуга народа, обязанный руководствоваться в своих действиях прежде всего интересами граждан.

В некоторых случаях старый полицейский аппарат оказывался столь несостоятельным, что пришлось создать новый более совершенный инструмент охраны порядка. Во многих крупных городах и штатах, а также при Федеральном правительстве имеются первоклассные полицейские организации, но они действуют в строго определенной сфере, ограниченной либо территориально, либо юридически.

Самая влиятельная полицейская организация — Федеральное бюро расследований — ФБР — находится при Федеральном правительстве. ФБР — не автономно, а подчиняется министерству юстиции, которое руководит всеми судебными делами, возбуждаемыми Федеральным правительством (например, делами о трестировании и налогах), а также берет под защиту интересы правительства в процессах и разбирательствах по жалобам, исходящим от штатов, организаций и частных граждан. ФБР — исключительно сыскная организация, и ее функции никогда не совпадают с функциями обвинения, суда и тюремного ведомства. Со времени образования Американской республики общественное мнение всегда боролось против всяких, даже отдаленных попыток образования тайной или политической полиции, особенно при центральном правительстве.

По существу ФБР — организация совершенно противоположная тайной полиции. Ее действия тщательно проверяются Конгрессом и судами. Как и всякий полицейский орган в Соединенных Штатах, ФБР не правомочно производить негласные аресты и подвергать лицо какому бы то ни было наказанию. Его сотрудники обязаны подчиняться всем требованиям Конституции; они должны тщательно проверять доказательства перед тем, как представить их на рассмотрение Федерального судьи, назначаемого пожизненно и независимого от ФБР. Например, доказательства, направленные против подозреваемого лица, должны быть собраны до ареста, а не после, причем нередко приходится проводить расследование в течение нескольких месяцев и даже лет.

Это тем более важно, что после взятия лица под стражу, следствие не может располагать столь широкими возможностями, так как интересы обвиняемого будут находиться под защитой адвоката, который всегда советует арестованному какие давать показания, воздержаться ли от последних, а также следит за малейшей попыткой физического

или психического воздействия (согласно Конституции, каждый обвиняемый может отказаться от дачи показаний, направленных против него самого). Защитник вправе требовать освобождения обвиняемого на основе Habeas corpus. Судья удовлетворяет просьбу защитника при условии, что следствие проведено должным образом. Конечно, в дальнейшем присяжные рассмотрят и проверят доказательства, которые должны удовлетворять строгим законным требованиям, не допускающим голословных обвинений. Расследование дела должно базироваться на проверенных фактах, изложенных свидетелями при перекрестном допросе на открытом судебном заседании. Прокурор, выступая против защитника, обычно весьма искушенного в уголовном праве, обязан обосновать обвинение.

Кроме ограничения ФБР в процессуальных методах, необходимо отметить, что эта организация обладает довольно узкой сферой деятельности, охватывающей лишь небольшой круг лиц. Его функции не всеобъемлющи, а полномочия строго определены законом. В компетенцию ФБР входят лишь две категории дел: дела, затрагивающие интересы двух или более штатов, и дела, связанные с нарушением Федеральных законов (но не закона штата или местного постановления). Поэтому ФБР не имеет никакого отношения к расследованию большинства преступлений, совершенных в пределах штата, и к нарушениям местных законов. Подобные дела подлежат юрисдикции соответствующих местных органов власти штата, округа, города. Например, дело о похищении автомобиля находится в ведении местной полиции. ФБР имеет право заняться этим делом, только когда нарушены Федеральные законы, то есть машина угнана в другой штат или, в редких случаях, когда она принадлежит Федеральному правительству.

Согласно Федеральному закону, ФБР занимается расследованием таких дел, как хищение грузов, законно транспортируемых из штата в штат, преследование некоторых категорий преступников, перешедших границы штатов; в его ведении находятся также дела о спекулятивных комбинациях, нарушающих торговый обмен между штатами, о преступлениях, совершенных на территории, принадлежащей Федеральному правительству, мошенничестве, направленном против интересов Федерального правительства, похищении людей при заинтересованности в этом преступлении нескольких штатов, шпионаже и попытках насильственного низвержения Федерального правительства. Кроме того, ФБР занимается расследованием дел о нарушении прав граждан; Федеральное законодательство предусматривает уголовное наказание для правительственных чиновников — судей, тюремщиков, полисменов и других, преднамеренно лишающих того или иного гражданина предоставленных ему Конституцией прав на справедливое обращение. Например, если местная полиция, действуя в интересах охраны порядка, допустит расовую дискриминацию, ФБР, не считаясь с ее автономией, возьмет на себя расследование дела.

Говоря о мероприятиях, направленных к осуществлению законности и о роли ФБР, следует напомнить, что нет Федерального закона, карающего граждан за образ мыслей или критические высказывания о правительстве и государственных должностных лицах. Согласно Конституции, публичная критика действий президента Соединенных Штатов — не является и не может быть преступлением. При подлинном демократическом строе вполне допустимы подобные рассуждения, которые при монархии считались бы «оскорблением его или ее величества». В противном случае нельзя было бы претендовать на демократию. Руководитель ФБР, Дж. Эдгар Гувер сказал: «Федеральное бюро расследований интересуется действиями и поступками, а не мыслями и взглядами граждан. Каждый вправе думать и смотреть на вещи, как ему заблагорассудится».

ФБР не обладает никакими особыми полномочиями, и компетенция этой организации, имеющей всеамериканское значение — довольно специальная. Несмотря на сравнительно небольшой штат сотрудников, Федеральному бюро расследований удалось доказать, что отличных результатов можно достигнуть и без широких полномочий.

Сотрудники ФБР — высоко образованные, опытные юристы и финансовые работники; они получают хорошие оклады и проходят тщательную подготовку, а их действия подвергаются бдительному контролю. Руководство находится на большой высоте. В заключение можно сказать, что эта организация — замечательный образец демократического полицейского органа. Федеральное бюро расследова-

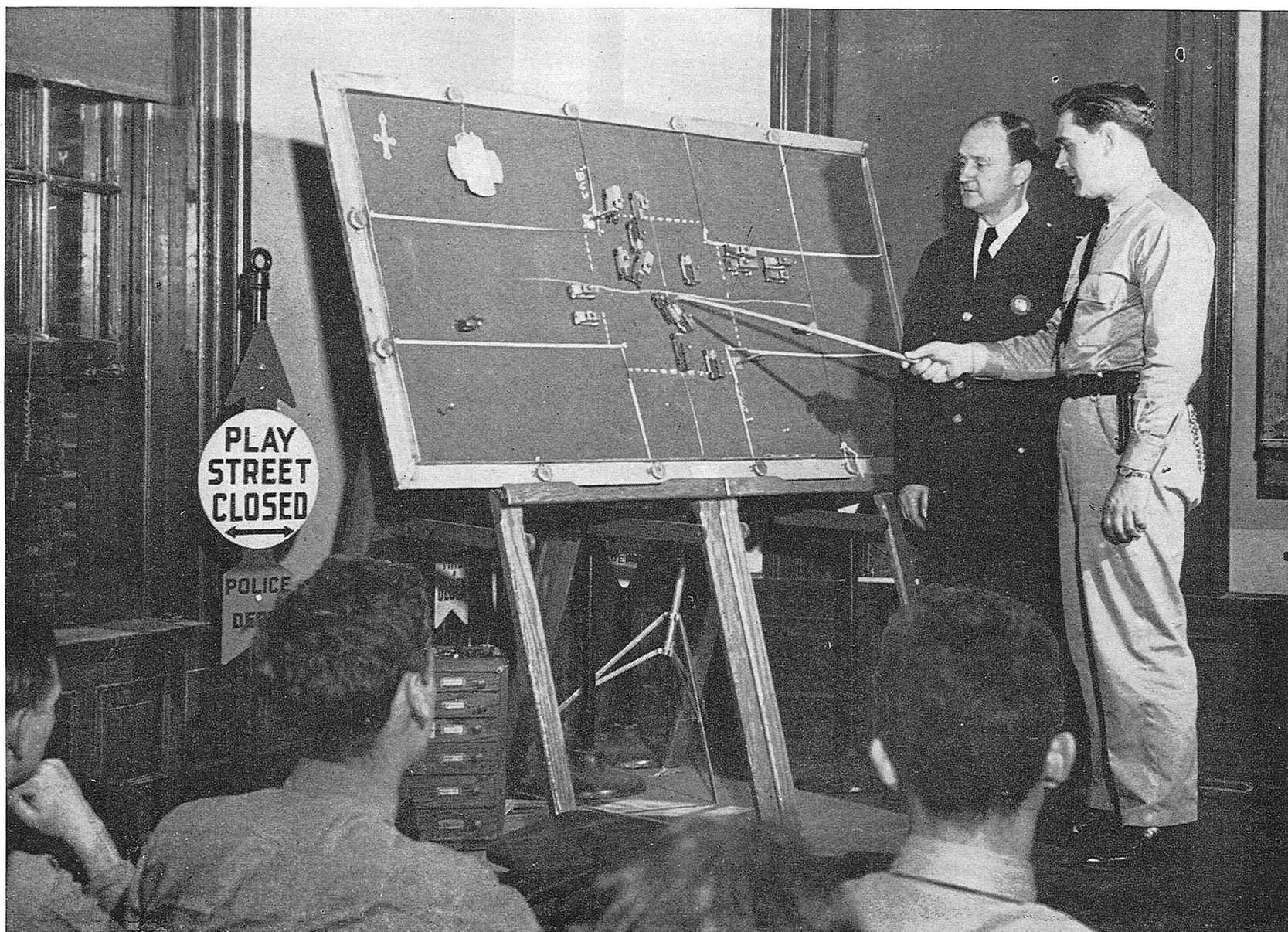
ний выделяется среди других организаций не столько необычными полномочиями, сколько эффективной деятельностью. В результате хорошо налаженной работы, правильность большинства проведенных им расследований подтверждается судебным разбирательством, а если изредка случается, что следствие оказывается несостоятельным, эта неудача лишь подчеркивает основной принцип демократической полиции: «Лучше оправдать нескольких виновных, чем наказать хоть одного невинного».

На следующем месте (по принципу географического деления, а не в зависимости от степени подчинения Федеральному правительству или его полицейским органам) находятся полицейские управления сорока восьми штатов — несхожие по квалификации, полномочиям и сфере деятельности. Затем идут полицейские управления округов, на которые делятся штаты (в стране насчитывается около 3.000 округов). Почти во всех округах имеется шериф, избираемый населением. Полицейские органы в округах представляют пестрый калейдоскоп мелких и крупных единиц: с одной стороны двадцатитысячный полицейский корпус города Нью-Йорк, с другой — мириады разбросанных по стране, иногда даже работающих по совместительству, сотрудников, именуемых в городах констеблями, а в поселках — судебными исполнителями. Общее количество этих блюстителей закона составляет около 150.000 человек, тогда как население континентальной части США — 150 миллионов человек. Таким образом отношение числа полицейских к количеству населения примерно такое же, как и в большинстве других стран, если приравнять чиновников, работающих по совместительству, к постоянным сотрудникам.

Небольшой полицейский аппарат всегда в той или иной мере не-

полноценен, так как он не в состоянии выполнить всех функций, вытекающих из его основной обязанности — охраны порядка. Полицейский аппарат широко пользуется слабыми коротковолновыми радиопередатчиками, стационарными и передвижными. В его распоряжении находятся камеры, где до утра содержатся арестованные и моторизованный патруль, регулирующий движение автотранспорта: в его функцию входит также уголовный розыск по делам местного значения. Но такой небольшой аппарат не в состоянии надлежащим образом подбирать и обучать своих работников, содержать разветвленную систему связи и создать более или менее значительный уголовный архив или картотеку необходимых для розыска сведений. Такие задачи, легко разрешаемые крупным полицейским управлением, непосильны столь распространенным в Америке мелким организациям, и иногда ФБР по особому ходатайству оказывает помощь этим единицам в подготовке и обучении кадров в специальных школах района или округа. Поскольку использование всех новых научных достижений последнего времени доступно лишь крупному полицейскому аппарату, неудивительно, что прежние небольшие и строго локализованные полицейские организации были слиты и укрупнены для обслуживания обширной территории. В стране больших масштабов, где сильно развиты промышленность и торговля успешно сочетаются с высокой производительностью, полицейский аппарат Федерального правительства и правительства штата мог бы без труда поглотить местные полицейские организации, что устранило бы недостатки существующей структуры. Однако, этого не случилось и, вероятно, никогда не случится. Стремление к децентрализации объясняется недоверием, свойственным подавляющему большинству

Благодаря тщательной подготовке, лица, окончившие специальную полицейскую школу в г. Нью-Йорке, становятся экспертами в вопросах регулирования движения.

американцев к управлению из удаленного центра и опасением, как бы аппарат, призванный защищать их интересы, не стал бы чуждым народу, которому он обязался служить, опасением, как бы охрана порядка, перестав быть щитом, ограждающим народ от преступных посягательств, не превратилась в меч, направленный против него агрессивно настроенными политиками и бюрократами.

Усовершенствование полицейского аппарата

Стремясь разрешить трудную проблему повышения эффективности полицейского аппарата без ущерба для высокого принципа свободы личности, представители американского народа в городских ратушах, капитолиях штатов и даже резиденции национального правительства в Вашингтоне отказались от мысли об укрупнении полицейского аппарата. Они выбрали другой способ защиты законности и борьбы с преступлениями, на основе широкой децентрализации, сохранившейся со времен первых переселенцев. В наши дни разрабатываются новые способы для разрешения этой проблемы. Был внесен ряд существенных дополнений в работу полицейского аппарата. Они сводятся к объединению десятков тысяч полицейских работников для выполнения таких функций общественного обслуживания, которые непосильны отдельному полицейскому управлению. Инициатива объединения и его финансирование почти целиком осуществляется более крупными полицейскими организациями центрального правительства, штата и крупных городов. Более мелкие организации, сознавая выгоду такого объединения, без всякого давления с чьей-либо стороны, примыкают к более крупным, так как в противном случае они могут лишиться постоянно оказываемой технической помощи.

Например, если местная организация испытывает затруднения при вербовке новых полисменов, правительство штата оказывает ей поддержку, командировав своих специалистов. Если маленькая или даже средняя полицейская единица не в состоянии организовать обучение новичков и переподготовку старого персонала, полицейский аппарат центрального правительства, штата и даже большого города, соревнуясь друг с другом, приходит ему на помощь. Старые полисмены могут либо повышать свои знания и квалификацию в прекрасно организованной Национальной академии при ФБР в Вашингтоне, либо изучать проблемы регулирования движения на краткосрочных или долгосрочных курсах, организованных Институтом транспорта при Северозападном университете в Иллинойсе.

Что касается связи между отдельными полицейскими организациями, то большинство штатов восточного побережья располагает разветвленной сетью телетайпных установок, обеспечивающей возможность сношения с полицейскими участками самых отдаленных районов, чтобы своевременно давать и получать всю необходимую для несения охраны порядка информацию. Такие же, примерно, результаты достигнуты на Среднем Западе и на Тихоокеанском побережье с помощью радиотелеграфной сети, принадлежащей полиции данного штата и охватывающей всю его территорию.

Этот сложный механизм предназначен не только для выполнения каких-либо исключительных заданий по розыску. Наоборот, телетайпные приемники работают почти без перерыва, поминутно передавая приметы разыскиваемых лиц и описания похищенного имущества. Некий фермер заявил, что оставил свою машину на людном городском перекрестке, возле базара. Вернувшись через полчаса, он обнаружил ее исчезновение. Немедленно городская сеть полицейской связи начинает принимать меры к розыску пропавшей машины. Прежде всего от фермера потребовали доказательства, что машина действительно принадлежит ему, но эта формальность была выполнена. У владельца оказался при себе паспорт машины. Если местная полиция не располагает телетайпом, она сообщает по телефону приметы похищенной машины в ближайший город, где имеется телетайпное оборудование. Оттуда сигнал передается по телетайпу десяткам полицейских участков, рассеянных на территории штата. Линии телетайпа пересекают границы штата, связывая его со станциями соседних штатов. В каждом из этих пунктов повторяется тот же процесс передачи. Если пропавшую машину не удастся сразу обнаружить, сигнал, передаваемый телетайпами, распространяется еще на больший радиус. По мере того, как описание машины появляется на телетайпных лентах в сотне полицейских пунктов, радио каждого из этих пунктов передает ее описание ближайшему моторизованному

патролю: последний заносит наиболее характерные приметы машины на особую карточку, по которой в дальнейшем он может сверяться. Поиски продолжаются днем и ночью. Неудивительно, что похитители стараются как можно быстрее освободиться от машины, и что более 98 процентов уведенных автомобилей возвращаются владельцам.

Проблема полицейских кадров.

Как бы ни были важны вышеупомянутые мероприятия, как например, объединения тысяч независимых полицейских организаций под руководством центральных управлений, или наиболее правильное использование электрического, механического и другого оборудования в целях охраны порядка, — однако не они имеют решающее значение для будущего американской полиции. Дальнейшее совершенствование полицейского аппарата в значительно большей степени зависит от улучшения методов вербовки и обучения новых кадров, от системы поощрения и укрепления дисциплины, а также от того, удастся ли удержать условия работы на таком уровне, который бы привлекал наиболее ценных работников. Ибо в конечном счете эффективность полицейского аппарата в демократическом государстве определяется качеством и квалификацией каждого полисмена, — какой бы пост он ни занимал — от низшего до высшего.

В условиях характерных для США, вопрос о полицейских кадрах приобрел особую остроту в связи с тем, что подбор и продвижение по службе полицейских работников долгое время диктовались почти исключительно соображениями партийной политики. В этих условиях, сохранившихся кое-где еще и в двадцатом столетии, физические, умственные и нравственные качества вербуемых редко находились на должной высоте, зарплата была низкой, систематическое обучение полицейских кадров почти совсем не велось, дисциплина оставалась на крайне низком уровне. При замене руководства одной политической партии другой — ее сторонников, способных работников, увольняли, а весьма посредственные, пользуясь своими политическими связями, сохраняли места. Успехи, достигнутые в этом отношении за последние несколько десятков лет, дают основание надеяться, что в ближайшем будущем положение еще более улучшится.

Чтобы ясней представить себе обстановку, в которой приходится работать американскому полисмену, познакомимся с одним из них — Сэмом Вильсоном. Он работает в полиции уже несколько лет. Городок, где он служит, насчитывает всего 3.500 жителей; хотя в местной полиции работают всего четыре сотрудника, Вильсону при поступлении пришлось пройти строгую проверку. После опроса его прежних товарищей по службе и нанимателей, с одной стороны, и тщательного сбора сведений о его прошлом и судимости — с другой, было установлено, что Вильсон — надежный человек. Разнообразные умственные и психологические тесты обнаружили, что у него имеются способности к работе в полиции; а так как при поступлении требуется десяти-двенадцатилетнее образование, представленный им аттестат об окончании средней школы вполне удовлетворил руководство.

В специальных лабораториях ФБР, снабженных новейшим оборудованием, ведутся исследования одежды, кровавых пятен и других вещественных доказательств.

Перед приемом на работу он прошел всесторонний медицинский осмотр с соответствующими анализами, показавший, что организм его может выдержать большую трудовую нагрузку. Сэм Вильсон женат и имеет ребенка. У него собственный дом с садом, на который имеется закладная с рассрочкой платежей на 15 лет. Как правило, он работает шесть дней в неделю, по восьми часов в сутки, хотя большинство его коллег в крупных центрах перешли на 40-часовую рабочую неделю. Впрочем, обстоятельства нередко вынуждают их работать сверх установленных часов. Выдержав шестимесячный испытательный срок, Вильсон застрахован теперь от опасности быть уволенным по партийным политическим мотивам; согласно уставу, ему дана гарантия в беспристрастной административной проверке в случае, если против него будут выдвинуты какие-либо обвинения.

Его участок — деловой район маленького города в штате Индиана. Хотя Вильсон принадлежит к одной из политических партий, по уставу своей службы, он не имеет права принимать участия в какой бы то ни было политической деятельности, за исключением частных бесед в кругу приятелей, тайного голосования за кандидатов своей партии и участия в общих выборах.

Полицейская организация, к которой принадлежит Вильсон, слишком мала, чтобы самостоятельно организовать обучение своих кадров. При поступлении, он получил лишь самые необходимые инструкции от сержанта, прослужившего в полиции около 15 лет. В дальнейшем Вильсону пришлось учиться на практической работе. Это обучение дополняется посещением так называемой «районной школы». Город, где она находится, расположен в 15 километрах от места его работы. Два раза в неделю он ездит в школу, где слушает лекции и принимает участие в беседах. Посещение школы — обязательно, в порядке дополнительной нагрузки к основному рабочему времени.

Школа существует на средства ФБР, полиции штата и полицейских органов района, командный состав которых обучался в школе. Эти учреждения выделяют бесплатных инструкторов.

В некоторых школах обучение длится полгода. Программы нередко охватывают большое количество предметов: например, бокс, борьбу, джиу-джитсу, строевую подготовку, умение пользоваться оружием и полицейским снаряжением (моторизованным транспортом, передвижными радиоприемниками и передатчиками), программа включает также изучение структуры полицейского аппарата, прав и обязанностей полицейских чинов, патрулирование и регулирование движения, систематизацию розыскных данных и опознание личности, ознакомление с техникой лабораторного анализа для экспертизы, приемы, применяемые разными категориями преступников (фальшивомонетчиками, подделывателями документов, грабителями, взломщиками, мошенниками, продавцами наркотиков), уголовное законодательство и уголовную процедуру в Федерации и в штатах, местные муниципальные постановления, подбор и хранение вещественных доказательств, методику допроса, прикладную психологию, общественные отношения, подачу первой помощи больным и раненым,

общие понятия о криминологии и науки о наказаниях.

Вильсон занимается на курсах не только по обязанности, им руководит желание повысить свою квалификацию, и продвинуться по службе. Поскольку полицейская организация, где он работает — небольшая, высшее руководство не предъявляет к нему особых требований и не настаивает на дальнейшей учебе, но имеются и другие возможности для желающих повысить свою квалификацию. В частности, Вильсон живет в одном из многочисленных штатов, где при университете организованы краткосрочные курсы по специальным предметам, связанным с полицейской службой. Университетский город находится в 320 километрах от места жительства Вильсона, который проявляет большой интерес к лекциям по регулированию движения. В городок, где он работает, часто съезжаются окрестные фермеры, некоторые приезжают по делам, другие, особенно по субботам, посмотреть новый фильм. Город настолько наводняется машинами, что на улицах образуются заторы. Вильсон решил прослушать двухнедельный курс, чтобы в дальнейшем упорядочить уличное движение. Начальник дал ему требуемое разрешение, а город оплатил проездные, командировочные и двухнедельный оклад. Местная газета напечатала заметку об его отъезде, а затем по возвращении, поместила снимок его удостоверения об окончании курсов.

В маленьком полицейском управлении, где работает Вильсон, вряд ли имеется возможность продвинуться по службе; но надо сказать, что он — на хорошем счету. Хотя за три года работы Вильсона не повысили в должности, его зарплата постепенно растет и будет расти в дальнейшем, по мере увеличения стажа. Каждый месяц у него удерживают от 5 до 10 процентов зарплаты в фонд социального страхования и в фонд городского управления; такую же сумму вносит за него и город. Обе суммы поступают в распоряжение пенсионного отдела штата. Вильсон рассчитывает по достижении 57 лет выйти в отставку и жить на пенсию, равную, примерно, половине оклада, который он будет получать в последние годы службы. В случае его смерти от ранений или увечий, полученных при исполнении служебных обязанностей, вдова и ребенок будут вполне обеспечены. В случае утраты трудоспособности, ему будет выплачиваться пенсия в размере от половины до двух третей оклада. Если он умрет естественной смертью, до выхода в отставку, наследники получают значительное страховое пособие. Таким образом, хотя Вильсон не может рассчитывать на большое повышение зарплаты, он все же в состоянии содержать семью и даже делать некоторые сбережения, которые позволят в будущем послать сына в штатный или частный колледж.

Предоставленные Вильсону возможности получить надлежащую подготовку и приемлемые материальные условия налагают на него обязанность — выполнять как можно лучше свой профессиональный долг. Долг заставляет его сдерживаться от проявления возмущения против правонарушителей, с которыми он имеет дело. Вильсон понимает, что если он потеряет терпение и ударит арестованного или без достаточного основания задержит кого-либо, или иным образом выйдет за пределы своих полномочий, потерпевший предъявит к нему иск. Если представитель полиции действует добросовестно, процессы о нарушении гражданских прав сравнительно редки. Однако возможность таких претензий оказывает сдерживающее влияние на всех, кроме самых безрассудных. Наказание, предусмотренное кодексом, применяется к полисменам так же, как и к остальным гражданам.

Таким образом, ряд факторов, — а именно организация автономного полицейского аппарата на местах, отсутствие центральных органов управления, система специальных взысканий за ошибки, допущенные работником полиции и постоянная критика методов, применяемых в деле охраны порядка, дает возможность американской общественности оградить свободу личности от злоупотреблений со стороны полиции в лице ее высших и низших чинов. Если перечисленные факторы и снижают эффективность полицейского аппарата, ограничивая его возможности ареста и представления доказательств, эти недостатки возмещаются тем, что подобного рода ограничения являются одной из необходимых гарантий демократического строя. При современном политическом устройстве США укрепление полицейского аппарата будет проводиться только за счет улучшения полицейских кадров, а отнюдь не за счет предоставления полиции полной свободы действия. Главная цель — при всех обстоятельствах и любой ценой — справедливость, обеспеченная законом.

Федеральное бюро расследований часто оказывает услуги местной полиции, обращающейся к нему за помощью в тех случаях, когда нужно произвести научное исследование вещественных доказательств.

1

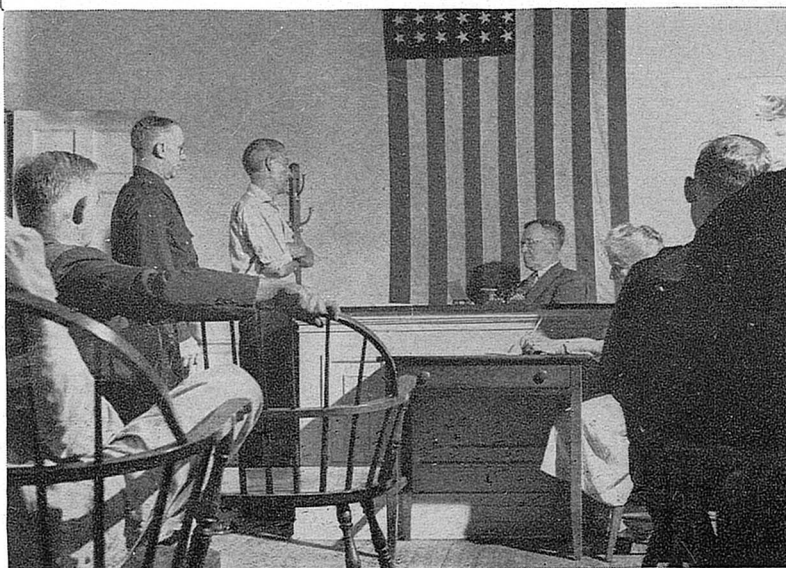

2

1: на центральных разъездных путях Бедфорда (Нью-Йорк) засняты все сотрудники полиции этого небольшого городка, работающие в утренней смене. Население Бедфорда, занимающего площадь в 93 кв. километра, по последним данным, составляет 9.832 человека. Городок образовался в результате слияния четырех деревень, в прошлом перемежавшихся с фермерскими участками и с нью-йоркскими предместьями. Бедфорд расположен на главной магистрали, по которой автомашины въезжают в Нью-Йорк и выезжают из него. Поэтому регулирование движения — главная функция местной полиции. Городское управление передало в пользование полицейскому аппарату четыре новых легковых машины и предоставило в распоряжение начальника Франка Р. Маллета (на переднем плане) сравнительно большой для такого маленького города штат сотрудников в четырнадцать человек. (В США на 1.000 жителей в среднем приходится один полицейский). Каждый сотрудник работает восемь часов в сутки. Таким образом фотографу удалось заснять лишь дневную смену. 2: полиция Бедфорда подчинена выборным органам города.

3

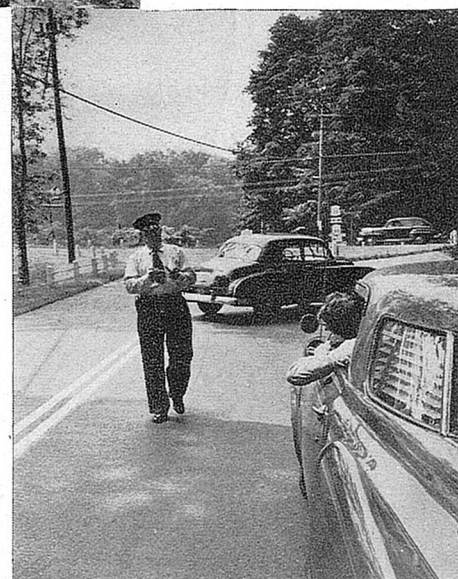

Начальник обсуждает вопрос, связанный с постановлением о районировании, в силу которого введены ограничения в право распоряжения строениями некоторых кварталов, как например, сдача под учреждения жилых домов. Полиция Бедфорда с ее выборными сотрудниками, представляющая автономную единицу, не подчиняется центральному полицейскому аппарату. Как и всюду в стране, ее деятельность строго определена законом и находится под надзором органов судебного контроля. Например, задержанное лицо, не позже, чем через 24 часа, должно быть доставлено к местному судье. 3: судья должен решить имеет ли полиция достаточно улик для его задержания и определить размер залога, по внесении которого арестованный может быть освобожден до суда. Независимость, какой пользуется Бедфордская полиция, несколько не ослабила ее значения. Все сотрудники прошли надлежащую проверку в Главном управлении штата Нью-Йорк, где имеются специальные школы для подготовки полицменов. Бедфордская полиция, занимающая несколько небольших комнат в городской ратуше, поддерживает двустороннюю радиосвязь с патрулирующими машинами и прямую связь по телеграфу с соседними городами. Несмотря на такую активную работу, граждане Бедфорда чувствуют себя скорее хозяевами, чем подчиненными местной полиции. Всякое проявление произвола, как арест с лишением возможности снестись с адвокатом или ночной обыск без предъявления ордера, вызвал бы бурю общественного негодования и протест на имя судьи с требованием призвать полицию к порядку. Работники Бедфордской полиции стараются охранять покой и порядок и не нарушать прав граждан не только в силу предписания закона, но и в силу своих демократических убеждений. 4: лейтенант полиции Луис Ф. Ноу, который при съемке забыл надеть тужурку, — всем известный и уважаемый местный житель. Он живет в белом стандартном доме на окраине города. В свободное от занятий время, вместе с помощником-соседом он работает у себя в огороде. Луис Ноу спокойный и рассудительный человек. У него маленькая странность — даже в своем саду он не снимает фуражки (это не означает, что он не хочет расстаться с формой, а просто стесняется своей лысины). Ноу приехал в США из Голландии 43 года назад и уже 29 лет и 7 месяцев служит в полиции. Точный срок службы приводится здесь потому, что через пять месяцев он сможет выйти в отставку и получить пенсию в размере половины содержания. Так как у них нет детей, Ноу с женой решили в будущем продать дом и переехать во Флориду, а в настоящее время он продолжает выполнять возложенные на него обязанности. 5: в день посещения фотографа Ноу задержал машину за превышение предельной скорости; 6: в послеобеденные часы он помогает школьникам переходить улицу на оживленном перекрестке.

4

5

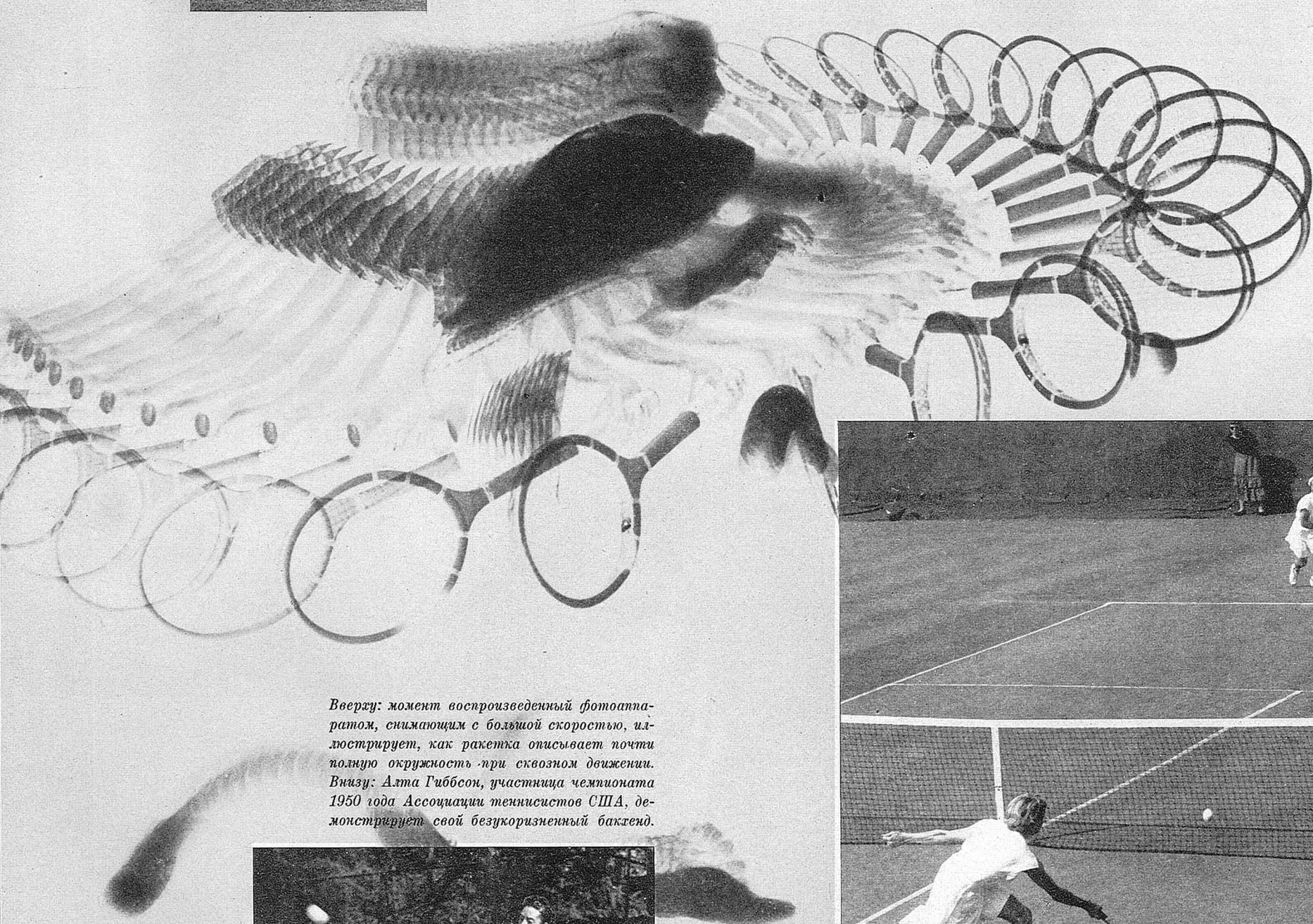
6

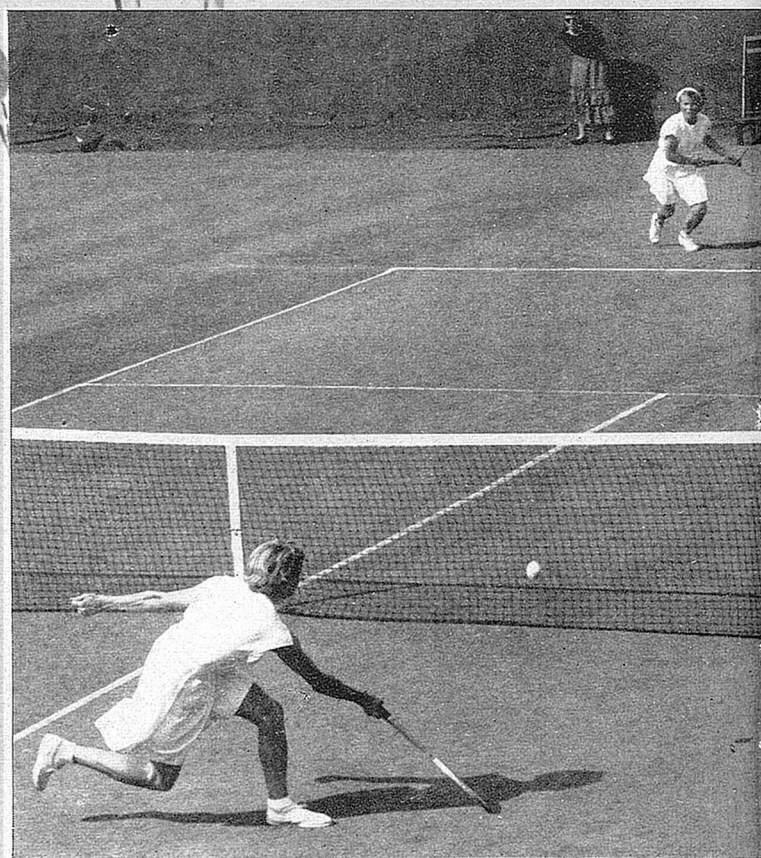
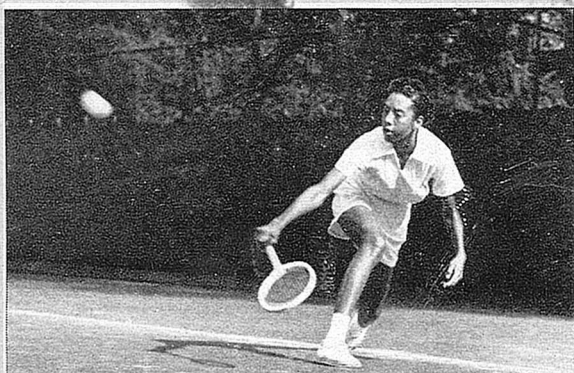
АМЕРИКАНСКИЕ

ТЕННИСИСТКИ

Знаменитая чемпионка двадцатых годов Элен Уиллис в теннисном костюме, типичном для тех времен. Современные свободные костюмы больше подходят к быстрому темпу игры наших дней.

Вверху: момент воспроизведенный фотоаппаратом, снимающим с большой скоростью, иллюстрирует, как ракетка описывает почти полную окружность при сквозном движении. Внизу: Алта Гибсон, участница чемпионата 1950 года Ассоциации теннисистов США, демонстрирует свой безукоризненный бэкхенд.

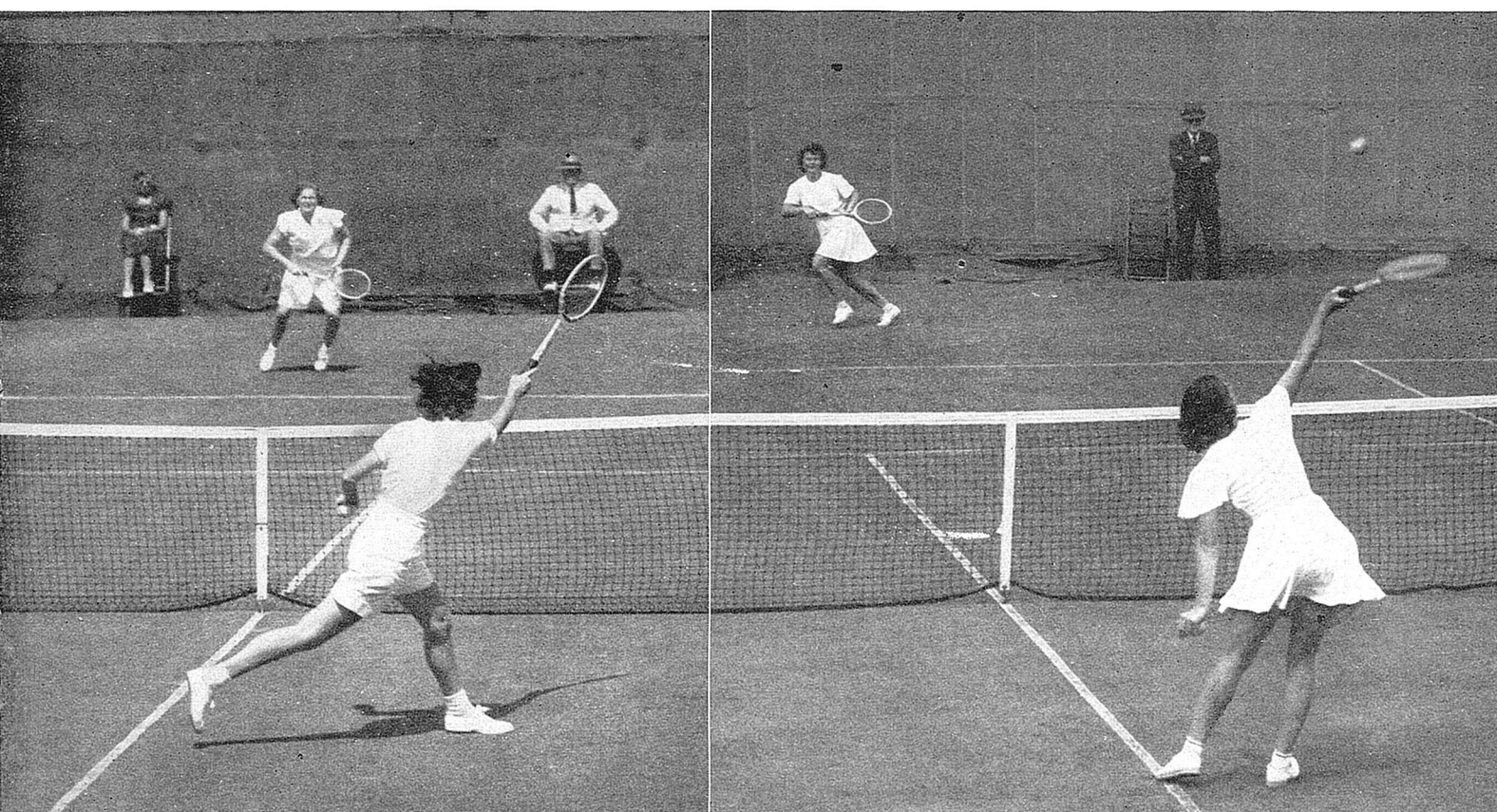

Слева: фотограф заснял Гертруду Моран — одну из современных американских чемпионкок — в тот момент, когда она делает движение, чтобы дать сильный мяч.

С тех пор, как в семидесятых годах прошлого столетия в Соединенных Штатах начали играть в теннис, стиль этой игры претерпел большие изменения. Особенно это относится к женским теннисным матчам. Современные американские девушки играют в теннис, следуя правилам, непохожим на те, какими руководствовались когда-то их бабушки, хотя принципы игры остались прежними. В первые годы игра велась в медленном темпе и была малоподвижной, что объяснялось модой тех времен — широкими длинными юбками, стеснявшими свободные движения. После мировой войны, когда на смену длинным юбкам пришли короткие платья, игра сделалась более быстрой и динамичной. В двадцатых годах нашего столетия знаменитая французская чемпионка Сюзанна Ленглен и американка Элен Уилс играли по строго разработанному стратегическому плану, согласно которому теннисистки занимали позиции у крайней линии корта, ожидая удобного момента, чтобы уловить ошибку своего противника или сбить его с позиции. Игра у сетки обычно не практиковалась.

Хотя в настоящее время стратегия является существенным элементом тенниса, чемпионки многое позаимствовали из стиля игры мужчин. Игра первоклассных теннисисток отличается сильной и быстрой подачей мяча, после чего нужно стремительно подбежать к сетке, чтобы успеть отразить обратный мяч противника. Этот прием был введен в конце тридцатых годов чемпионкой Алисой Марбл; многие находили, что у нее мужской стиль игры, благодаря которому ускоряется темп и игра делается более напряженной, хотя, конечно, каждому спортсмену свойственна своя манера. Американские знатоки тенниса утверждают, что никогда еще в США не было так много прекрасных теннисисток, как теперь. Однако никто из современных чемпионкок тенниса не выделяется так, как в свое время выделялись Элен Уилс и Алиса Марбл. Штат Калифорния, где в теннис играют круглый год, дает наибольшее количество «великих» теннисисток. Из двадцати чемпионкок, занимающих первое место, девять — уроженки Калифорнии. Это также родина Уилс и Марбл. Здесь показаны снимки выдающихся американских теннисисток — участниц чемпионата.

Напряженный момент женских соревнований на первенство. Несмотря на разницу в индивидуальном стиле, американские теннисистки не уступают по силе ударов и ловкости мужчинам. Слева: Дороти Бонди, в центре: Патриция Тодд, справа: Дороти Хед.

Чердак — семейный архив

В настоящее время в Соединенных Штатах существуют два разных взгляда на роль чердачных помещений. Люди, придерживающиеся первого взгляда, верного старой сентиментальной традиции, считают чердак хранилищем семейного архива; другие, соглашаясь с точкой зрения, распространенной среди архитекторов, полагают, что место для хранения семейных документов и старых вещей более удобно и рационально выделить из жилой площади, чем строить чердачные помещения. Хотя сторонники архитектурного рационализма строят дома с удобными кладовыми без чердаков, мансард или каких бы то ни было надстроек, большинство семей предпочитает обычные вместительные чердаки.

Дома, где имеются чердаки — менее загромождены. Кроме объемистых чемоданов, ящиков, сундуков с платьем и разной мелочью, там обычно хранится разный хлам, с которым владельцу трудно расстаться. Чердачное помещение — своего рода неразобранный архив, состоящий из старых вещей, писем и рукописей; последние, нередко приобретают исторический интерес. Эти коллекции напоминают о безвозвратно ушедшем прошлом, и рассказывают о семейной хронике. Подрастающим поколениям чердак кажется полным тайн и романтики. Его можно сравнить с сундуком, наполненным сокровищами, ожидающим, чтобы его открыли, а с утилитарной точки зрения это склад, требующий тщательной чистки и наведения порядка. Но, если хозяин долго откладывает такую работу, разборка становится настолько трудным делом, что в шутку говорят будто переселенцы, уехавшие на Запад, оставили свои дома, главным образом, чтобы избавиться от чистки чердаков.

Во всяком случае, в давно заселенной восточной части Соединенных Штатов встречаются старинные дома, чердаки которых представляют богатейшие склады исторических ценностей и редких вещей. Многие семьи, поселившиеся в этой части страны двести лет назад или более, из поколения в поколение занимают одни и те же дома, причем каждая семья вносит свой вклад в «фамильное хранилище». В северной части штата Нью-Йорк находится усадьба семьи Лашер, названная «Акацией», потому что некогда эти деревья окаймляли аллею, ведущую к главному подъезду дома. Теперь деревья поредел. «Акация» изрядно пострадала от бури и пожара. Дом, выстроенный в начале 1729 года предком Лашера — Роелифом Элтинджем, почти весь сгорел. Он был восстановлен в 1826 г., и подвергшийся небольшим изменениям стоит и поныне в г. Нью-Палтце в долине Гудзона.

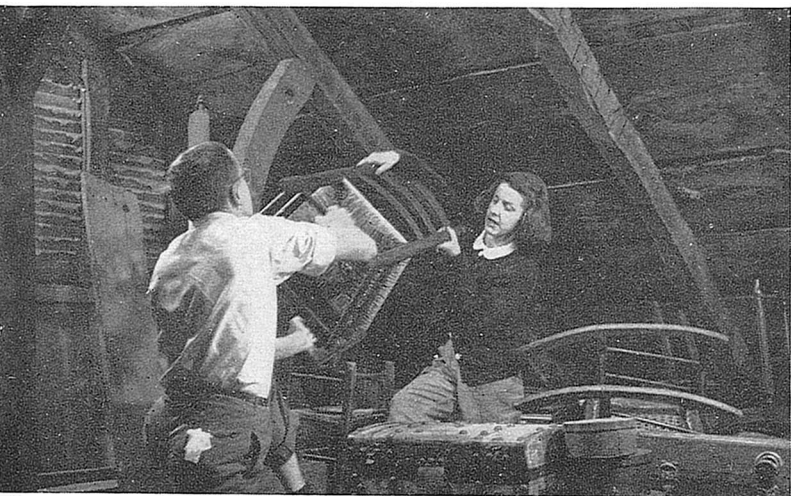
Первоначальный фермерский участок поместья «Акация» много раз перепланировался и использовался по-разному. Роелиф Элтиндж, отец которого переселился в Новый Свет из Голландии, в 1729 году получил в дар от английского короля Георга II 405 га земли; восемнадцать лет спустя ему были пожалованы дополнительно еще 810 га. В семействе Лашеров до сих пор хранится пергамент, на котором записан второй дарственный акт. По мере того, как семья Роелифа Элтинджа разрасталась, его земля делилась на мелкие участки, и к 1840 г. от первоначального поместья осталось только 162 га.

Вначале Элтинджи были скотопромышленниками, а потом занялись разведением винограда и молочным хозяйством. Своей продукцией они снабжали рынки г. Нью-Йорка, перевоза ее за 137 км на баржах по Гудзону. В конце 19-го столетия неурожаи и другие причины экономического характера заставили Элтинджей отказаться от сельского хозяйства; они распродали землю отдельными участками от 4 до 81 га главным образом поселенцам, прибывшим из Дании.

Теперь у Лашеров осталось только 5 га земли. В усадьбе «Акация» отдыхает по праздничным дням и проводит лето семья писателя Боба Лашера и его сестра Нэнси. Через каждые несколько лет, выбрав ненастную субботу, семья Лашер разбирает вещи на чердаке. В последний раз они взялись за это дело в июне прошлого года. Боб решил, что на чердаке, вероятно, можно разыскать какую-нибудь ценную историческую рукопись или пару тяжелых прочных башмаков для дождливой погоды. Его жена Марджори надеялась найти там кусок старинной материи, чтобы шить себе оригинальное платье. Для трехлетней дочери Лашеров Кэйти посещение чердака было подобно поездке в незнакомую, полную чудес страну. Кто знал, что могло скрываться в этой куче вещей, покрытых толстым слоем вековой пыли? — Игрушки, животные из папье-маше, книжки с картинками — все, что угодно! Из любопытства к Лашерам присоединилась их соседка, одиннадцатилетняя Мери Энн Додд.

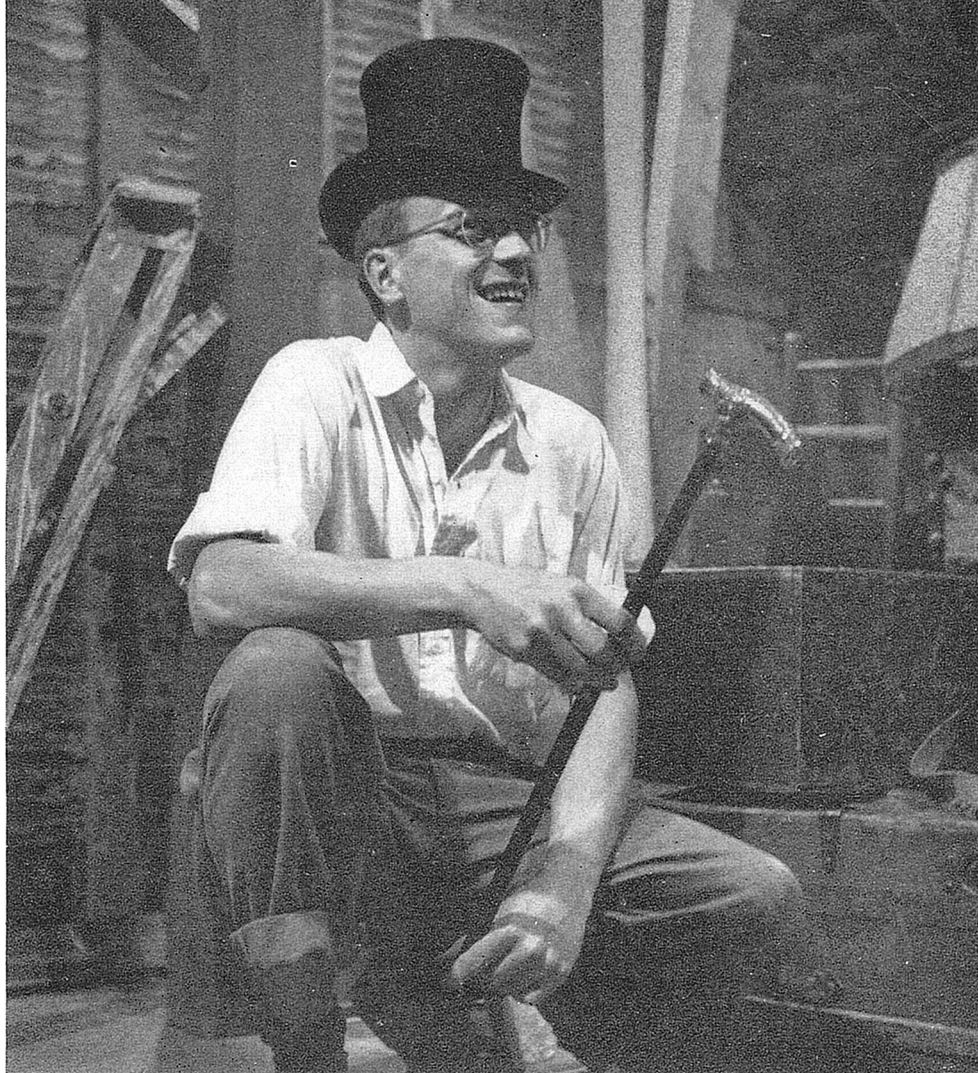
Марджори вытащила старое полотняное белье; кое-что оказалось еще в хорошем состоянии. Ночная сорочка, сшитая в 1890 году, когда-то принадлежала бабушке Боба; из нее можно было сделать блузку для Кэйти; бумажная с узором юбка одной из прабабушек могла быть переделана и для самой Марджори; Боб откопал старую масляную лампу и поставил ее в прихожей, на случай, если гроза повредит электричество; нашелся старый, но не слишком ветхий стул и одеяло из лоскутов, требовавшее лишь незначительной починки. Кэйти и Мери получили огромное удовольствие, примеряя старинные платья, а Кэйти забрала крокет, скакалку и два интересных маленьких ящичка: один, наполненный монетами, другой — с принадлежностями для рукоделия. Нэнси больше привлекали семейные сувениры, чем носильные вещи. Она была очень довольна, найдя такие предметы как рог-пороховницу домашней работы, принадлежавший одному из предков, вероятно, участвовавшему в 1776 году в войне за Независимость, колокольчик на кожаном ремешке, когда-то болтавшийся на шее у одной из коров, когда «Акация» была скотоводческой фермой, деревянную маслостойку семидесятилетней давности, прялку, которой было около двухсот лет. Боб и Нэнси особенно заинтересовались коллекцией фамильных писем, лежавших в сундуке, выстланном газетами вековой давности. В одном из писем прадеда Боба рассказывается о поездке в почтовой карете из Нью-Палтца в Олбани — город, расположенный в 120 км вверх по Гудзону, где он поступил в юридическую школу.

Утро пролетело быстро; наступил полдень. Незадолго до этого Нэнси вышла и вернулась с легким завтраком. Маленькое общество, разместившись на старой мебели, пыльных сундуках принялось за еду. Через час или два быстро спустившиеся сумерки напомнили, что пора идти вниз и смыть накопившуюся за день паутину и пыль. Экспедиция на чердак была предпринята с намерением очистить его от ненужного хлама. Часть помещения могла быть превращена в спальню для гостей или использована для вещей, загромождавших кладовые внизу. Кроме нескольких предметов, взятых с чердака, Лашеры захватили еще источенные червями прялку и два стула, чтобы все это сжечь. Но чердак остался в таком же виде, в каком он был до разборки.

На противоположной странице: старинная мебель, сундуки и шкатулки, принадлежащие ушедшим поколениям, овеяны романтикой прошлого. Слева: однажды Боб Лашер и его жена Марджори приступили к осмотру чердака в старом доме, принадлежащем семье Боба с 1729 года.

Слева: в цилиндре деда и с тростью из черного дерева Боб изображает настоящего «денди» восьмидесятых годов прошлого столетия.

Справа: в одном из углов чердака хранится чучело головы оленя, убитого на охоте одним из предков Лашера в середине 19-го столетия.

Внизу: в осмотре чердака принимают участие трехлетняя Кэйти Лашер и Мери Додд — дочь соседа. Мери нарядилась в ночную сорочку, которую носила бабушка Боба 60 лет назад.

Разбираясь среди всякого хлама на чердаке, Боб нашел два совсем еще крепких стула. Если их покрасить, то они могут некоторое время еще послужить.

Слева: семья Лашеров настолько увлечена занимательным делом — разборкой вещей на чердаке, что решила позавтракать здесь же на месте.

Справа: девочки с большим интересом и любопытством рассматривают закопченную чугунную печь, в прежнее время обогревавшую дом.

На ковре, перед пылающим камином, которому уже 125 лет, Боб и его сестра Нэнси читают пожелтевшие письма своих предков, найденные на чердаке.

Нью-Йоркский отдел здравоохранения содержит биологическую ферму, где от лошадей получают антитоксины дифтерита и столбняка, а от овец вакцину против коклюша. На снимке: подопытных лошадей выводят из здания конюшни.

Биологическая ферма

Фильтрация туберкулина перед изготовлением концентрированного раствора. Затем туберкулин будет бесплатно доставлен в больницы.

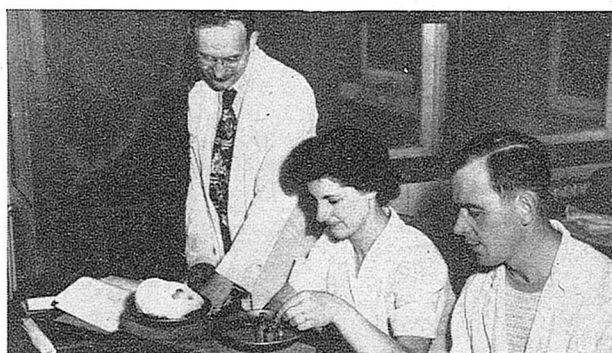
У подножия Катскильских гор, приблизительно в шестидесяти милях от центра Нью-Йорка, находится замечательная ферма. Она не производит никаких пищевых продуктов и, тем не менее, играет исключительно важную роль в жизни восьмимиллионного населения города. Ферма содержится на средства, предоставляемые Отделом здравоохранения Нью-Йорка, и выращивает животных для пополнения значительной части городских запасов антитоксинов и сывороток. Кроме того, химики и бактериологи Отдела здравоохранения работают в лабораториях фермы над проблемами, связанными с приготовлением и применением биологических препаратов.

Животные размещены на ферме в четырех безукоризненно чистых зданиях. Здесь находятся 43 лошади, от которых получают антитоксины дифтерита и столбняка, и 74 овцы, снабжающие Отдел здравоохранения противокклюшной вакциной. Несколько тысяч мелких лабораторных животных — кроликов, мышей и морских свинок — используются для научных работ. Когда требуется оспенная вакцина, состав животных пополняется телятами.

В прошлом году ферма дала для прививок 3.053 литра неочищенной сыворотки, помимо 1.073 граммов оспенной вакцины. Готовые препараты хранятся неочищенными в рефрижераторах фермы, пока их не затребуют. Тогда сыворотки очищают, упаковывают и отправляют в городские амбулатории, где прививки производятся бесплатно.

Для получения антитоксинов дифтерита и столбняка в лабораториях фермы применяют новый и недорогой способ — улучшенный вариант метода, открытого французскими учеными.

Доктор Моррис Джекобс, главный специалист по органической химии, с интересом наблюдает за лаборантами, взвешивающими морских свинок для записи прибавления или потери веса после применения очищенного антитоксина.

буря

в пустыне

Зимнее небо. Предвещающая метель, тяжелые облака нависли над крышами ранчо.

Надвигается гроза. Горячий полуденный воздух пустыни недвижим и безмолвен. Придорожные листья и сухая трава взлетают, подгоняемые легким ветерком, который предвещает приближение бури. Ветер усиливается. Подхватывая с земли опаленные солнцем листья, и с силой швыряя их о стволы немнущихся деревьев, он крупным песком засыпает строения ранчо, оспаривающие у него власть над пустыней. Грозовые тучи быстро надвигаются с далекого горизонта, зловеще свисая над головой, и их резко очерченные края нависают, подобно утесам, застывшим в воздухе. Яркий солнечный свет внезапно тускнеет, уступая место сумраку, предвещающему приближение грозы. Вершины отдаленных гор чернеют и сливаются с новыми дождевыми тучами, идущими с Запада. Все затихло в томительном ожидании. Раздаются отдаленные раскаты грома, вспыхивает молния, нерешительно падают первые редкие капли дождя. Налетает сильный шквал и разражается ливень. Картина быстро пронесшейся грозы гармонирует с диким пейзажем западной пустыни. Вызванная столкновением теплых потоков воздуха, поднимающихся из горных долин, и более холодных и влажных, несущихся с океана, буря бывает обычно сильной, но кратковременной. Через несколько минут она затихает и уходит опустошенная, напоив дождем пересохшую землю. Воздух делается чистым и свежим. Даже среди жаркого лета такие бури часто сопровождаются градом или снегом. Они налетают неожиданно, быстро проходят и, принося мало пользы земледельцу, лишь освежают изнемогающие от духоты города и радуют художников разнообразием красок. Приведенные здесь снимки грозы были засняты фотографом Макгро в Аризоне в разное время года. Искусство и терпение неутомимого мастера помогли ему передать изменчивую красоту пустыни.

На следующей странице: «Грозная минута». При страшном раскате грома молния, прорезая тучи, поражает незащитный песок.

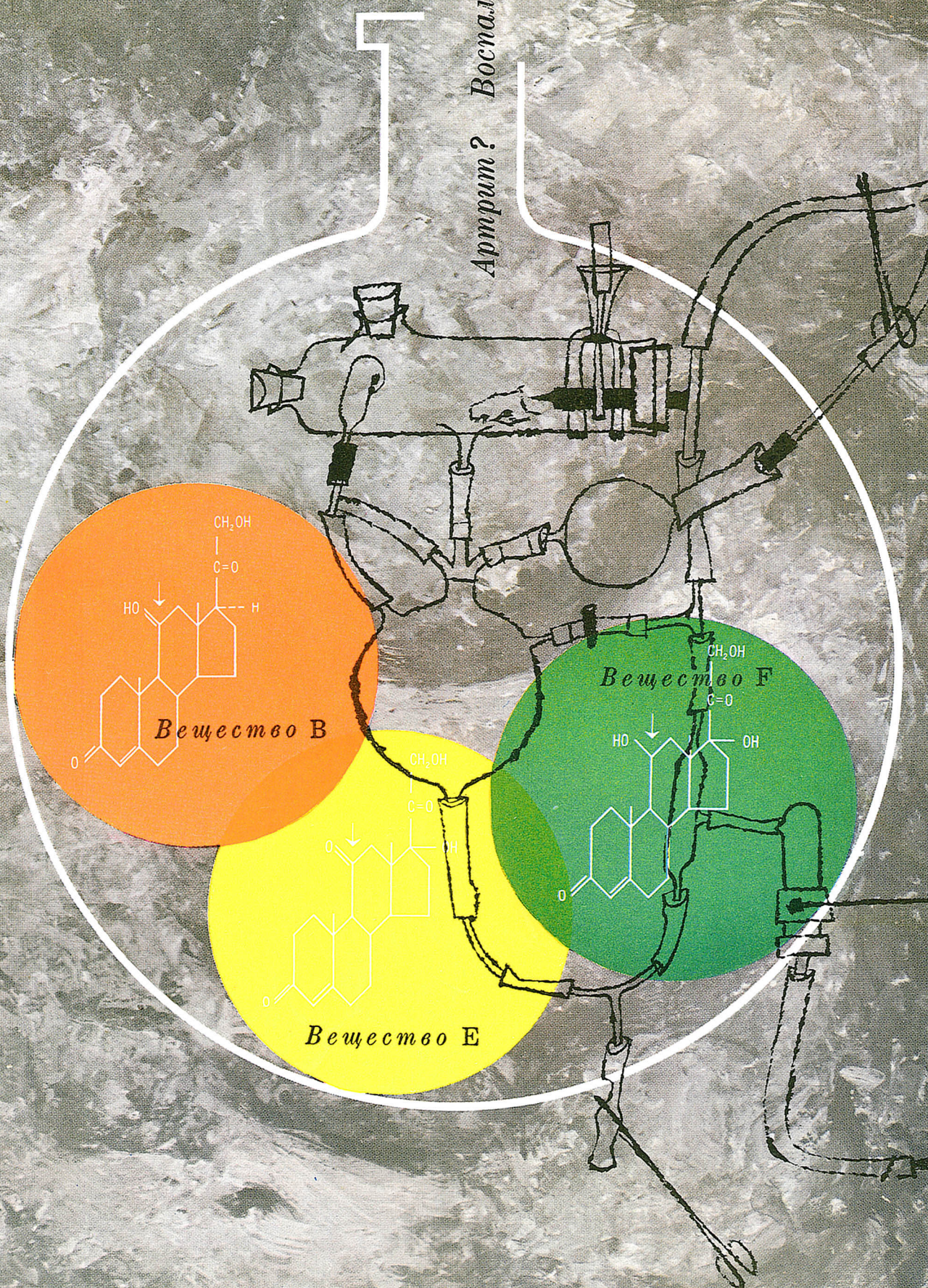

Кортизон

Астма? Туберкулез? Воспаление легких? Артрит?

Открытие нового гормона может стать

началом новой эры в медицине.

Каждый научный исследователь, ведя кропотливую и нередко скучную повседневную лабораторную работу, всегда имеет в виду какую-нибудь большую задачу: например, понять происхождение космических лучей, вскрыть причину возникновения рака, — вообще разрешить одну из главных проблем, стоящих перед современной научной мыслью. И, конечно, ему очень хотелось бы достичь этой цели посредством нескольких эффектных опытов. Однако на деле редко представляется возможным осуществить этот идеальный метод, так как явления природы отличаются такой сложностью, что взять их лобовой атакой на широком фронте почти никогда не удастся.

Основной принцип современного научного исследования состоит в выделении строго определенных, ограниченных задач. Ученый не изучает «рак» или «атом» в целом, а сосредоточивает свое внимание на какой-нибудь части проблемы. Он сознательно суживает поле своих наблюдений, покупая этой ценой возможность обогащать науку фактами и не соблазняясь отвлеченными построениями. Он действует, как человек, рассматривающий клетку в электронный микроскоп. Этот инструмент увеличивает так сильно, что в него можно видеть лишь часть клетки. Зато эта часть видна во всех деталях, которые никаким другим способом увидеть нельзя.

Ярчайшим примером того, насколько эффективен широко применяемый современными исследователями метод ограничения задачи, является история открытия кортисона. Этот недавно выделенный гормон надпочечной железы в настоящее время испытывается не менее, чем в 85 больницах США и Канады. Быть может, самое сильное действие кортисон оказывает на ревматоидит или хронический суставной ревматизм, которым болеют три миллиона американцев. Болезнь начинается обычно с воспаления и опухолей, возникающих где-либо в одном-двух местах, чаще всего на пальцах рук и ног. Затем опухоли распространяются на другие части тела, разрушая прилегающие к мышцам и суставам ткани.

Этому средству придается такое значение, что Филипп Хенч и Эдвард Кендалл из клиники Мэйо в Рочестере (шт. Миннесота), а также д-р Тадеуш Рейхштейн, швейцарский ученый, открывший его независимо от первых двух исследователей, получили Нобелевскую премию за достижения в области медицины.

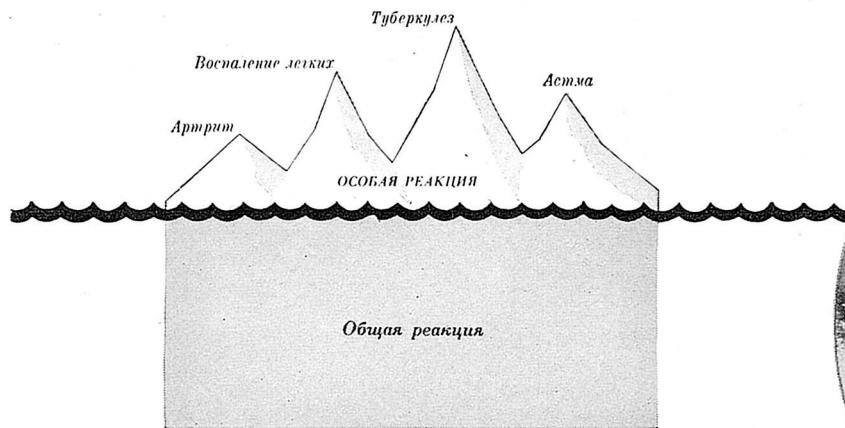
До открытия кортисона этот процесс был «необратим», то есть, раз начавшись, все усиливался или же, на каком-то этапе прекращался сам собой. Борьба с ним была бесполезна, радикальное излечение больного — невозможно. В настоящее же время, как показали испытания, проведенные на ряде больных, ревматоидит уже не принадлежит к категории неизлечимых болезней; врачами зарегистрированы замечательные случаи выздоровления, которые считались бы просто невыносимыми всего каких-нибудь два года назад. Кортисон не может еще считаться вполне проверенным медикаментом, и по целому ряду причин, о которых будет сказано ниже, его применение пока должно быть ограничено; но он обещает стать радикальным средством и получить широкое распространение.

Многим кортисон известен, главным образом, как средство против артрита. Но это только одна сторона дела. Теперь выясняется, что новое открытие имеет гораздо большее значение. Кортисон и другие вновь выделенные гормоны надпочечной железы, а также один гормон, стимулирующий работу последней, при испытании в клинике оказали положительное действие на самые разнообразные и как будто не имеющие между собой ничего общего болезни. Поэтому у врачей сложилось мнение, что надпочечная железа точнейшим образом определяет не только симптомы одной-двух болезней, но и общую основную реакцию человеческого организма на всякую болезнь. Исследования, имевшие первоначально целью экспериментальное изучение одной определенной болезни, совершенно неожиданно оказались, по выражению д-ра Уолтера Бауера из Гарвардской медицинской школы, «началом новой эры в медицине».

Три вещества (В, Е, и F),
выделенные корой надпочечной
железы, имеют совершенно одинаковую
химическую структуру (слева).
Гормон Е, называемый кортисоном,
обещает быть полезным
при лечении разнообразных
заболеваний. Возможно, он изменит
существующее представление
о здоровом и больном организме.

Реакция на нарушения

Эти важные результаты имели очень скромное начало. В 1929 г. д-р Филипп С. Хенч из клиники Мэйо в г. Рочестере, штат Миннесота, решил заняться узко-специальным вопросом, составляющим лишь одну из сторон проблемы артрита: о влиянии желтухи различного типа на артрит. Было замечено, что по каким-то причинам больные артритом при желтухе начинают чувствовать себя лучше, и настолько, что некоторым больным стали даже намеренно вводить вирус. Хотя облегчение имело лишь временный характер, оно все же неоспоримо доказывало, что на артрит можно оказать положительное влияние.

Через несколько лет другой, тесно связанный с этой проблемой, ряд явлений привел д-ра Хенча к мысли о роли половых желез в развитии артрита. Он заметил, что часто артрит приобретает более легкую форму у женщин во время беременности, при которой, как правило, организм претерпевает резкие колебания в количестве полового гормона (между прочим на основании этих колебаний устанавливается самый факт беременности). Начиная, примерно, с пятой недели, боль затихала и опухание суставов заметно уменьшалось. Д-р Хенч исследовал более 150 случаев артрита при беременности; после родов болезненные симптомы вновь появлялись. В то же время инъецирование полового гормона женщинам, страдающим артритом, но не беременным, не приносило никакого облегчения; это обстоятельство устраняло всякую мысль о том, что половые железы могли быть главным фактором при заболевании артритом.

Однако д-р Хенч не отказался от предположения, что какая-то железа все же играет важную роль в возникновении этой болезни. В 1930 г. он создал новую теорию. Он предположил существование «антиревматической субстанции», постоянно вырабатываемой организмом в нормальном состоянии, но поступающей в кровь в исключительно большом количестве при наличии беременности и желтухи. Были основания полагать, что эта субстанция — гормон; а дальнейшие исследования показали, что и другие нарушения (например, вызванные анестезией, хирургической операцией и некоторыми бактериальными инвазиями) также дают временное облегчение артрита. Косвенные данные, выявленные в дальнейшем, заставили исследователя остановить свое внимание на надпочечной железе.

Более десяти лет пришлось потратить на проверку этой теории. Никак не удавалось выделить соответствующие гормоны. Надпочечная железа представляет собой два морщинистых комочка или миниатюрных блина, состоящих из желтовато-коричневой ткани и расположенных сверху на почке человека; их общий вес редко превышает семь граммов; но от этих маленьких кусочков материи зависит здоровье всего организма. Животные умирают через несколько дней после удаления надпочечных желез; люди, надпочечные железы которых захвачены процессом так называемой Аддисоновой болезни, редко выживают: их существование удается поддерживать лишь инъекциями гормонов надпочечной железы. Но эти крошечные комочки

«Айсберговая теория» болезней подтверждается первыми опытами лечения кортисоном, который оказался эффективным против ряда внешне ничем между собой несвязанных инфекционных и дегенеративных заболеваний. Небольшими дозами гормона устраняются симптомы артрита, крупными — симптомы астмы, воспаления легких и туберкулеза. Это говорит о том, что симптомы болезни — лишь отдельные проявления общей реакции, вершины «айсберга», на защиту организма в целом. Опыт с плавающими крысами относится к серии экспериментов, проводимых в Монреальском университете (Канада) с целью выяснить характер реакции организма на нарушения.

ткани все еще слишком велики на взгляд исследователя; он должен расчленять их на части: внутреннее тело, мозговое вещество и внешнюю кору. Мозговое вещество вырабатывает только один гормон: адреналин. Кора же выделяет от 20 до 30 разных веществ; этот тонкий внешний слой клеток и является главным предметом изучения.

Работа была медленная, кропотливая. В коре содержится множество желтоватых жировых капель; это естественные «капсулы», наполненные смесью биологически важных гормонов. Но выделение этих веществ в чистом виде представляет собой очень трудный лабораторный процесс, так как многие из них отличаются чрезвычайно сложным химическим составом. Двадцать с лишком лет подряд сотни исследователей в разных странах изучали содержимое жировых капелек, отдавая этому все свое время.

Одним из крупнейших знатоков коры надпочечных желез является д-р Эдвард С. Кендалл, директор биохимической лаборатории при клинике Мэйо. Еще до 1940 г. он неоднократно обсуждал проблему артрита с д-ром Хенчем. Д-ру Кендаллу удалось изолировать в крошечных количествах шесть новых гормонов из надпочечных желез рогатого скота, и оба исследователя желали подвергнуть эти вещества (ориентировочно названные веществами А, В, С, D, E и F) испытаниям в больничной обстановке. Предварительная проверка на животных показала, что вещества А и E, возможно, представляют большую ценность для медицины, но надобно выяснить два вопроса: 1) является ли одно из этих веществ, и которое именно, — предполагаемой д-ром Хенчем «антиревматической субстанции X» и 2) каким способом наладить их производство в большом количестве.

Д-р Кендалл решил сначала проверить вещество А. Им уже был экспериментально разработан способ получения этого гормона из выделений желчного пузыря крупного рогатого скота. Но прошло целых шесть лет, прежде чем он, в сотрудничестве с химиками фирмы Мерк и Ко. в г. Рауэй, штат Нью-Джерси, сумел воплотить добытые лабораторным путем формулы в производственный процесс. И тут он испытал большое разочарование: вещество А не принесло больным никакой пользы; таким образом, первое предположение отпало. Но оставалась невыясненной другая возможность. Вещество А является конечным продуктом сложного химического процесса, состоящего из 29 этапов; чтобы получить вещество E, надо продолжить процесс еще на восемь этапов. И это было сделано.

21 сентября 1948 г. д-р Хенч и д-р Кендалл, вместе со своими коллегами д-рами Чарльзом Х. Слокумом и Гоуардом Ф. Полли, впервые испытали вещество E в качестве средства борьбы с артритом. Этот случай является классическим в истории медицины. У больной — 29-летней домохозяйки — суставы рук, ног и бедер до такой степени отвердели и опухли, что малейшее движение причиняло ей нестерпимую боль. Наиболее эффективное из всех средств — соли золота — не производило никакого действия. В первый раз больной было инъецировано 100 миллиграммов вещества E, взвешенного в виде тонких кристаллов в соляном растворе. На второй и на третий день было сделано еще по одной инъекции. Процедура не дала никаких результатов и врачи клиники Мэйо уже решили, что и этот эксперимент кончился неудачей. Но на четвертый день наступила резкая перемена. Проснувшись рано утром, больная почувствовала, что может шевелиться в постели, не испытывая особенно сильной боли. Утром на пятый день она уже быстро передвигалась и опухоли почти прошли. На восьмой день она три часа ходила по магазинам. Учитывая характер болезни, так долго не поддававшейся никакому лечению, результат был ошеломляющий. Значительное улучшение произошло и в состоянии пятнадцати других больных.

20 апреля 1949 г., об успешном результате опыта было сообщено всем работникам клиники Мэйо, затем, через месяц, медицинским работникам всего мира. Это произошло на 7-ом Международном конгрессе по ревматическим заболеваниям, на который съехалось около 500 представителей от 22 стран. Д-р Хенч продемонстрировал здесь кинофильм (просмотр которого занял 15 минут), знакомящий с историей болезни некоторых его пациентов и с результатом применяемого им лечения. Затем д-р Хенч и д-р Кендалл сообщили, что, поскольку вещество E часто смешивают с витамином E, употребляемым как средство против бесплодия, новый гормон впредь будет носить название кортисона (полное химическое название: 17-гидрокси-11-дегидрокортикостерон). Наконец, пять крупнейших специалистов по

артриту из пяти разных больниц подтвердили выводы докладчика полученными ими самими данными.

За несколько месяцев перед тем они были приглашены в клинику Мэйо для ознакомления с действием кортисона и каждому из них было выдано достаточное количество этого вещества для лечения двух больных. Теперь специалисты сообщили о полученных ими результатах, единодушно настаивая на необходимости продолжать исследования. Они не только представили убедительное подтверждение правильности того, что сообщалось в докладе, но пользовались при этом такими выражениями, как «одно из наиболее значительных открытий в области медицины за последние тридцать лет», «монументальная работа», «исследование, важность которого трудно переоценить».

С тех пор экспериментальному лечению кортисоном было подвергнуто несколько сот больных артритом; приведенные выше восторженные отзывы специалистов получили полное подтверждение. Еще важнее тот факт, что препарат обещает быть полезным и при других болезнях. Среди них можно назвать считавшуюся неизлечимой кожную болезнь — волчанку, затем язвенный колит и некоторые болезни почек. Далее, гормоны были испытаны на пяти больных ревмокардитом — болезнью, распространенной среди детей, от которой в США умирает около трети сердечных больных. Во всех случаях наступало облегчение, и частая работа сердца в течение недели, а иногда и скорее, сокращалась до уровня, близкого к нормальному. За последние полгода такие результаты наблюдались в десятках случаев.

Между тем дальнейшее изучение надпочечной железы привело к новым важным открытиям. Кора этой железы находится под контролем гипофиза, — похожей на горошину железы, находящейся на основании мозга. Гипофиз выделяет так называемый адено-кортикотропный гормон (АСТН), стимулирующий выделение гормонов корой надпочечников. Но если АСТН усиливает продукцию гормонов надпочечной железы, то не окажет ли он положительное воздействие на больных, которым полезен кортизон? Не успел этот вопрос возникнуть, как на него уже был получен утвердительный ответ.

Кроме того, применение АСТН дало еще одно дополнительное преимущество. Этот гормон благотворно влияет не только на артрит, но и на ряд других заболеваний, уступающих и действию кортисона, — начиная с воспаления легких и кончая астмой и хроническим алкоголизмом. Врачи скоро поняли механизм его действия: это как бы разрывной снаряд, сразу поражающий несколько объектов. АСТН усиливает выделение продукции не только кортисона и гормона F, но и всей группы гормонов, выделяемых корой надпочечников, вскрывая их разностороннее и важное значение для организма.

В этом-то и заключается главный смысл открытия. Исследование проходит лишь начальную стадию. Но уже со всех сторон — из США и из-за границы — поступают первые сведения об успехе экспериментов. Это тем более знаменательно, что до сих пор врачи с полным основанием относились подозрительно ко всякой новой теории, основанной на концепции о единой природе всех болезненных процессов. Жажда человечества иметь панацею от всех недугов служила до сих пор лишь источником обогащения для недобросовестных владельцев медицинских патентов.

Никакой панацеи до сих пор нет и ее никогда не будет. Но открытие АСТН и кортисона наводит ученых на мысль, что многие заболевания человека, возможно, порождаются определенной группой основных реакций. На основании последних данных, общая картина болезненного процесса рисуется в следующем виде. Если какую-нибудь местность постигнет бедствие — пожар, ураган, наводнение и т. п., — население тотчас организуется для того, чтобы восстановить разрушенное. При этом первые его шаги будут совершенно одинаковы, независимо от характера бедствия: чтобы устранить ущерб, органам управления придется взять на учет рабочую силу и материальные средства, одновременно — в случае необходимости — обратиться за помощью в ближайший город и т. д. Дальнейшие мероприятия будут, конечно, зависеть от самого характера катастрофы, но первый шаг это всегда — общая мобилизация.

Таким же образом в чрезвычайных обстоятельствах действует и организм. Будет ли это тяжелое ранение, инфекционное заболевание или даже душевное потрясение, — во всех случаях защитные меры на первых порах одинаковы. Самые реакции имеют сложный характер

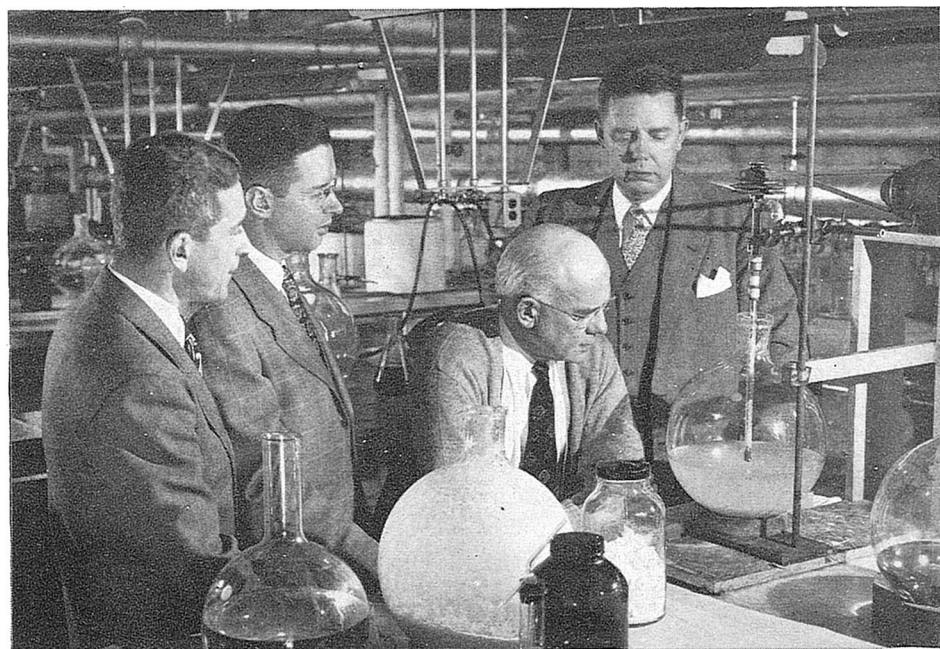
и еще не вполне выяснены. Видимо, в них принимает руководящее участие гипофиз, но сам он в свою очередь вероятно находится под контролем нервных центров мозга. Во всяком случае, результатом является выделение гипофизом гормона АСТН. Это как бы химический сигнал, подаваемый гипофизом коре надпочечников, которая немедленно реагирует выделением добавочного количества своих гормонов. Согласно д-ру Д. С. Л. Брауну из университета Макгилла, «картина болезни, как она рисуется на основе последних исследований, напоминает картину айсберга, семь восьмых которого находятся под водой. Точно так же и болезнь в большей своей части недоступна прямому наблюдению. Скрытой частью болезни является основная реакция организма на всякое нарушение. Но как некоторые части айсберга возвышаются над поверхностью, так и некоторые специфические реакции организма бывают доступны прямому наблюдению, знаменуя наличие нарушения определенного характера». Каждая болезнь состоит из специфических явлений, как бы выступающих над общей реакцией организма. Под действием кортисона айсберг тает и специфические симптомы скрываются, уходят под поверхность. Но как только гормоны перестают поступать в организм больного, айсберг опять начинает смерзаться и снова появляются на сцену: повышение температуры у туберкулезных больных, одеревенение суставов и боли у ревматиков, хрип и одышка у страдающих астмой, соответствующие симптомы у больных другими болезнями.

Конечно, эта теория основана в значительной мере на удивительной роли кортисона и АСТН в целом ряде самых разнообразных заболеваний. Но она получила подтверждение также и в экспериментах д-ра Ганса Сили. Он проводил свое исследование надпочечных желез, экспериментируя на животных с 1932 по 1945 г. в университете Макгилла, а затем в Институте экспериментальной медицины и хирургии при Монтреальском университете. В 1938 г., испытывая действие разных ядов на крыс, он пришел к выводу, что смертельная доза стрихнина, формалина или любого другого вещества из применяемых против этих животных, — неизменно вызывает разбухание надпочечных желез вдвое против нормального размера.

С тех пор д-р Сили, расширив поле своих наблюдений, получил исчерпывающие доказательства того, что организм реагирует точно таким же образом на самые разнообразные поражения, — как-то обмороживание, ожог, перелом костей, инфекция, эмоциональная травма. Независимо от характера нарушения, физиологическая реакция здорового животного организма всегда проходит три отчетливо выраженных этапа: 1) реакция тревоги, сопровождающаяся значительными физиологическими изменениями, — в частности, — резким изменением кровяного давления; 2) реакция сопротивления, во время которой эти явления исчезают, но организм чрезвычайно подвержен другим нарушениям; 3) реакция изнурения, являющаяся кульминационным пунктом продолжительного напряжения; на этой стадии организм теряет способность к защитным реакциям и гибнет.

Д-р Сили установил, что кора надпочечной железы играет решающую роль в защитной реакции организма. При ее повреждении реакция тревоги была значительно слабее, некоторые симптомы совершенно отсутствовали и животное быстро вступало в стадию истощения. При полном удалении надпочечных желез всякое сопротивление напряжению фактически отсутствовало и быстро наступала смерть. Д-р Сили, вместе с другими исследователями, доказал, что в ответ на напряжение или повреждение, организм всегда продуцирует АСТН, который играет главную роль в его защитной реакции.

Работниками университета Макгилла разработан также новый способ измерения количества гормонов надпочечной железы в крови. Поскольку, например, у беременных выделение этих гормонов резко усиливается, — понятно, почему состояние больных артритом женщин при беременности улучшается. Далее, — надпочечная железа участвует в реакции тревоги не только под влиянием одних «физиических» причин. Д-р Элинор Веннинг из университета Макгилла доказала, что на работу надпочечной железы влияют также эмоциональные нарушения и психические заболевания. У одной больной в нормальном состоянии количество надпочечных гормонов в крови составляло 40-60 единиц; но после истерического припадка оно увеличивалось в течение суток в пять раз. Менее значительные, но все же заметные изменения вызываются обычными волнениями повседневной жизни. Ваши надпочечные железы начинают работать

Группа работников клиники Мэйо в Рочестере (шт. Миннесота), открывшая противовоспалительные и общие лечебные свойства кортисона и АСТН (слева направо): д-ра Ч. Слокум, Полли, Кендалл, Хенч. Хенч и Кендалл разделили Нобелевскую премию 1950 года по медицине с швейцарским ученым д-ром Рейхштейном, который независимо от них открыл кортизон.

АСТН, добытый из двухсот тысяч свиных гипофизов.

Лаборант ловко извлекает гипофиз у свиней — главного источника добычи АСТН для коммерческих целей.

усиленно, если вы получили неприятное известие или волнуетесь по поводу какого-нибудь затруднения. Этот орган является одним из самых чувствительных регистраторов всех видов напряжения.

При всех своих целебных свойствах АСТН и кортизон еще не вышли из экспериментального периода. Читатель, вероятно, уже обратил внимание на то, что мы ни разу не назвали их здесь «лекарствами»; эта предосторожность была рекомендована самими исследователями — д-ром Хенчем, д-ром Кендаллом и их сотрудниками — в первых же сообщениях об испытании обоих средств на больных. Одна из главных причин, мешающих смотреть на эти средства, как на лекарства, заключается в том, что они способны вызывать нежелательные побочные явления, как-то головную боль, повышенное кровяное давление, ускоренный рост волос, опухание лица. Хотя все эти симптомы при сокращении доз или при остановке лечения исчезают, врачи отдают себе отчет в том, что здесь можно нарушить очень зыбкое и еще не вполне выясненное соотношение природных элементов в организме, а потому продвигаться вперед в данном случае следует как можно осторожнее.

Иногда наблюдается особое явление. Прежде всего продолжительное инъецирование какого-либо из этих гормонов способно вызвать психическую депрессию. Инъецирование АСТН во время приступа подагры, как правило, облегчает боль, но инъецирование того же гормона после приступа может вызвать повторение последнего. Одну десятилетнюю девочку кортизон избавил от артрита, но вызвал у нее диабет; как только прекратили всprysкивание кортисона, диабет

прошел. Это редкий случай, и как выяснилось, девочка имела скрытое предрасположение к диабету; но обнаруженная при этом связь между артритом и диабетом указывает на то, что медицина вступила в еще неизвестную область.

Многие химики заняты сейчас изысканием новых способов добычи гормонов. Есть предположение использовать для этого одно африканское ползучее растение, а также один вид мексиканского ямса, но д-р Кендалл и другие специалисты по коре надпочечников сомневаются в пригодности обоих растений для этой цели, — отчасти ввиду дороговизны их разведения. Хорошие перспективы имеет один побочный продукт, полученный в процессе исследовательской работы над раком. Год с лишним тому назад

д-ра Рой Херц и Уилтон Эрл и их сотрудники из Национального онкологического института в г. Бетесда, штат Мэриленд, изучая вопрос о влиянии гормонов на рак, разработали остроумный метод сохранения и замораживания крысиных гипофизов на питательной среде или тканевых культурах.

Этим ученым удалось сохранять вне организма до 150 желез, причем длительность периода сохранения в некоторых случаях превышала десять недель, и есть полное основание думать, что это не предел. Сохраненные таким образом гипофизы выделяют ряд гормонов, — в частности гормон АСТН, собираемый три раза в неделю в небольших количествах. Кроме Национального онкологического института, аналогичные опыты проводятся в настоящее время Вустерским фондом экспериментальной биологии (штат Массачусетс). Все данные говорят о возможности наладить добычу АСТН в крупном масштабе в специальных лабораториях тканевой культуры. Производятся предварительные опыты со средами, содержащими и гипофиз, и надпочечную железу, чтобы гормон АСТН, вырабатываемый гипофизом, стимулировал выработку кортисона и других гормонов надпочечника.

Но главное внимание химиков привлекает проблема создания синтетического кортисона на основе использования простых материалов, как-то бензол, уксусная кислота (вещество, сообщающее уксусу кислый вкус) и нафталина, входящего в состав препаратов, употребляемых против моли. Многие исследователи полагают, что такое достижение будет осуществлено в ближайшие два-три года. Если это удастся, кортизон скоро станет широко доступным средством как в смысле наличного количества, так и в смысле цены, которая упадет вероятно в три или четыре раза. Однако, один из крупнейших знатоков вопроса подчеркивает, что «производство кортисона всегда будет трудоемким процессом, и цена продукта останется сравнительно высокой».

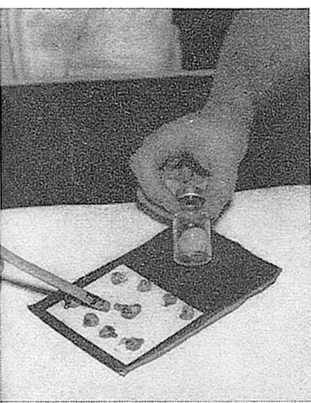
Основная сложность проблемы заключается в необходимости предварительно выяснить, каким именно образом ценный в лечебном отношении гормон устраняет болезненное явление. На этот вопрос мы до сих пор не имеем ответа даже в отношении кортисона, который является предметом столь внимательного изучения. Действие кортисона сравнивают с действием инсулина на диабет не только в смысле исключительной эффективности, но также и в том, что его, видимо, тоже нужно инъецировать постоянно. Однако различие между этими двумя препаратами все же более значительно, чем сходство. Опыт показал, что кортизон приносит облегчение больным артритом надолго: некоторые пациенты, в течение нескольких месяцев после последней инъекции чувствуют себя вполне здоровыми. Врачи надеются, что внимательное изучение менее удачных случаев приведет к более положительным результатам в ближайшие годы.

Диабетики нуждаются в инсулине, поскольку организм их вырабатывает это вещество в недостаточном количестве. Что же касается больных артритом, то странность заключается в том, что в ряде случаев их надпочечные железы выделяют нормальное количество кортисона, даже если болезнь приняла тяжелую форму. Иначе говоря, кортисона поступает много, но организм не в состоянии его использовать. По мнению некоторых исследователей, это — особая форма любопытного биологического явления, которое носит название «вытеснительная конкуренция». Живая клетка питается белками, жирами и другими сложными веществами определенного химического состава. В здоровом состоянии она отвергает лишние питательного значения и ядовитые вещества. Но если такое вещество окажется смешанным с другим, годным в пищу по своему химическому составу, то может случиться, что клетка не сумеет отличить одно от другого и поглотит их обоих.

Очень многие нарушения объясняются именно такого рода «ошибкой восприятия». Например, пеллагра вызывается недостатком одного из витаминов В — ниацина. Но случается, что люди, потребляющие в больших количествах кукурузу (в виде кукурузного хлеба, кукурузной патоки и т. п.), страдают разрыхлением десен и другими явлениями пеллагры, несмотря на достаточное поступление ниацина. Дело в том, что в кукурузе содержится вещество, по своему химическому составу почти тождественное с витамином В, и организм «по ошибке» поглощает его вместе с ниацином, тем самым сокращая действительное усвоение последнего в пользу конкурирующего с ним вещества. Тем же явлением объясняется бактерицидное действие сульфаниламида. Этот препарат по своей структуре сходен с парааминобензойной кислотой, принадлежащей опять-таки к витаминам В. Нуждаясь в этом витамине, бактерии жадно пожирают и сульфаниламид, но это оказывается для них смертельным. Таким образом, сульфпрепараты являются антивитаминами.

По мнению некоторых исследователей, артрит вызывается аналогичным процессом. В силу какого-то, еще невыясненного нарушения обмена в ткани, окружающей сустав, скапливаются ядовитые вещества. Если это происходит в достаточных размерах и среди ядовитых веществ окажутся химически родственные кортизону, клетки организма начнут вместо гормона поглощать этот материал. В результате возникает опухоль, воспалительный процесс. С целью выяснить действительно ли таков механизм возникновения артрита и других болезней, исследователи в настоящее время особенно внимательно изучают молекулярные реакции организма. Подтверждение изложенной гипотезы значительно приблизило бы нас к пониманию природы «реакции тревоги» и роли коры надпочечников.

Таким образом длинная цепь исследований, начало которой было положено д-рами Кендаллом, Хенчем и целым рядом других, привела ученых к центральной проблеме всей биологии и медицины: тончайшей биохимии клетки. Открытие кортисона и АСТН не только разрешило определенные проблемы, но одновременно поставило на очередь новые, еще более сложные и трудные. Немало биологов и представителей медицинской научной мысли будут проверять «айсберговую» теорию возникновения болезней, изучая химический состав того или иного гормона, разрабатывая лучшие способы обнаружения разных гормонов надпочечника, экспериментируя над явлениями вытеснительной конкуренции в пробирке и на животных. С точки зрения практической неоспоримо одно: в ближайшие десять лет роль гормонов в борьбе с болезнями будет все более возрастать.

Всеамериканское сельскохозяйственное училище

*Вклад ученых-новаторов
в дело международного образования*

Сельскохозяйственное училище в долине реки Егуар. На переднем плане: студенческое общежитие и квартиры педагогического персонала. На заднем плане: столовая, подопытные сады и луга.

Приблизительно в тридцати двух километрах от Тегусигальпы — живописной столицы Гондураса — находится одно из наиболее своеобразных учебных заведений западного континента: Всеамериканское сельскохозяйственное училище. На его территории, занимающей площадь в 1.418 гектаров в долине реки Егуар, раскинулись плодородные поля, густые леса и рощи. 178 студентов, стипендиатов училища, — уроженцы стран Центральной и Южной Америки, где население говорит по-испански. Студенты изучают дисциплины, относящиеся к области сельского хозяйства — от биологии клеточного роста до устройства оросительных каналов и методов вспашки. Другие учебные заведения того же типа и сельскохозяйственные опытные станции во многих странах с возрастающим интересом следят за результатами проводимых школой экспериментов.

Хотя это училище небольшое, приобретенный им опыт в вопросах постановки образования имеет международное значение. Посетителей поражает разнообразие культур, выращиваемых в долине и на склонах холмов. Климатические условия местности благоприятствуют как разведению культур, характерных для умеренных поясов, так и выращиванию растений тропических стран. На одном из участков посажены редиска, помидоры, капуста, лук, а на смежном — манго, папайя и гуава. Молочные фермы напоминают фермы Новой Англии. За ними тянутся плантации сахарного тростника.

Это многообразие свидетельствует о стремлении училища к определенной цели. Перед студентами, оканчивающими это учебное заведение, открывается новый мир сельскохозяйственных достижений, обусловленных современными методами ведения хозяйства. Многие выпускники, разъезжаясь по домам в глухие сельские районы, делятся своими знаниями с соседями и знакомыми. Они привозят с собой семена растений, черенки для новых насаждений, а также цыплят, поросят и телят разных пород. Питомцы сельскохозяйственного училища стремятся поднять жизненный уровень населения в отдаленных районах у себя на родине. Об их успехах можно судить по тому, как повышается урожайность и какие новые виды культур выращивают сотни фермеров, хозяйство которых прежде носило примитивный характер. Учащиеся распространяют полученные ими зна-

ния и способствуют разведению новых разнообразных сельскохозяйственных культур не только у себя в районе, но также и в Соединенных Штатах. Многие тропические растения, выращиваемые ими на опытных участках школы, культивируются в южной Калифорнии и Флориде. Недавно один из авторитетных американских ботаников отметил, что «возможности, которые таит в себе царство растений, лишь в ничтожной доле используются человечеством». Этому мнению придерживается также доктор Вильсон Попено — директор сельскохозяйственного училища. Ученым известны около 350.000 видов растений. Слово «известны» в данном случае дает не совсем правильное представление, так как под ним подразумеваются растения, найденные учеными и получившие соответствующие латинские названия. Многие из них еще мало изучены и лишь тысяча растений и злаков выращиваются в широких масштабах. Возникает вопрос, какие растения из числа «известных», но недостаточно изученных, обладают питательными или лечебными свойствами. На этот и многие другие вопросы нельзя ответить, прежде чем армия ботаников во всех уголках земного шара не изучит тысячи неизвестных растений и не найдет способа выращивать наиболее ценные разновидности.

Большая часть самых плодородных и в то же время наименее исследованных территорий находится в Центральной и Южной Америке. Они перемежаются с дикими тропическими джунглями, тянущимися вдоль Амазонки и других многоводных рек. Доктор Попено понимает, что небольшое училище не в состоянии исследовать эти огромные территории и изучить их богатое растительное царство.

В настоящее время сельскохозяйственное училище не может принять всех желающих из-за отсутствия помещения и надлежащих условий. Сотни кандидатов, внесенных в списки, терпеливо ждут своей очереди. Многие студенты готовятся к преподавательской деятельности, мечтают открыть новые школы и обучать будущих ботаников-исследователей, которые, подобно им, стремились бы освоить неизвестные полезные растения также как и распространять среди населения новые методы ведения сельского хозяйства.

Школа была основана по плану, разработанному тридцать лет назад. В 1920 г. крупнейшая в Южной и Центральной Америке Объеди-

Известный садовод и директор Всеамериканского сельскохозяйственного училища в Гондурасе доктор Вильсон Попено торжественно вручает диплом одному из молодых выпускников школы.

ненная компания по продаже фруктов занималась преимущественно сбытом бананов. Вскоре, окрыленные успехом, представители фирмы решили заняться изысканием новых полезных растений в странах Южной Америки и в Соединенных Штатах. Они облюбовали подходящий участок, покрытый буйной растительностью, в долине Ланчетиллы, расположенной в пяти километрах от г. Тела в Гондурасе. На площади в 32 га, расчищенной от джунглей, была основана тропическая станция Ланчетиллы, впоследствии превратившаяся в центр по выращиванию каучуковых растений, цитрусовых и тунговых деревьев, мангостина (с сочными темнокрасными плодами), корицы, красного дерева, тика и испанского кедра. Многие местные рабочие, занятые на экспериментальной станции, приобрели значительный опыт по уходу за этими насаждениями, ознакомились с передовой техникой и, естественно, стали стремиться к более серьезным знаниям. Вначале они задавали вопросы, на которые получали разъяснения. Постепенно персоналу станции приходилось уделять все больше и больше внимания и времени подобным беседам.

Директор Ланчетилльской станции по изучению тропических растений, доктор Попено не только одобрил это начинание, но выразил мнение, что необходимо всячески содействовать его развитию. Пятидесятивосьмилетний ученый-специалист был большим авторитетом в области современной сельскохозяйственной техники и горел желанием поделиться знаниями с населением. Доктор Попено родился в средне-западном штате Канзас и провел детство и юные годы в Калифорнии. В период жизни на берегу Тихого океана он увлекался ботаникой и сельским хозяйством. Он мечтал широко распространить культуру авокадо, из плодов которого делают очень питательные салаты.

С 1913 г. по 1925 г. д-р Попено работал в качестве ботаника-исследователя при министерстве земледелия Соединенных Штатов. Со времени его увлечения авокадо — эти плоды перестали быть редкостью в Новом Свете, что было заслугой Попено. В настоящее время в Калифорнии ежегодно собирают 9.000 тонн плодов авокадо. Значительные урожаи также собирают фермеры Флориды. Попено завоевал большой авторитет в вопросах культивирования таких тропических плодовых растений, как например бразильский апельсин,

манго, еще мало известные черимойя и педжибойя или персиковая пальма.

Огромный опыт Попено и неустанное стремление расширить свои познания в области научных мероприятий по ведению хозяйства в Южной Америке навели его на мысль о создании небольшой школы при Ланчетилльской станции, где молодежь — уроженцы стран Латинской Америки — могла бы обучаться новейшим методам садоводства и земледелия. В то время не было еще надлежащих условий для развертывания учебной программы. Прежде всего не доставало средств. В 1930 году д-р Попено был командирован в Гватемалу, а три года спустя сельское хозяйство Центральной Америки постигла катастрофа — погибли банановые насаждения, то есть одна из важнейших культур, выращиваемых в тех районах. Фермеры столкнулись с коварным врагом — банановой болезнью сингатовой.

Победа над сингатовой послужила косвенной, но весьма существенной причиной для основания Всеамериканского сельскохозяйственного училища. Специалисты по тропическим культурам начали изучать происхождение заболевания и его ранние симптомы. Они пришли к заключению, что господствующие здесь ветры могут занести за тысячу миль круглые споры грибка, опустошающего банановые плантации. Первый признак заболевания — появление сероватых пятен на листьях, которые затем чернеют. Быстро распространяясь, грибок поражает растение, и тысячи гектаров банановых плантаций выглядят так, как будто они пострадали от сильного пожара. Зрелые плоды больного растения прибывают в северные порты уже испорченными.

После этой катастрофы д-р Попено занялся научными изысканиями, связанными с культивированием банановых насаждений на общей площади в 50.625 га в шести странах Центральной Америки. Под его руководством развернулась кампания борьбы против сингатовой. В 1940-м году Объединенная компания по торговле фруктами не только ликвидировала эпидемию на своих плантациях, но и выделила необходимые средства, персонал и оборудование для восстановления банановых насаждений на фермерских участках общей площадью в 5.265 га в Центральной Америке.

Хотя наука сыграла главную роль в успешных результатах этого начинания, нельзя не упомянуть и о другом важном факторе — мобилизации специалистов и фермеров для проведения сельскохозяйственных кампаний. Такие факторы ярко продемонстрировали значение коллективных мероприятий в деле популяризации знаний. Люди, мало знакомые и даже никогда не встречавшиеся друг с другом, стали близкими друзьями, связанными общими интересами. Иными словами, создалась благоприятная атмосфера для развития творческой мысли и составления реального плана.

Разработка такого плана заняла целый год. Сэмюэль Лемюррей, председатель правления Объединенной компании по торговле фруктами, решил открыть сельскохозяйственное училище. Лемюррей был энергичный деловой человек. Родился он в Бессарабии и в возрасте одиннадцати лет приехал в Америку. Основание училища было не первым проводимым им крупным мероприятием. До этого он принимал деятельное участие в организации женской больницы для негров, медицинской школы, института для антропологического и археологического изучения Караибских островов. Он понял, что будущее Центральной и Южной Америки зависит от достижений в области земледелия и от использования еще нетронутых природных богатств.

Лемюррей почувствовал, что его идеи и чаяния совпадают со взглядами и надеждами д-ра Попено, а потому пригласил знаменитого садовода руководить новой школой. К первоначальному ассигнованию в размере 500 тысяч долларов вскоре была добавлена сумма в 300 тысяч долларов. Со времени основания училища расходы выразились в сумме более 3.000.000 долларов (12.000.000 руб.). Д-р Попено

нашел участок в долине Рио-Егуар, идеальный для предназначенной цели. Вначале ученый считал, что он открыл этот уголок, исключительно благоприятный для земледелия и садоводства, но в дальнейшем узнал, что когда-то в долине было ранчо миссионеров-францисканцев, занимавшихся здесь сельским хозяйством в течение двухсот лет.

Строительство училища продолжалось два года. Но еще до его окончания многие уже не сомневались в успешности такого начинания. Весть о строящемся учебном заведении быстро распространилась среди населения, и юноши, стремившиеся к знанию, пришли на помощь строительным рабочим. В виде примера можно рассказать об Улисе Меджиа, восемнадцатилетнем сыне местного фермера. Покинув дом, он в течение трех дней шел по горам Гондураса к месту строительства школы, куда направлялись и многие другие молодые люди. Благодаря этим добровольцам на две трети законченное училище открылось в 1943-м году, т. е. за год до назначенного срока, на испытательный период.

В училище введен трехгодичный курс обучения, с дополнительным четвертым курсом по усовершенствованию знаний. Первый выпуск состоялся в марте 1946 года. С тех пор училище выпустило 229 специалистов по сельскому хозяйству. В это число входят 48 студентов, оканчивающих курс в 1950 году. Учащаяся молодежь представляет девять стран Латинской Америки. На первый курс подается, примерно, пятьсот заявлений, но из-за ограниченного числа вакансий производится тщательный отбор. Кипучая энергия д-ра Попено, прозванного студентами «Д-р сама скорость», отразилась на внутреннем распорядке училища и на укомплектованном расписании дня. Под руководством инструкторов внеклассные практические занятия идут уже с 6.30 утра. Обычно д-р Попено начинает рабочий день с практического задания, как например: «Вот литература о прививке. Вы можете ознакомиться со ста двадцатью пятью способами ее производства, но вам достаточно знать пять способов. А теперь пойдемте и займемся прививками». Затем ученый показывает, как надо срезать отростки. Студенты следуют его примеру и работают до тех пор, пока полностью не овладеют техникой этой операции.

В программу входит профессиональная подготовка учащихся в следующих областях: лесное хозяйство, оросительная система, применение удобрений, птицеводство, садоводство, коммерческая заготовка продуктов сельского хозяйства и даже дорожное строительство. Каждый студент обязан заботиться о нескольких сотнях молодых фруктовых деревьев, которые по окончании срока обучения будут переданы училищем в распоряжение его родного города или сельского района, при условии, что студент поможет пересадить их на новое место. Около девяноста процентов продуктов, потребляемых училищем, доставляются с его молочных ферм, полей, огородов и плантаций, находящихся на попечении студентов. В распоряжении учащихся имеется библиотека, содержащая 8.000 томов и более 20.000 брошюр и бюллетеней (включая около пятидесяти различных трудов д-ра Попено). Студенты и педагоги принимают деятельное участие в исследованиях, проводимых д-ром Робертом Гаррисом из Массачусетского технологического института для определения питательных свойств местных тропических продуктов. Эти работы рассчитаны на длительный срок, так как требуют биохимических изысканий в области витаминов, минералов и белковых веществ.

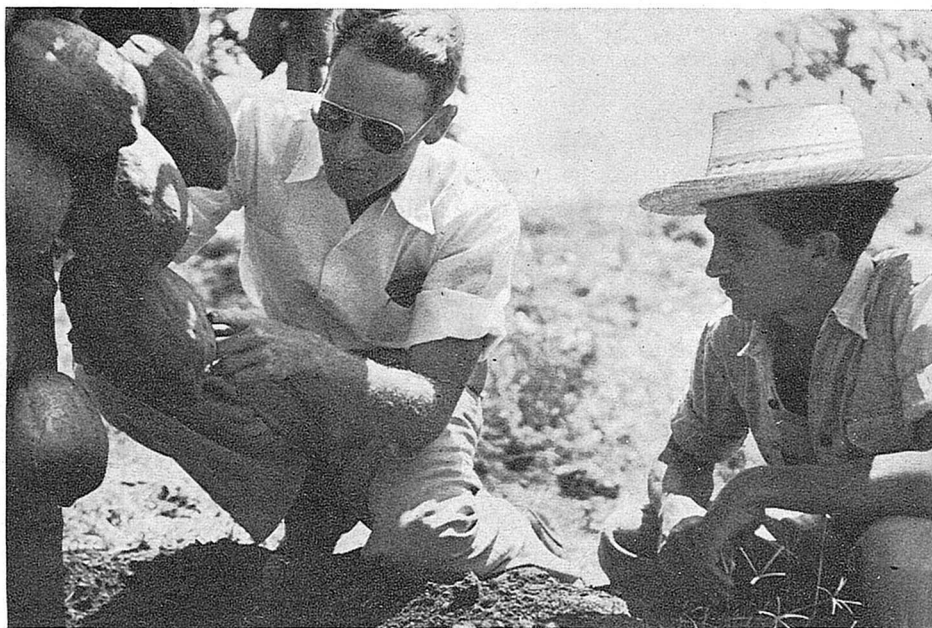
Д-р Попено до сих пор интересуется экзотическими фруктами и попрежнему мечтает выращивать их в большом количестве не только в Южной Америке, но также в Соединенных Штатах и других странах, где они известны населению. Ученый указал, что открытие обеих Америк дало Старому Свету множество новых весьма ценных культур — маис, картофель, табак, земляной орех, помидоры, ананасы.

Всеамериканское сельскохозяйственное училище занимается также выращиванием малоизвестных плодовых деревьев, не получивших еще должной оценки. Несомненно в дальнейшем, при разработке новых методов культивирования, их можно будет разводить в широ-

ких масштабах. В долине Рио-Егуар студенты выращивают самые необычные плоды и растения, как например, черимойю — фрукт, по форме напоминающий сердце с крепкой белой сердцевинкой. В замороженном виде черимойя похожа на мороженое из ананаса и банана. Эти фрукты произрастают в южном Эквадоре и северном Перу, где климат сухой и не очень жаркий, а теперь черимойя растет и на подопытных участках недалеко от Лос-Анжелоса в Калифорнии. Фермеры Флориды проводят опыты по разведению «личи» и «чико-запоте», обладающего приторным вкусом и идущего на изготовление жевательной резины.

Широкие начинания училища разворачиваются на основе тщательных лабораторных изысканий. Учащиеся, кроме специальных предметов, проходят элементарную биологию и знакомятся с методикой агрономических исследований. Они изучают фотосинтез — сложный и не вполне еще понятный процесс образования тканей растений, благодаря воздействию воды, углекислоты и солнечного света с помощью «зеленой крови» — хлорофила. Этот процесс обуславливает жизнь на земле, включая, конечно, и жизнь человека.

Преподаватель рассказывает студенту о свойствах папайи, приносящей сочные и приятные на вкус плоды. Руководители обучают фермеров методам культивирования малознакомых им тропических растений.

Обучение в сельскохозяйственном училище бесплатное. Студенты не несут никаких расходов, связанных с учебой. Книжки, лабораторное оборудование, инструменты для работы в саду и в поле, питание, одежда, помещение, медицинская помощь и лечение зубов обходится училищу по 1.300 долларов на каждого студента (4.200 руб.) в год. Естественно, что к учащимся предъявляются высокие требования. Поскольку выпускники на очень хорошем счету, их охотно принимают на работу.

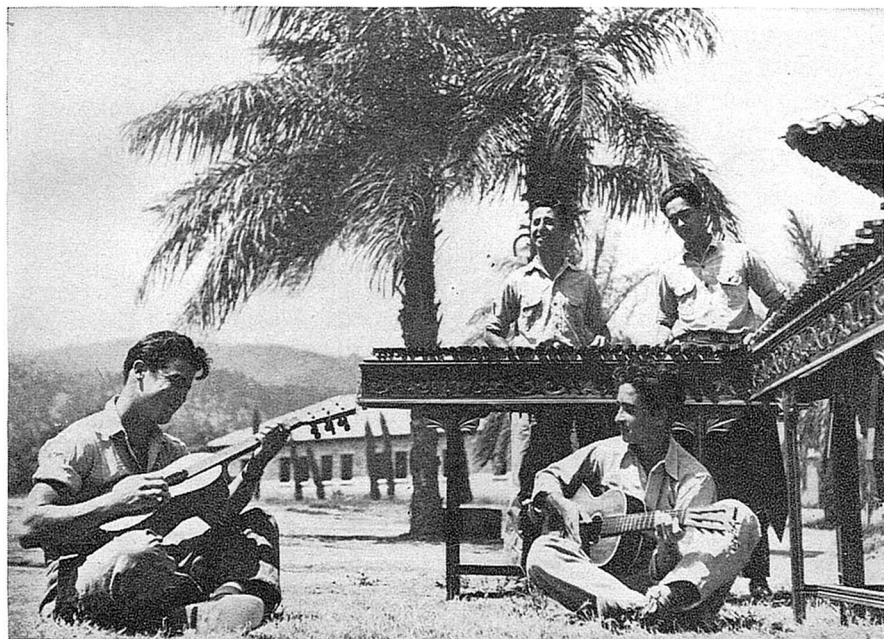
Ввиду того, что лица, окончившие колледж, должны стремиться к широкому распространению полученных знаний, им не разрешено поступать на службу в Объединенную компанию по продаже фруктов. Училище поддерживает и поощряет тех выпускников, которые желают усовершенствовать свои знания. По последним данным более 90 процентов лиц, окончивших училище, посвятили себя сельскому хозяйству. Хотя большинство из них работает у себя в районе, по месту жительства, это отнюдь не помешало им выбрать самые разнообразные виды занятий. Все возрастающий спрос на выпускников училища предъявляют правительственные органы по распространению знаний, в задачи которых входит внедрение современной сельскохозяйственной техники в районах, имеющих важное значение

и служащих продовольственной базой страны. Недавно Рокфеллеровский фонд выделил средства для трех стипендий, предназначенных для студентов училища, пожелавших получить образование в сельскохозяйственном колледже. Один из выпускников обучает индейцев Центральной Америки выращивать фрукты и овощи, другой планирует организацию сельскохозяйственных кооперативов, третий готовится посвятить себя работе в области здравоохранения. Шесть студентов первого выпуска остались преподавателями в училище. Несколько молодых энтузиастов предполагают посвятить себя научной деятельности.

Училище, как общественная организация, возникло в результате самоотверженной работы коллектива. Это учебное заведение многим обязано также своему директору — д-ру Попено, в заслугу которому надо поставить тот факт, что студенты при окончании училища проникнуты большим энтузиазмом, чем при своем поступлении в него. Такой подъем — лучшее доказательство успешной постановки преподавания, одинаково существенной как для крупнейшего в мире университета, так и маленького училища в долине Рио-Егуар.

Гитара и маримба — одни из наиболее популярных музыкальных инструментов в Центральной и Южной Америке. После тяжелого трудового дня студенты училища часто собираются и поют народные песни под аккомпанемент этих инструментов.

На подопытном скотном дворе сельскохозяйственного училища студенты кормят гемпшайрских поросят. Местные фермеры часто обращаются к студентам и руководителям училища за помощью в деле развития животноводства.

Американские писатели послевоенного времени

Четыре новых автора

Пэрл Казин

ОТ РЕДАКЦИИ: Автор статьи, писательница Пэрл Казин работает редактором в одном из журналов; одно время она преподавала также английскую литературу в колледже Брин Моур (Пенсильвания).

Один редактор, давая советы будущим молодым писателям, недавно подсчитал, что в Соединенных Штатах, по меньшей мере, полмиллиона людей сидят за пишущими машинками, выстукивая полмиллиона книг, и каждый надеется, что именно его книга будет тем легендарным произведением, которое называется Великий американский роман. В своей недавно вышедшей книге, историк Бернард де Вото, проницательный и хорошо осведомленный комментатор по вопросам американской литературы, замечает, что в Соединенных Штатах «молодой писатель для выражения чувств, убеждений или объективного изложения своего жизненного опыта или опыта других людей, почти неизбежно избирает форму романа, и для него это почти столь же естественно как дышать... Роман — это тот литературный жанр, в котором наша культура наиболее часто находит свое отображение; это, повидимому, единственная форма, способная наиболее полно выразить наш опыт, и нет никаких признаков, что ее сила и целеустремленность ослабевают». Каждый год большие издательства получают тысячи рукописей. Некоторые из них доставляют литературные агенты, другие присылаются с литературных конкурсов, из колледжей или известными писателями. Но основная масса рукописей поступает самотеком; их отправляют сами авторы из тысяч почтовых контор, разбросанных по всей Америке.

Каждого редактора, имеющего дело с беллетристикой, независимо от того, работает он в издательстве или редакции журнала (что является моей работой), ошеломляет количество рукописей, поступающих самотеком. За неделю на моем столе накапливается груда в двести манускриптов — рассказов и романов, — и хотя некоторые литературные приемы и некоторые темы уже хорошо знакомы, не было еще дня, когда я могла бы сколько-нибудь уверенно определить достоинства или содержание рукописи, которую беру в руки. Фактически все области, религиозные убеждения, классы, обычаи многообразной в своем единстве Америки избирались темой, по меньшей мере, для одного из просмотренных мною романов и рассказов. В одном — эпизод, запомнившийся из войны, используется для драматического освещения переживаний солдата, столкнувшегося вдали от родины с тяжелыми испытаниями, какие в нормальных условиях он считал невозможными. В другом — сюжет разворачивается в Германии и заключается в описании дружбы, возникшей между женой американского офицера и ученым, обучающим ее немецкому языку. В третьем дается анализ отношений двух студентов колледжа, соревнующихся на получение одной и той же желанной награды. В некоторых трактуется тема о впечатлительных детях, которые подрастая, сталкиваются с реальной жизнью, страдают от получаемых толчков, приспосабливаясь к оценке жизненных явлений с точки зрения взрослых. Обычно встречается несколько рассказов на тему о религиозных убеждениях и множество — о любви и браке. В рукописях, присылаемых из южной Калифорнии, сюжетом избираются обычаи и люди, связанные с кинопромышленностью; имеются хорошо документированные рассказы о жизни русских и еврейских иммигрантов

в Нью-Йорке, шведов — в Миннесоте, канадских французов — в Массачусетсе и итальянцев — в Чикаго, рассказы о деятельности католических священников в Милуоки, баптистских пасторов — в Кентукки, о жизни мормонов в Юте и квакеров — в Пенсильвании.

Нет необходимости говорить, что лишь малый процент рукописей заслуживает опубликования и действительно опубликовываются. Но каждый редактор всегда слышит о какой-то исключительной книге, обнаруженной при самых необычайных обстоятельствах, и такие слухи, а до некоторой степени и ожидание такой находки — налагают на него обязанность относиться внимательно ко всем представляемым ему работам. Ввиду того, что в американской беллетристике сюжеты, трактовка и темы не распределены по установленным категориям, редактор должен помнить, что ни одна рукопись, — кем бы она ни была прислана и как бы ни выглядела — не должна приниматься «на глазок». Нельзя ничего отвергать без просмотра, хотя бы частичного. Если редактор не церемонится с неизвестными авторами, он может проглядеть свежий оригинальный талант, и кто-нибудь из других 250 издателей, выпускающих внушительное количество новых книг, почти несомненно обнаружит его и увеличит этим свой литературный престиж.

Для издателей, которым приходится заботиться о стоимости продукции и скорости сбыта, выпуск каждой новой книги, — своего рода рискованная игра, так как не существует строго установленного и непогрешимого барометра, указывающего, что желает читать американская публика. Если один сезон широкий спрос находит произведение, написанное в том или ином жанре, еще не значит, что в следующем сезоне, книга сходная по типу, завоеует такой же успех. Возможно, один год читатели будут раскупать книгу о Гражданской войне или веселой жизни придворных в Англии эпохи Реставрации, а в следующем году тех же читателей глубоко заинтересует роман о жизни варшавского гетто во время войны или хроника католического священника из Бостона. Если издатель будет пытаться выпускать лишь книги с обеспеченным сбытом и отвергать рукописи, которые он лично считает хорошими, но относит к категории уже не пользующихся успехом, он очень скоро может раскаться в этом и оказаться несостоятельным должником.

Если каждая новая книга — рискованная игра, то каждый первый роман еще неизвестного автора — игра еще более рискованная. Издатель не может рассчитывать даже на знакомство публики с именем писателя, чтобы обеспечить себе хотя бы минимальное количество покупателей. Тем не менее, ежегодно в Соединенных Штатах издаются сотни новых романов, а издатели и редакторы непрестанно ведут ожесточенное соревнование по отысканию новых литературных талантов. По всей стране — в далекие города, в колледжи, на литературные конференции рассылаются разведчики. Организуются литературные конкурсы, иногда совместно с кинокомпаниями, желающими поощрять писателей и найти свежий материал. Редакторам вменяется в обязанность прочитывать огромное количество журналов, печатающих беллетристические произведения. Если обнаруживается обещающий автор, издатель не жалеет сил, поощряя его написать роман. Короче говоря, издатель намеренно ухаживает за начинающим писателем, книги которого, скорей всего, принесут убыток. Это делается из расчета, что выпуск первого романа прищипит автора

и он напишет другой: предполагается, что вторая, третья или четвертая книга окажется тем великим произведением, о котором мечтает каждый издатель.

Один преуспевающий издатель объясняет это несколько иначе: «просто нет достаточного количества исключительных книг, чтобы вести дело, а для существования издательства требуется выпуск в каждом году определенного минимума томов. С одной стороны, это — нежелательное явление, а с другой — гарантия для литераторов. Если число издательств несколько сократится, может возникнуть большая опасность установления монополий, а это может вызвать у немногих больших издательств весьма опасную тенденцию печатать лишь писателей, пользующихся известностью. Самый факт недостаточного наличия «надежных» книг принуждает издательства к экспериментированию, а это значит, что автор, который может дать что-нибудь новое, или осветить по-новому то, о чем уже много говорилось прежде, или то и другое, имеет шансы печататься и встретить более чем обычное одобрение и помощь со стороны критиков того издательства, в котором он будет работать».

Для издателя и редактора выпуск первой книги нового автора часто бывает сопряжен со значительной затратой труда, времени и средств, так как редко случается, чтобы написанный роман, удовлетворяющий автора, издателя и редактора, соскочил с машинки вполне законченным, готовым для печатания. История издания нового художественного произведения, большей частью, проходит, примерно, следующие этапы.

Редактор какого-нибудь издательства прочтет в каком-нибудь журнале рассказ и решит, что в нем виден талант, заслуживающий поощрения, или, может быть, найдет, что рассказ следует переделать в роман. Он устанавливает с автором контакт, узнает над чем он работает и каковы его планы на будущее. Возможно, автор не считает себя еще достаточно подготовленным для того, чтобы попытаться написать роман, но поощрение редактора может изменить его намерения. В случае, если редакторы издательства соглашаются, что вещи, написанные автором до сих пор, — «стоящее дело», они дают ему аванс, отчасти, чтобы помочь оплачивать расходы, когда он будет писать книгу, а отчасти, как задаток, чтобы другой издатель не мог ознакомиться с книгой раньше их. Редактору, открывшему автора, вменяется в обязанность регулярно писать последнему, осведомляться об успехе его работы, делать замечания по поводу уже представленных глав, относиться внимательно к испытываемым им затруднениям и, если нужно, выдать дополнительный аванс. Будет назначен последний срок окончания романа и, несомненно, он будет нарушен. Иногда редактор и автор не могут прийти к соглашению относительно каких-нибудь изменений или отделки романа; в таком случае автор, возможно, будет искать другого издателя, который поймет его или, по меньшей мере, согласится с ним.

В конечном счете, однако, роман обычно издает фирма, открывшая автора, и книга выходит в свет, сопровождаемая взаимными поздравлениями, озабоченным просмотром отзывов и чествованием автора на приеме литераторов, куда приглашаются влиятельные критики, издатели и книготорговцы. Когда все кончается, роман предоставляется суждению читающей публики с ее изменчивыми вкусами, мнениями и интересами, а издатель снова устанавливает контакт с автором и осведомляется о его дальнейших планах.

Конечно, многие из первых романов начинающих писателей, увидевших таким образом свет, посредственны и неодинаковы по достоинству. Но верно одно, что среди издаваемых ежегодно книг всегда есть такие, которые обещают автору большой успех в дальнейшем или уже являются прекрасными работами. Обсуждение четырех романов этой категории приводится ниже.

Ни об одном из выбранных мною четырех новых романов, — или о других, какие я могу припомнить, — нельзя сказать, что он типичен для современной американской литературы. Предлагаемые четыре книги — четыре различных способа трактовки четырех различных сторон жизни Америки. Каждая имеет свои достоинства, поэтому каждая заслуживает детального рассмотрения.

Два романа — «Женщина с состоянием» Питера Тейлора и «Тигр

в саду» Спиды Лемкина, в которых изображается жизнь в южных штатах, подтверждают впечатление многих критиков, что литературное возрождение Юга все еще продолжается с неослабевающей силой. Но книга Питера Тейлора, как по выбору материала, так и по литературному стилю, свидетельствует об индивидуальном подходе к быту южных штатов. Тот Юг, какой знает и описывает автор, редко встречается в новейшей американской литературе; это так называемый «Северный юг» — мир города Сен-Луи (штат Миссури) и Мемфиса (штат Теннесси), — мир, резко отличающийся от фермерских районов Миссисипи, описанных Вильямом Фолкнером, и земледельческого края Джорджии, изображенного Эрскином Колдуэллом. «Женщина с состоянием» — история одного семейства из Сен-Луи, рассказанная наблюдавшим его двенадцатилетним мальчиком Куинтом Дадли, мать

которого умерла при его рождении.

Питер Тейлор —
автор романа «Женщина
с состоянием»

Отцу Куинта, комивояжеру одной фирмы, часто приходится отлучаться и он предоставляет бабушке воспитывать мальчика на ферме в Теннесси. Служебное положение отца улучшается и он берет Куинта к себе; сначала, разъезжая по южным городам, они живут в меблированных комнатах, а затем прочно обосновываются в Сен-Луи, где отец, продвигаясь по служебной лестнице, занимает пост заместителя директора предприятия. Но в романе говорится, главным образом, об отношении Куинта к обожаемой им очаровательной мачехе. Эта состо-

ятельная женщина из г. Сен-Луи имеет двух дочерей от первого брака. Отец Куинта женился на ней, когда мальчику исполнилось двенадцать лет. С большим мастерством, тонко и последовательно, Тейлор рассказывает о постепенных переменах, происходящих в жизни Куинта в связи с браком отца.

Вначале всем членам семьи жизнь кажется счастливой, особенно Куинту и его мачехе, питающих друг к другу чувство горячей и сильной привязанности. Она нашла сына, Куинт — мать, и благодаря ей он обрел уверенность и прочное положение, в которых всегда нуждался и никогда не находил. Однако различие в характерах, темпераментах, материальном и социальном положении начинает постепенно омрачать гармоничную жизнь семьи. Отец Куинта возмущается усиливающейся чопорностью падчериц, располагающих значительным личным состоянием. Когда его дела пошатнулись и наступает крах, он испытывает глубокое унижение от сознания, что его жена имеет личные средства. С годами, когда Куинт становится старше, он находит новых друзей, новые привязанности, несколько отдаляется от мачехи, и она истолковывает это, как охлаждение с его стороны. Все чаще и чаще Дадли обвиняет жену в том, что она вышла за него из-за сына, она отвечает обвинением, что он женился на ней из-за денег. Обвинения несправедливы, но они порождают глубокий разлад в отношениях супругов и приводят к трагической развязке — нервному расстройству жены. Куинт постепенно начинает понимать сущность происходящей перед его глазами трагедии, он чувствует, что его отец и мачеха не верят в искренность любви, сила которой вначале была столь велика, что заставила их забыть о разнице в материальном, социальном положении и происхождении, позднее сыгравшей роковую роль в их жизни. Ни у отца Куинта, ни у мачехи не оказалось достаточно мужества, чтобы довериться мудрости сердца.

Роман волнует гораздо больше и производит более сильное впечатление, чем это можно передать в кратком изложении его содержания. Литературный стиль Тейлора скупой и точный; автор с изумительным мастерством схватывает и передает манерность, проявляющуюся в повседневной жизни его героев, особенности их языка и произношения. У Тейлора нет готовой мерки, по которой он судит добро и зло, ум и глупость. Он рисует своих героев с симпатией, любовью и делает их живыми, реальными людьми. Вот, например, размышления Куинта о том, как он нашел себе место в жизни города Сен-Луи:

«В том году мне исполнилось тринадцать лет и у меня была пара длинных брюк. Это были всего лишь матросские брюки, но зато

длинные; я надевал их при всяком удобном случае. Иногда, когда я носил их четыре-пять дней подряд, мать отсылала меня наверх, чтобы я сменил их, прежде чем идти в школу.

В школе все ученики делились на Красных и Белых. В тот год я стал постоянным игроком красной баскетбольной команды средней школы, и я понял, из личных моих наблюдений, что в моральном, интеллектуальном и физическом отношениях большинство игроков команды Красных были выше большинства Белых... Я всегда забирался в самую гущу, обвивая руками плечи моих товарищей по команде, собравшихся на совещание. Иногда, когда мои руки переплетались с руками других мальчиков, и я стоял, прислушиваясь к их планам, и даже предлагал свой план, по мне проходила волна застенчивости, воспоминание о временах, когда я был новичком, когда меня не интересовали схватки и заговоры, наш тесный союз и соперничество с другими мальчиками. Я внезапно спрашивал себя: что я здесь делаю? Какое отношение имеют ко мне эти посторонние мальчики и девочки, отцы и матери которых вместе ходили в школу, — эти чужие люди с их гортанным «р», разговорами о том, что они делали, когда были в первом классе, или случайным упоминанием в какой колледж они собираются поступить, — самоуверенные и надменные... Какой смысл в моей дружбе или соперничестве с ними? Какое мне дело до Красных или Белых? Правда ли, что для меня имеет значение, игнорируют они меня или выкрикивают «а ну-ка, Куинси!» или «Дадли, за Дартмутский кубок!» О да, имело значение, я не мог отрицать этого. И все большее, начиная с того дня, когда мать впервые обняла меня и еще большее с того времени, как я поселился в ее доме, с тех пор, как перестал удивляться нашему взаимному чувству близости и перестал связывать в одно два разрозненных мира моей жизни. Теперь я не просто интересовался; я жаждал самого звука своего имени. Я хотел состязаться и превзойти. Тогда нахлынувшая волна застенчивости уходила, а новое, приподнятое душевное состояние оставалось».

Сюжет первого романа Спида Лемкина «Тигр в саду» разворачивается также в обстановке южного района, но значительно «южнее», чем в романе Питера Тейлора. Автор закончил книгу, когда ему было только двадцать лет, — вскоре после окончания Гарвардского университета. Возможно, вследствие молодости писателя, его произведение оказалось не совсем удачным и, конечно, в нем нет той зрелости и мастерства, которые свойственны Питеру Тейлору. «Тигр в саду» —

растянутый и часто многословный роман. Многие из его эффектов обусловлены приемами, заимствованными у более старых писателей, а тема — история несчастливой семьи, одного из последних кланов исчезающей южной аристократии — относится к числу излюбленных сюжетов писателей-южан. Все же, книга Лемкина не лишена силы и правдивости; ее содержание привлекает внимание и увлекает.

Еще несколько лет назад этот же автор, приступая к изображению быта Луизианы, где прожили пять поколений его семьи, вероятно, со-
блазнился бы успехом таких на-

Спид Лемкин,
написавший «Тигр в саду»

шумевших романов, как «Сметенные бурей» и, подражая им, превратил бы свое повествование в плач о старом укладе жизни с ее магнолиями и великолепием, царившим до Гражданской войны. Однако семья Ричардсонов показана — и даже изобличена — такой, какая она есть, — не хуже и, конечно, не лучше. Рассказ ведется от лица бедного родственника Ричардсонов, истолковывающего характеры главных героев — Каролины Ричардсон, ее мужа Джима Конуэя и братьев Байрона и Перси. Байрон — красивый и слабый, Перси — беспутный, обаятельный, погибающий человек, предающийся пьянству и оплакиванию ушедшего рыцарского Юга. Никто из них не способен отнестись здраво к переменам, вызванным

экономическими и социальными потрясениями, произнесшими приговор старому быту плантаторских семей.

Начало романа (около 1910 г.) застает некогда богатую семью Ричардсонов — плантаторов-хлопководов из штата Луизиана — беднеющей и постепенно распродающей земли. Лишь Каролина выказывает некоторую долю здравого смысла, считая, что всем членам семьи придется работать для сохранения состояния и положения. В молодости она нарушила традиции людей своего круга, выйдя замуж за Джима Конуэя, простого человека, не имевшего никакого отношения к аристократическому обществу, и сменила беспомощную утонченность благородной южанки на трудную жизнь фермерши. Хотя Каролина и ее муж до некоторой степени подняли продукцию плантации, доставшейся от отца, и неожиданно разбогатели, когда на их земле была открыта нефть, тоска о былом великолепии безвозвратно ушедшей жизни разрушает жизнь этой женщины и увлекает на дно ее мужа так же, как еще более явно и стремительно она губит обоих братьев Каролины.

Каролина хочет использовать деньги, получаемые ею и мужем, только для поддержания блекнувшего престижа ее семьи и того общества, представительницей которого она является. Наследственный снобизм отчуждает от нее мужа, и семья, не имея ни состояния, ни поместий, ни положения, разыгрывает печальную комедию — «заканчивая свои дни в мечтах о давно минувшем изобилии» в маленьком уголке города, в котором Ричардсоны некогда господствовали.

Книга правдиво отражает не только слепое упрямство плантаторских семей, отказывающихся примириться с переменами в своем положении, но и неспособность их понять рост промышленной силы Юга.

Пути, какими оба автора пришли к опубликованию своих произведений, так же различны, как и самые романы. Уже в школьные годы Питер Тейлор знал, что он хочет быть писателем и еще студентом начал помещать в маленьких литературных журналах рассказы. На него обратили внимание писатели, пользующиеся известностью, а через них — одна издательская фирма. Она считала Тейлора столь ценной литературной находкой, что первой книгой издала сборник его рассказов — произведения, пользующиеся еще меньшим спросом, чем новые романы. Тейлор пишет медленно. Он потратил три года, чтобы написать «Женщину с состоянием», живя в это время на заработок преподавателя, а отчасти и на аванс, выданный ему издательством. В этом году Тейлор получает материальную помощь от филантропической организации — фонда Гуггенхайма. Спид Лемкин привлек внимание редакторов одной издательской фирмы еще в Париже, где он прожил год, прервав занятия в Гарварде. Когда он вернулся в колледж, чтобы окончить курс, издатель уговорил его продолжать роман, начатый за границей, который Лемкин закончил вскоре после выхода из университета. Хотя его книга, по мастерству и зрелости, значительно уступает роману Тейлора, она показательна для тех новых книг, какие издатели охотно соглашаются печатать, учитывая потенциальные возможности автора. Лемкину только недавно исполнилось двадцать три года и проследить его дальнейшее развитие будет весьма интересно.

Леон Стетхем —
автор книги «Привет тьме»

Большинство начинающих писателей по возрасту не моложе, примерно, двадцати пяти или немного старше тридцати лет. Конечно, многие из них участвовали во второй мировой войне и, следовательно, использовали для первых литературных работ личные впечатления и оценку опыта военных лет. Один из первых романов этого жанра — «Голый и мертвый» — принадлежит перу Нормана Мейлера. Это длинная, насыщенная бурными эпизодами, горькая повесть о страданиях, перенесенных солдатами и офицерами во время военных действий на Тихом океане. В отличие от книги Мейлера, более позд-

ний роман Леона Стетхема — «Привет тьме» — лишен неистовства и горечи, возможно, потому, что полоса времени и размышлений автора отделила пережитые им события от их литературного изображения. Стетхем, развертывая действие романа также в Тихом океане, где он провел большую часть пятилетней службы в армии, рассказывает о тяжелых испытаниях, пережитых семью солдатами — нестроевыми специалистами — по пути на Филиппины, где они должны были присоединиться к действующим частям. Роман начинается с описания аварии моторов самолета. Спасаясь, все прыгают с парашютами и приземляются на неизвестном острове. Двое получают серьезные повреждения и вскоре умирают. Оставшиеся, напрягая до предела силы, почти без продовольствия, под неустанным угрозой японских засад, под проливными дождями и палящим солнцем, как партизаны, прокладывают путь через неведомые джунгли. Страдающие, полные страха люди с прямолинейной честностью обнажают перед собой и другими сокровенные черты своей натуры. Только Миллс, наиболее восприимчивый, заботливый, аналитически мыслящий человек из всей группы, может правильно оценить то, что он чувствует сам, и что видит в обнажившейся внутренней сущности других. Его способность смотреть в лицо переживаемым ужасам, понимать и преодолевать некоторые из них, помогает всем двигаться вперед. Сначала, когда они бредут в безнадежной попытке выйти к морю, Миллс, как и остальные, чувствует, что у них нет никаких шансов выжить. Но пред лицом общего отчаяния его воля к жизни становится сильнее и какими-то путями передается другим.

«Говоря образно, он давал пощечины и оскорблял своих товарищей, он гнал их вперед, отрицал в них слабости, свойственные человеческим существам, и был неумолим к самому себе. Его иступленный гнев был чем-то, почти выходящим за пределы его понимания, он скрежетал зубами, сыпал проклятиями и в неистовстве, цепляясь ногтями, выбирался из пропастей. Когда перед ним, одна за другой, вставали горы, он с непреклонной волей закрывал глаза на все, кроме десяти футов земли, какие видел впереди себя. Вечером, прежде чем заснуть, он яростно повторял обещание: «Я спасу себя!» И каждое утро, когда он просыпался, эти слова первыми всплывали в его мозгу: «Я спасу себя! И я спасу этих людей».

Каждого преследуют и подавляют свои особые страхи и ненависть, и все же каждый возвращается к мысли, что спасая собственную шкуру, он должен разделить с Миллсом его чувство общей ответственности. Наконец, они все таки выходят к морю, ставят палатку и строят лодку из ствола огромного дерева. Когда они уже готовы отплыть, на них нападают японцы и берут в плен; двое замучены пытками насмерть, третий, самый отъявленный трус из всей группы, гибнет при попытке спасти одну из жертв. Его отчаянная, роковая храбрость дает возможность Миллсу и юному Дженксу спастись.

Хотя автор ведет рассказ с нарастающей силой, хотя он привлекает внимание читателей и волнует их, значение романа заключается не в самых эпизодах, а, главным образом, в том, как автор показывает те глубокие перемены, какие совершаются в солдатах во время их тяжелых испытаний, в углублении их индивидуального и коллективного сознания. В конце романа Миллс, укрывшийся у филиппинских партизан, снова подвергает себя опасности, отправляясь на поиски отставшего Дженкса. В этом акте проявляется не безумный героизм, а то высшее чувство ответственности, какое Миллс научился испытывать по отношению к другим и к самому себе.

«Привет тьме» — не репортерский «военный рассказ», а глубоко психологический роман. Удачи и неудачи войны используются в нем лишь как фон, способствующий лучшему пониманию человеческой сущности. Эта книга не легкое чтение, но в ней видны беспристрастность и зрелость, редко встречающиеся в беллетристических произведениях вообще, а в романах начинающих авторов в особенности.

Весьма отличается от указанных романов книга Джона Керуака — «Городок и город». Как и Тейлор, Керуак рассказывает историю одной семьи, но на этом и кончается сходство между обоими романами. Тейлор намеренно ограничивается маленьким полотном, сосредоточивая все внимание на том, как реагирует впечатлительный подросток на перемены, совершающиеся в течение короткого отрезка его жизни.

Джон Керуак —
автор романа «Городок и город»

Керуак пытается охватить долгий ряд лет, событий и лиц, и его роман больше, чем какой-либо другой приближается к произведениям Вульфа.

Керуаку двадцать восемь лет. Он родился в Лоуэлле (штат Массачусетс), промышленном городе, весьма похожем на Галлоуэй, описанный в его романе. Подобно Уолту Уитмену, он прославляет бурную энергию и разнообразие американской жизни. Кажется, что он хочет зафиксировать все, что может припомнить, что ему дорого, во всех деталях описать жизнь Мартинов — большой теснотной рабочей

семьи. Отец — печатник по профессии — сильный, энергичный, здоровый человек, привязанный к семье — «человек, поглощенный сотней интересов... По воскресеньям он совершает на своем Плимуте экскурсию, захватив добрую часть членов семьи, неизменно желающих сопровождать его. Он проезжает всю Новую Англию, исследует Белые горы, старые города на берегу и внутри края; он хочет останавливаться всюду, где только есть хороший завтрак и мороженое; в палатках у края дороги он хочет покупать бушели яблок, целые кувшины сидра. Он хочет испробовать все сорта сигар, играть в покер всегда, когда только представится случай, знать все дороги, берега и города Новой Англии... он хочет делать все, и все делает».

Мать — превосходная хозяйка и разумный, добрый друг своих восьми детей. За годы, охватываемые романом, дети становятся взрослыми, оставляют дом и расходятся в разные стороны, но сохраняют чувство глубокой преданности семье, которое в конце романа их соединяет снова. Старшая дочь Роза — «большая сестра» — помогает матери воспитывать младших детей; Джо очень интересуется автомобилями и устраивает гонки на дорогах, опоясывающих Галлоуэй; худой, высокий Френсис поглощен учебой; хорошенькая Руфь, ученица старшего класса, пользуется большой популярностью среди друзей; Питер, в котором автор явно отобразил личные черты, — самый восприимчивый и отзывчивый из всех детей. В большей своей части роман состоит из слабосвязанных эпизодов, объединенных лишь отношением Питера к отцу и переживаниями военных лет.

Начавшаяся война прерывает ровное течение жизни семьи Мартинов в Галлоуэе. Старшие сыновья уходят в армию, Питер — в торговый флот. Когда маленькая типография отца терпит крах, Мартини переезжают в Нью-Йорк и там Питер снова встречается с семьей, иногда присоединяется к ней, но большую часть времени проводит с друзьями, которых он нашел среди городской богемы. Узнав, что отец умирает, он осознает, что корни его уходят не в зыбкую почву кочующих элементов Нью-Йорка, а в почву Новой Англии, в Новую Англию его отца. За день до смерти старика, отец и сын, оставшись одни, «с горестью смотрели друг на друга и, казалось, понимали, что преодолевать изменчивость и страдания жизни и труда и значило преодолевать самую жизнь. Они делали это каждый день и не возненавидели жизнь; они любили ее. Они видели, что жизнь — также работа своего рода, что она — маленькая, жалкая, оторвавшаяся частица чего-то лучшего, значительно большего»...

Если у этих четырех романов есть общая черта, она заключается, возможно, в том, что самым главным в жизни каждый автор считает способность человека понимать самого себя и тот мир, в котором он живет. Идет ли речь о подростке, экономических переменах, войне или семейной жизни, каждого автора в первую очередь интересует моральный облик человека и то понимание жизни, какое он извлекает из своего опыта. Касаясь личных и общественных проблем, эти авторы не позволяют себе ни легкого цинизма, ни горечи нигилизма. Главный упор они делают на индивидуальное восприятие человеком жизненных явлений и его личные качества, на чувство собственного достоинства, которое возникает и развивается в людях. Вот почему мы вправе повторить слова Бернарда де Вото: «Нет никаких признаков ослабления силы и целеустремленности американского романа, и ни в одной стране, чья культура находит такое отражение в художественных произведениях, нет признаков упадка».

Производственный отчет: автомашины

За первую половину 1950 года выпущено 3.760.000 новых машин.

Автопромышленность за 1920-1950 гг.

Цифры, приведенные за 1950 год, взяты из производственных отчетов автомобильных заводов за первые шесть месяцев текущего года.

В Соединенных Штатах объем продукции автопромышленности всегда считался лучшим показателем экономического благополучия страны. Эту теорию подтверждают данные о производстве легковых машин, грузовиков и автобусов за первые шесть месяцев 1950 года, так как побившая все рекорды цифра 3.940.000 новых автомашин отражает процветание всей страны в целом. Включая продукцию текущего года, общее число легковых машин и грузовиков, зарегистрированных в Соединенных Штатах, приближается к 50 миллионам, т. е. составляет свыше 60 процентов всех машин, имеющихся на земном шаре. В указанную цифру входят 7 миллионов частных легковых автомобилей (приблизительно один на каждые четыре человека).

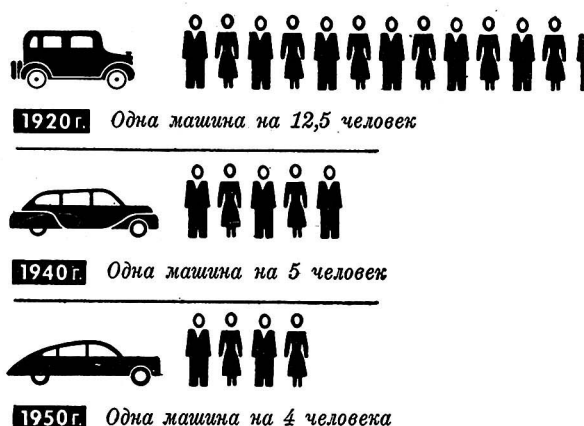
Несмотря на рекордный выпуск, спрос на новые автомашины превышает имеющееся наличие. Например, в середине года самый большой в стране автозавод сообщал, что у него остается еще 300.000 невыполненных заказов, хотя за шесть месяцев он уже дал 700.000 машин.

Из вышесказанного следует, что статистические данные отражают не только производственную мощь автопромышленности; первоисточником их является общая крепость всей экономики в целом. После войны пессимисты предсказывали, что размах, достигнутый автопромышленностью за 1946-1949 гг., сильно уменьшится, когда четырехлетняя нехватка, вызванная переходом промышленности на удовлетворение военных нужд, будет пополнена. Однако случилось обратное. Повышение спроса продолжается, хотя третью часть машин, курсирующих на дорогах страны, составляют машины новых моделей, выпущенных после 1945 года. Как показывает недавно проведенный обзор экономики, значительный процент лиц дает в настоящее время заказы не из желания заменить довоенные модели, а чтобы купить лишнюю машину или сменить имеющуюся у них модель, выпущенную всего три-четыре года назад.

Для объяснения подобных фактов выдвигались различные мотивы: рост населения, улучшение автострад, все большее переселение рабочих из центральных кварталов городов на окраины или в прилегающие сельские местности. Однако главная причина ошибочности выводов пессимистов заключается в поднятии общего жизненного уровня населения, увеличении его покупательной способности, особенно групп с маленьким или средним доходом. Почему? Это объясняет сравнение заработной платы и стоимости автомашин. До войны средняя стоимость рядовой машины равнялась 850 долларам (3.400 руб.). Теперь такая же машина стоит, приблизительно, 1.500 долларов (6.000 руб.), т. е. вздорожала на 76 процентов. Но, с другой стороны, зарплата рабочего увеличилась за тот же период на 143 процента. Кроме того, вполне хорошую поддержанную машину можно купить за 400 долларов (1.600 руб.) или 500 долларов (2.000 руб.) — сумма, равная двухмесячному среднему заработку рабочего.

Эксплуатация машины также не требует больших расходов, что обуславливается более низкими ценами на продукцию при массовом производстве. Если годовой километраж машины равен, примерно, 16.000 км., то общая стоимость бензина, смазочного масла, налоговых взносов и небольшого ремонта составят около 350 долларов (1.400 руб.). Семья, имеющая средний доход, может не только купить автомашину, но и в полной мере пользоваться ею.

Больше машин для населения

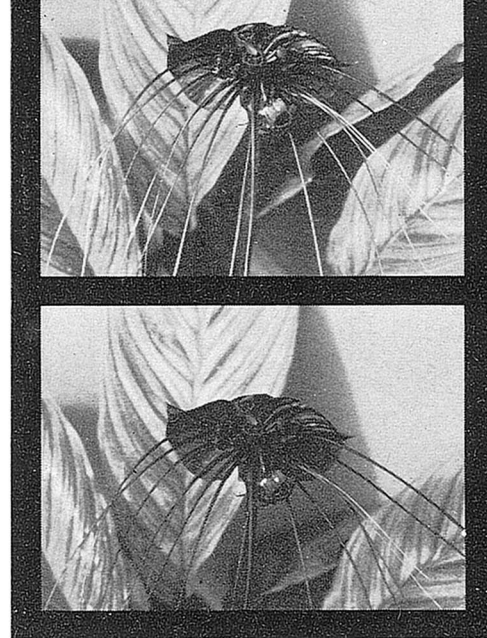

Грациозное и зловещее, покрытое усиками, темное растение носит название «дьявольский цветок» (Тасса chantrieri).

Нью-йоркский Ботанический Сад

Хотя он совсем не похож на лилию, этот цветок все же называется «кровавой лилей» (Haemanthus katharinae).

Многие нью-йоркцы считают Ботанический сад просто одним из городских парков, тщательно оберегаемым «загородным местечком», куда можно отправиться на метро, чтобы провести несколько часов в спокойной обстановке на лоне природы. Ревностные садоводы-любители знают наизусть территорию сада, площадью в 93 га, где сохранились хвойные леса, стоявшие там еще до появления первых европейцев на берегах Атлантического океана, и где ранней весной лужайки пестрят белыми и золотистыми нарциссами. Эти садоводы могут точно осведомить вас, когда на деревьях зацветут первые розовые, желтые и белые цветы, выделяясь на темном фоне вечнозеленых растений, и когда ровные грядки ирисов, роз, хризантем или георгинов будут в полном цвету. В это время они толпами идут в Ботанический сад, как и прочие посетители ботанических садов всего мира, сравнивая не без тайного огорчения безупречные садовые экземпляры с цветами, которые они вырастили у себя дома. Есть другая группа посетителей, весьма отличная от случайной публики. Профессиональный садовод или ботаник медленно прогуливается с сосредоточенным видом вдоль широких, усыпанных гравием дорожек и внимательно читает надписи на дощечках с названием цветка, дерева или декоративного кустарника. Таким посети-

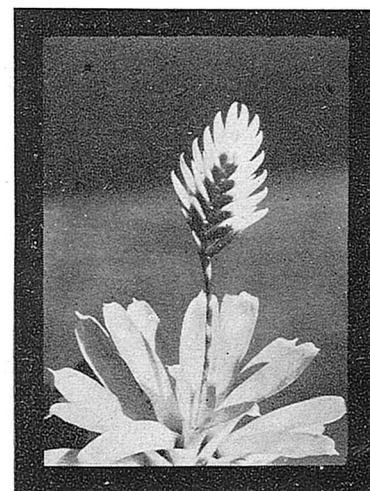
телям сад представляется в ином виде — как центр научно-исследовательской работы или «университет, в котором изучаются исключительно растения», как его называет д-р Вильям Роббинс.

Фактически выполняя некоторые функции университета, Ботанический сад ведет курсы по практическому садоводству и элементарной ботанике для школьных учителей, начинающих садоводов и лиц, интересующихся этой областью. Курсы повышенного типа по таксономии и физиологии растений находятся в ведении двух университетов: Фордамского и Колумбийского, с которыми связан Ботанический сад. В своей исследовательской работе Ботанический сад руководствуется опытом, накопленным более старыми садами Европы и других стран света, уделяя особое внимание таксономии или классификации растений по семействам. Специалисты полагают, что существует 500.000 видов растений, причем только тысяча из них имеет большое экономическое значение. Существует еще около 150.000 видов, возможность использования которых должна быть изучена. Работники сада впервые описали и дали наименование пятистам из известных разновидностей.

Помимо этого, Ботанический сад ведет работу еще в одной области, особенно интересующей директора д-ра Вильяма Роббинса, бывшего ранее профессором ботаники в университете штата Миссури. Д-р Роббинс согласился быть директором Ботанического сада после того, как убедился, что ему будет предоставлена лаборатория для продолжения его исследовательских работ в области физиологической микологии — изучении грибковых растений. В полуподвальном этаже старинного здания, в насыщенной парами комнате, д-р Роббинс с одним из своих коллег — д-ром Ф. В. Кавана — выращивает культуры 5.000 различных грибковых растений и плесени, которые затем испытываются для определения их способности убивать бактерии и вирусы. В другой лаборатории грибковую плесень выращивают для исследования еще неизученного процесса развития клеток. Средства для ведения этих работ заочно предоставляются группами лиц, организующих кампании борьбы против таких болезней, как полиомиелит и рак. В лаборатории проводятся тщательные и кропотливые исследования, которые могут привести к открытию нового антибиотика или к обнаружению новых данных о природе некоторых заболеваний, или же могут оказаться безрезультатными.

Ботанический сад служит также своего рода информационным бюро, сотрудники которого обязаны давать разъяснения посетителям, а также отвечать на письма.

Крупные ученые и технические работники Нью-йоркского ботанического сада, начиная с садовника Эверетта и кончая д-ром Роббинсом, ежегодно отвечают на сотни писем с должным вниманием и серьезностью, так как верят, что это способствует популяризации среди широких масс практических знаний по ботанике.

В жаркий летний день особенно привлекательны в Ботаническом саду два пруда, усеянные окрашенными в нежные тона водяными лилиями. В саду собраны разновидности со всего мира.

Уроженец Бразилии, предок этого яркого растения, украшал в 60-ых годах прошлого столетия императорский сад в Петербурге.

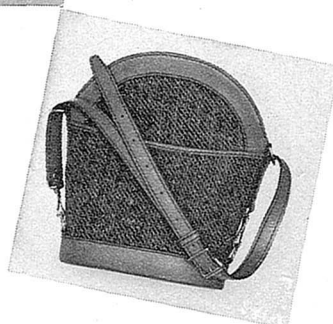
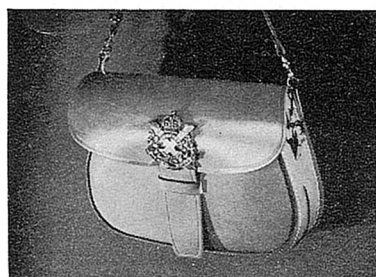
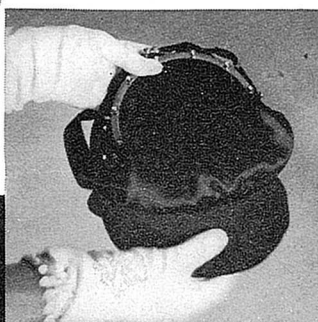
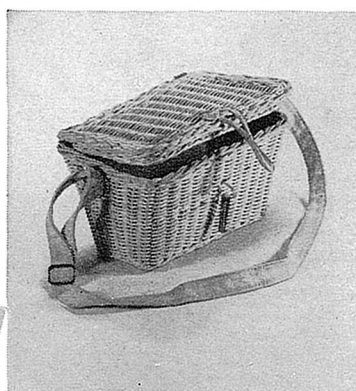
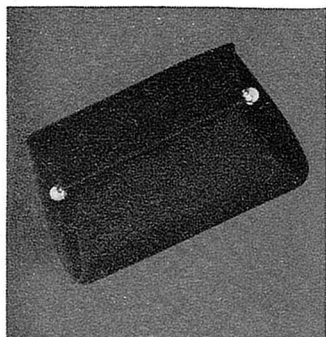
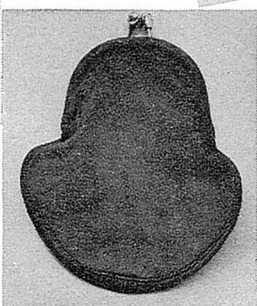
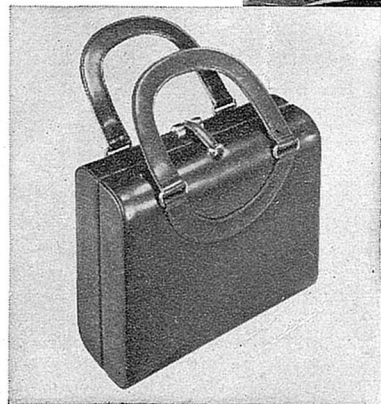
Ранней весной широкие луга пестреют бледно-желтыми нарциссами, расцветающими в траве.

Хризантемы разнообразнейших золотистых и розовых оттенков украшают длинные аллеи.

Сумки

Социолог, педантично отмечавший в последние годы изменения, наблюдаемые в стилях дамских сумок, сделал бы вывод, что американки согласны на любые фасоны, лишь бы сумки были снабжены хорошими замками. После войны, когда ограничения на потребление материалов были отменены, женщины в США стали пользоваться сумками, похожими на сетки для губок, торбы для лошадей, седельные сумки, рыбачьи корзины, старинные плетенные из прутьев кошолки для завтраков, на пеналы школьников и т. д. Все же социолог ошибся бы в своем заключении. Причудливые фасоны предназначались для дешевых сумок, которыми пользуются молодые девушки сезон или два, а затем забывают о них. Средние американки предпочитают и теперь сумки в более консервативном вкусе, рассчитывая, что они прослужат несколько лет, и для выбора фасонов такой категории им предлагается широкий ассортимент. Прочные и удобные кожаные сумки с ремнем через плечо относятся к наиболее популярным; недавно модельеры выпустили подобные же сумки, застегивающиеся клапаном или на вздержке, из клетчатой шерстяной материи, холста или толстого сукна с кожей. Иногда сумки делают из того же материала и такого же фасона, что и чемоданы, благодаря чему получается полный дорожный комплект; некоторые сумки делаются столь значительных размеров, что в них можно уложить большую часть предметов, какие нужны даме, желающей провести у знакомых свободный день.

Производственники пластмассовых изделий выпустили «винилит» — недорогой материал, похожий на лакированную кожу, но отличающийся от последней большей прочностью. Помимо сумок с ремнем через плечо, прочное место на рынке занимают плоские, похожие на конверт сумки. Их делают из змеиной кожи, шевро или замши и в таком виде они предназначаются для пальто или костюмов, из велвета же и плотного шелка — для визитных и вечерних туалетов. Как всегда бывает в мире американских мод, местные художники проявляют большую сноровку в использовании идей, заимствованных из Европы. Новый красивый фасон кожаных сумок, придуманный итальянскими мастерами, уже скопирован и выпускается по более дешевым ценам в Америке; французские новинки ручной работы, например сумочки, отделанные украшениями, похожими на шляпки гвоздей, стали предметом массовой американской продукции. Сумки из моющегося материала — хлопчатобумажного или льняного — продолжают пользоваться большой популярностью в летние сезоны, а наряду с ними вновь появился и получил широкое распространение старинный излюбленный фасон — сумки из соломы или рафии с пестрой подкладкой из бумажной материи. Несмотря на большое разнообразие стилей, всем дамским сумкам присуща одна общая особенность: их содержимое неизменно изумляет и мистифицирует мужчин, располагающих, к счастью для них, многими карманами. Если хотите узнать тайны одной дамской сумки, переверните страницу.

Внизу лежит: игнлятор (тюбик из пластмассы), ниже — жестяная коробочка с таблетками аспирина, еще ниже — кошелек для мелочи, застегивающийся «молнией». На памятной листке (сбоку) записано: «Полки для книг с расстоянием между ними не меньше 30 см. Образцы материи для драпировки в приемном кабинете. Позвонить в Бюро обслуживания телефонной станции. Спросить у Ж., где ее табель с отметками»

памяти листке (сбоку)
записано: «Полки для
книг с расстоянием между ними
не меньше 30 см. Образцы материи
для драпировки в приемном
кабинете. Позвонить
в Бюро обслуживания телефонной
станции. Спросить у Ж.,
где ее табель с отметками»

зывают?

ив,
ого
е забытую
тво
екретам, и великий
смотра
но составляет
ицы.
у, конечно,
образом:
ктор; он
больных.

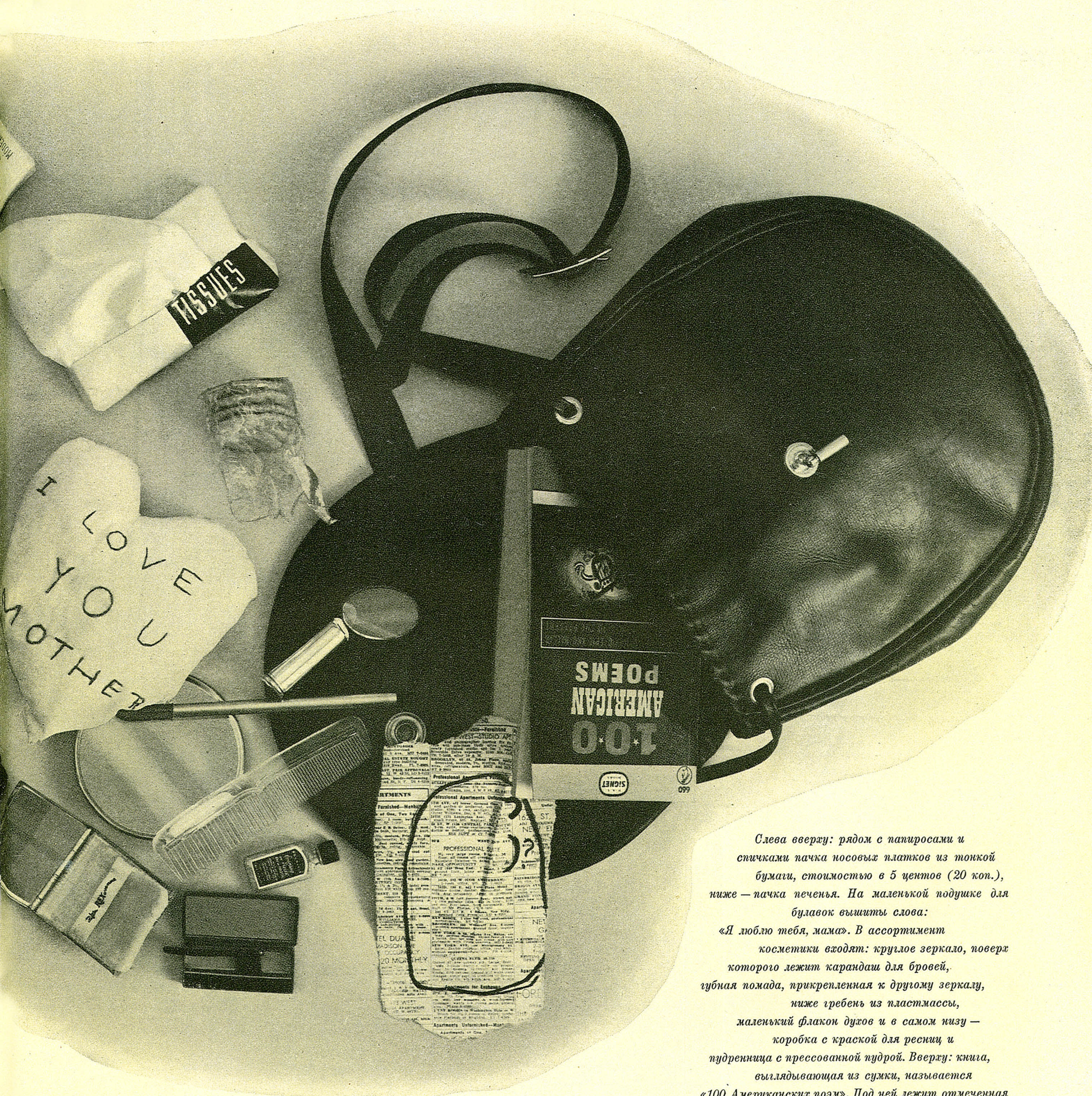
в издательстве
ести отдых
ине
с.
гда,

ратной,
о,
,

Вспомни: около каждой еднцы следуют...

58

Слева сверху: рядом с папиросами и
 спичками пачка носовых платков из тонкой
 бумаги, стоимостью в 5 центов (20 коп.),
 ниже — пачка печенья. На маленькой подушке для
 булавок вышиты слова:
 «Я люблю тебя, мама». В ассортимент
 косметики входят: круглое зеркало, поверх
 которого лежит карандаш для бровей,
 губная помада, прикрепленная к другому зеркалу,
 ниже гребень из пластмассы,
 маленький флакон духов и в самом низу —
 коробка с краской для ресниц и
 пудреница с прессованной пудрой. Вверху: книга,
 выглядывающая из сумки, называется
 «100 Американских поэтов». Под ней лежит отмеченная
 знаком вопроса газетная вырезка с объявлением
 гласящим: «Квартира, пригодная
 для врача, юриста, и т. д. Пять очень
 больших комнат и две ванны. Все комнаты
 выходят в просторный вестибюль.
 Второй этаж. Благоустроенный
 дом в прекрасном районе. Редкий случай».

Планировка жилых помещений

Историки знают, что горделивые монументы и богатые особняки мало или совсем ничего не говорят об общем благосостоянии народа. Великолепные общественные здания слишком часто скрывают убожество частных жилищ. Как нравы и быт рядовой семьи являются вернейшим отражением культурного уровня страны, так внешний вид и комфорт жилищ служат наиболее правдивым показателем жизненного уровня ее населения.

Конечно, современная цивилизация с ее широко развитой промышленностью открывает огромные возможности для улучшения массового жилищного строительства. Тем не менее, перед планировщиками больших городов и широко разбросанных предместий встает сложная и ответственная задача: имея точное представление о смысле термина «домашний очаг», использовать технические усовершенствования так, чтобы массовое жилищное строительство оправдало требования и ожидания тех людей, которые будут устраивать в новых домах свой домашний очаг.

Планирование такого жилищного строительства — не простое и прочно налаженное дело. Всякий, кто взглянет критически на многие жилые постройки в любом городе мира, увидит, что значительное число домов планировалось

Изучение анкет обнаружило, что квартираны одобряют двухэтажные, расположенные рядами, дома и относятся отрицательно к квартирам в небоскребах. При планировании двухэтажных домов дешевых квартир всегда учитывается предпочтение, отдаваемое жильцами мощеным дорожкам, препятствующим загрязнению помещений.

не с целью обеспечить комфортом их жильцов, а скорее, сообразуясь с традициями, ошибочно понятой экономией или одинаково ошибочной показной роскошью; и в массовом жилищном строительстве внешнее великопение может служить маской для внутреннего убожества и отсутствия необходимых удобств.

Но даже в тех случаях, когда проектировщики принимают требования современной семьи в качестве критерия, их задача бывает не проста. Они должны знать, каковы действительные потребности и желания людей, — но не в отвлеченном, академическом их понимании, — и для этого им надо установить, какие из этих требований и пожеланий наиболее важны и уж затем согласовать полученные данные с практическими возможностями. В течение последних пятнадцати лет в Соединенных Штатах над указанными вопросами работают те, кто имеет отношение к жилищному строительству. Для выяснения существа возникающих проблем было применено много разнообразных исследовательских методов: наблюдение над повседневной жизнью рядовой семьи и использованием занимаемой ею площади, опросы жильцов, анкеты, строительство экспериментальных домов и квартир и т. д. Исследованиями занимались не только архитекторы, ассоциации архитекторов, правительственные ведомства, частные застройщики; общественные организации, органы здравоохранения и университеты также внесли свою долю в это дело.

Какова потребная норма площади?

Те, кто считали, что новейшие удобства — предел желаний домашних хозяек, были удивлены. Одно исследование за другим показывало, что главное, чего желает семья, это простора — большие комнаты, достаточно места для хранения хозяйственных запасов, общее впечатление поместительности, место для приема гостей, возможность уединиться, чувствовать себя свободно. Старые стандарты, основанные, главным образом, на количестве комнат согласно издавна установленному образцу, например, квартира для семьи в пять человек должна состоять из гостиной, кухни, ванной и трех спален, уже перестали удовлетворять. Жилые помещения с обычной нормой в 1½ комнаты на человека имеют слишком много маленьких, загроможденных мебелью комнат.

Критические замечания квартирантов, подтвержденные данными, полученными в результате специальных обследований, помогли установить лучшие жилищные нормы. В отличие от построенных раньше домов, где допускались маленькие комнаты площадью в 4,6 квадратных метров, в настоящее время при строительстве комбинатов дешевых квартир, финансируемых правительством, как и домов частных застройщиков, пользующихся правительственными займами, должны соблюдаться минимальные нормы, официально установленные для жилых объектов. Минимумы изменяются в зависимости от числа членов семей, для которых проектируются дома или квартиры, но в каждом случае помещение должно состоять из отдельной гостиной, столовой и спален. Минимальные нормы площади для отдельных комнат установлены в следующих размерах:

Гостиная — от 14 до 17,7 кв. м.

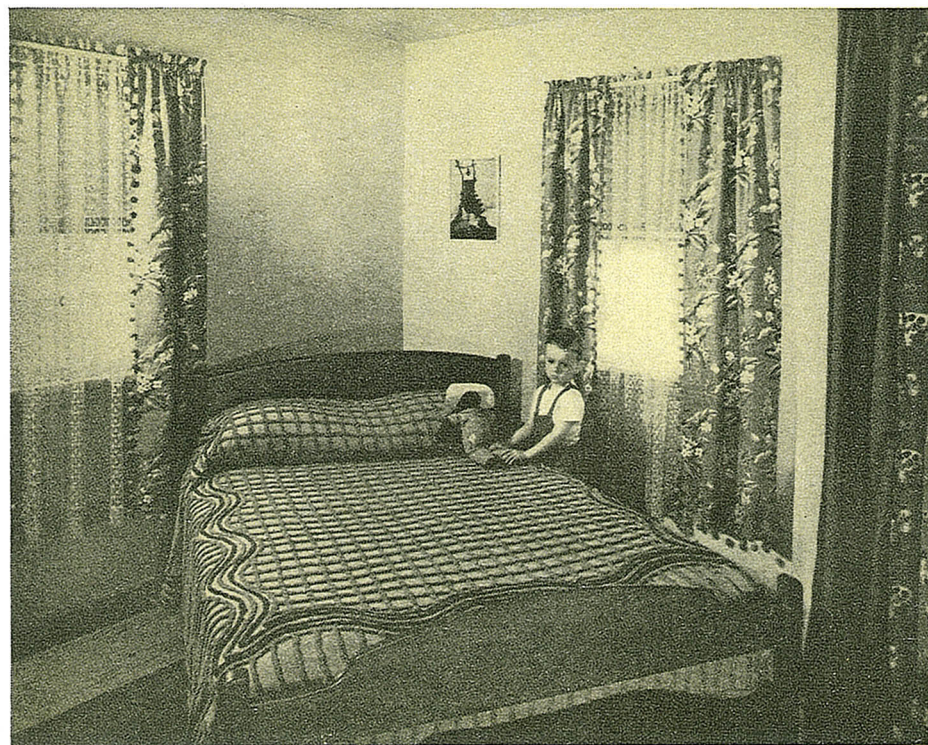
Большая спальня (для родителей) — 11,6 кв. м.

Другие спальни (на 1-2 человека) — от 8,4 до 10,2 кв. м.

Площадь, предоставляемая для столовой, должна быть достаточной, чтобы вместить стол и потребное число стульев, независимо от того, включается она в площадь кухни, гостиной или представляет промежуточное помещение, снабженное отдельным окном.

Площадь передней, ванной, кухни и стеновых шкафов присчитывается к общей площади жилых комнат. Помещения для хозяйственных нужд, официально установленные для домов дешевых квартир (например, в Нью-Йоркском жилищном комбинате), состоят из вделанных в стены шкафов для пальто, белья, хозяйственных запасов, для пылесоса, для детской коляски и, по меньшей мере, одного стенового платяного шкафа в каждой спальне.

Узкие комнаты или комнаты неправильной формы не могут удовлетворять требованиям, предъявляемым Федеральными ведомствами

Плохая комната. Хотя такие окна обеспечивают достаточное освещение и вентиляцию, их размещение оставляет простенки, неудобные для расстановки мебели и вынуждает ставить кровать по диагонали, что не нравится квартирантам.

к жилым домам. Предельно узкая гостиная должна быть шириной в 3,15 метра. Это значит, что наименьшая площадь, разрешенная для этой комнаты, равна 3,15 x 4,29 метра, для самой маленькой и узкой спальни — 2,55 x 3,15 метра, для самой узкой главной спальни — 2,55 x 4,35 метра.

Более того, проектировщик должен учитывать официальное предписание, требующее, чтобы комнаты, после расстановки в них необходимой мебели, не оказывались загроможденными, и чтобы размещение дверей и радиаторов не мешало передвижению жильцов в пределах занимаемой площади.

Установленные нормы не имеют отношения к частному жилищному строительству, осуществляемому без финансовой помощи правительства, однако, ввиду огромной важности программы сноса обветшалых строений (см. «Америка» № 43), проводимой по инициативе правительства, формальные предписания имеют большое значение: они не только являются прямой директивой для огромных планов городского жилищного строительства, но также косвенно влияют на всю жилищную проблему в целом. Так как жилые дома, строительство которых субсидируется правительством, предназначаются для людей с наименьшим доходом, они обеспечивают удобствами семьи, обычно живущие в переуплотненных помещениях.

Хотя новые муниципальные дома значительно лучше прежних многоквартирных домов или построенных рядами маленьких особняков, они не удовлетворяют полностью специалистов, занимающихся изучением вопросов, связанных с планированием жилой площади.

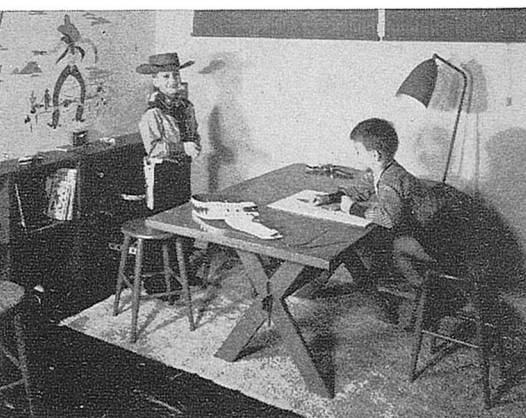
Американская ассоциация по здравоохранению, одна из наиболее влиятельных добровольных организаций, занимающихся проблемами общественного благосостояния, требует еще более просторных помещений. Основываясь на анализе размеров различной мебели, площади, потребной для ее расстановки, и подсобных хозяйственных помещений, жилищный комитет Ассоциации разработал недавно минимальные нормы, какими желательно было бы обеспечить семьи, различные по количеству членов.

Вместо планирования отдельных комнат, Ассоциация рекомендует проектировать общую минимальную площадь дома или квартиры. Минимум, рекомендуемый жилищным комитетом Ассоциации для

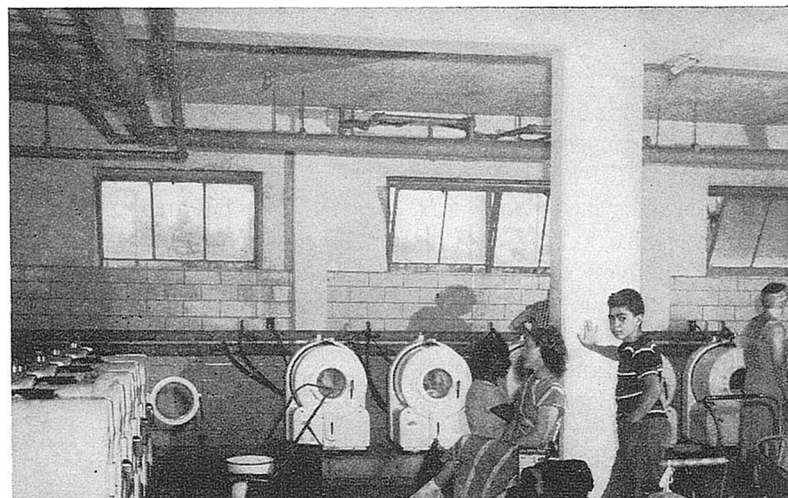

Хорошая и удобная комната. Высоко расположенное окно, идущее сплошной полосой, обеспечивает достаточное освещение и вентиляцию, не образуя простенков, что удобно для расстановки мебели. Конечно, желательно было бы иметь окно на уровне постели для вентиляции.

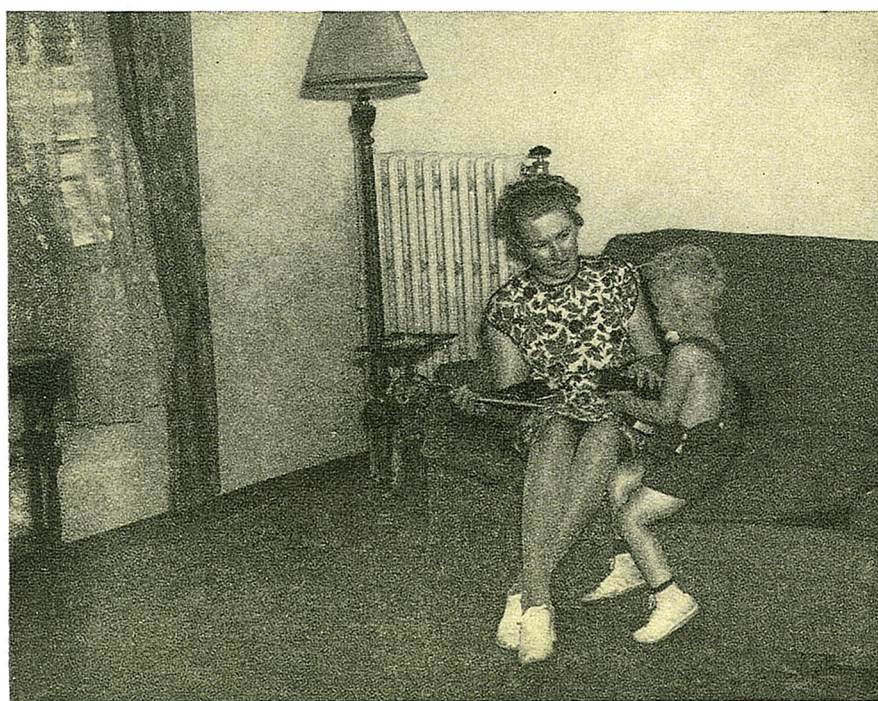

Практика хорошей планировки комнат показывает, что площадь для детских спален должна быть выделена так, чтобы дети могли в них играть и заниматься. Пользуясь недорогой обстановкой, эта семья сумела придать уютный вид комнате мальчика.

Хорошая планировка городских домов дешевых квартир предусматривает коммунальные удобства, как например, эта прачечная, оборудованная автоматическими машинами. Помимо прачечных в жилищных комбинациях также имеются комнаты для детских игр и ясли.

Хорошо продуманная деталь. Широкое окно с большими рамами на специальных шарнирах удобно мыть. В квартирах, где есть дети, такие окна надо снабжать предохранительной решеткой.

Деталь, которая всегда вызывает недовольство квартиронанимателей: радиатор, поставленный на виду, как например, в углу этой гостиной. Он производит плохое впечатление, так как занимает слишком много места и загрязняет стену.

Жилыцы всегда предпочитают радиаторы, вделанные в стену или закрытые специальными металлическими крышками. Такой радиатор изображен под окном на приведенном снимке. Обогревательные приборы, установленные под окнами, способствуют лучшему распределению тепла в комнатах.

одного человека, равен 37,2 кв. м., для семьи из двух человек — 74,4 кв. м., из трех человек (родители и ребенок) — 93 кв. м., из четырех человек — 111,6 кв. м., из пяти — 134 кв. м., из шести — 144,2 кв. м. Согласно этим указаниям, квартира для двух человек должна иметь минимальную площадь в 72 кв. м., а семья из шести человек (родители и четверо детей) должна быть обеспечена минимальной площадью, приблизительно, в 138 кв. м. В настоящее время лучшие муниципальные дома отводят для квартир немного более 80 процентов площади, указанной выше. Было бы ошибочно делать отсюда вывод, что городское жилищное строительство не может обеспечить население площадью, необходимой для жизни с удобствами. Общества, подобные Американской ассоциации по здравоохранению, непрестанно занимаются изучением влияния на повседневную жизнь семьи жилищных норм, предоставляемых в настоящее время, и выдвигают «минимальные» требования, какие, фактически, являются целью будущего. Эта тенденция — требовать большего, по существу, здоровая, иногда искажается и истолковывается как неспособность США обеспечить население «минимальной жилплощадью».

Важное значение новых, фактически принятых норм и обосновывающих их данных, заключается в признании того факта, что в жилищном строительстве площадь — один из самых последних элементов, на которые должны влиять соображения экономического характера. Изучение жилищной проблемы в Европе, особенно в Великобритании и Швеции, где к исследованию этой области был применен ряд новых подходов, подтверждает то огромное предпочтение, какое семья отдает жилплощади перед другими удобствами. Учет этого предпочтения в практических планах аннулирует наблюдавшуюся раньше в Европе и Америке тенденцию стремиться к «триумфу маленького пространства», т. е. остроумному размещению возможно большего количества предметов, на маленьком пространстве. Как заметил председатель одного из комитетов, изучающих в США проблемы жилищного строительства, «нормальная, счастливая и плодотворная жизнь семьи возможна без водопровода новейшей системы и фризеров, но она невозможна без достаточно просторного помещения».

Использование площади.

Женский клуб г. Нью-Йорка — добровольная частная организация, интересующаяся общественными вопросами, — провела обследование группы семей с маленьким доходом, занимающих квартиры в муниципальных домах Нью-Йорка, для выявления пожеланий жильцов, относительно использования жилплощади. Между прочим, было обнаружено, что некоторые хозяйки предпочитают кормить семью на кухне и поэтому желают, чтобы кухни были просторными, другие определенно предпочитают иметь для этого столовую. Анализ анкет показал, что желание иметь просторные кухни, в которых можно и есть, выразили большие семьи (возможно потому, что это экономит труд хозяйки); маленькие семьи предпочитают отдельные столовые. Вследствие этого Управление муниципальным жилищным строительством г. Нью-Йорка планирует в настоящее время комбинированные кухни-столовые, площадью от 11,2 до 12 кв. м. в домах для больших семей. В квартирах для маленьких семей предусматривается исключительно «рабочая» площадь кухни, приблизительно, от 5 до 5,7 кв. метров и отдельная площадь для столовой. Установленное опросом Женского клуба предпочтение, отдаваемое одними жильцами кухням-столовым, другими — отдельным столовым, признано обоснованным, так как большинство опрошенных семей в настоящее время занимает квартиры с отдельной площадью для столовой, но в старых домах они обедали на кухне. Их опыт с использованием столовой, помимо кухни, обнаружил, что 26 процентов (большие семьи) все же предпочитают обедать на кухне, вследствие чего лица, ведающие жилищным строительством, признали аргументы этих жильцов заслуживающими внимания и приняли их к сведению. Десять лет назад, когда первые отстроенные дома начали заселяться, обследование, проведенное среди квартирантов, показало, что 81 процент из них предпочитает кухни столовым. После знакомства с помещениями нового типа

многие изменили свое мнение по этому вопросу.

Ввиду того, что результаты непосредственных опросов или проведения анкет не всегда бывает возможно проверить путем сравнения их с прежними домашними порядками жильцов, многие проектировщики считают необходимым дополнять собранные сведения специальными исследованиями, выясняющими, как жилплощадь используется квартирантами во время работы и приема гостей.

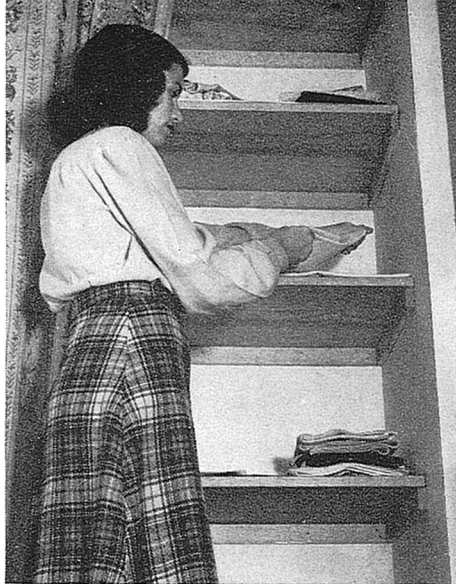
Обследование муниципальных домов дешевых квартир, проведенное архитектором Элизабет Койт, показало, что жильцы используют комнаты совсем по-иному, чем это предусматривалось архитекторами. Теоретическая планировка помещения не совпала с фактическими требованиями семьи, хотя архитекторы использовали все данные, какие у них имелись. Э. Койт, получившая для проведения обследования стипендию от Американского института архитектуры, указывает, что большую часть суток спальни и ванны комнаты пустуют, а кухни и столовые «работают с повышенной нагрузкой». Ею было установлено, что особенно кухни служат центром самой разнообразной деятельности. Они используются не только как кухни и столовые, но также как прачечные, комнаты для игр маленьких детей, и классные для ребят постарше, когда в гостиной родители принимают гостей.

Основываясь на результатах своего обследования, Э. Койт предлагает установить в ванной небольшие приборы для стирки, чтобы разгрузить кухню, сделать просторней спальни детей, снабдив их необходимой мебелью, экономящей площадь, главным образом, «двухэтажными» постелями и комбинированными шкафами-письменными столами, что высвободит площадь для игр и развлечений детей, а вместе с тем сделает спальни более удобными для занятий. Так как гостиная — единственная комната, которую хозяева могут предложить гостю, остающемуся переночевать, рекомендуется в дальнейших планах не делать ее проходной. Многие квартиранты заявляли жалобы на «стесненность» в квартирах, но не могли высказать причин, обуславливающих тесноту. С другой стороны, один управляющий домами жаловался, что жильцы «используют комнаты неправильно». Ответ на жалобы дал выяснение того обстоятельства, что обследованные квартиры, хотя и хорошие во многих отношениях, «планировались не для жильцов». Достаточная площадь была налицо, но ее распределение не совпадало с наилучшим использованием.

Подобные обследования быта людей в пределах занимаемых ими помещений были впервые применены в конце двадцатых годов немецким архитектором Александром Клейном, бежавшим из Германии после захвата власти нацистами. Его метод оценки проблем жилищного строительства, тогда совсем новый в архитектурной проектировке жилых домов, учитывал такие факторы, как перемещение жильцов внутри дома, естественное освещение, площадь, занимаемую стенами, и расстановка мебели. В тридцатых годах система Клейна была разработана шведским ученым-социологом д-ром Свендом Раймером, обследовавшим домашние порядки и пожелания более двухсот семей, занимавших кооперативные дома. Один из методов Клейна заключается в получении от семей точных хронологических записей, какие они должны вести в течение недели о своей повседневной жизни, протекающей в пределах квартиры.

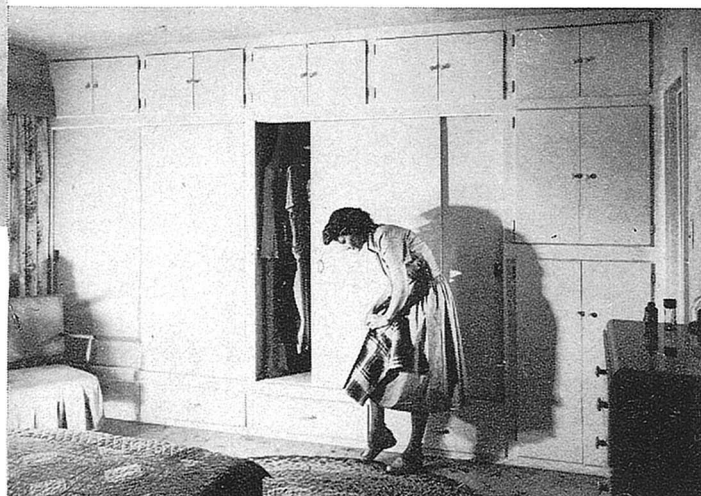

Слева: жильцы отрицательно относятся к стенным шкафам, завешиваемым драпировками. И потому в проектах, когда это допускается сметной стоимостью, строят «стенные кладовые».

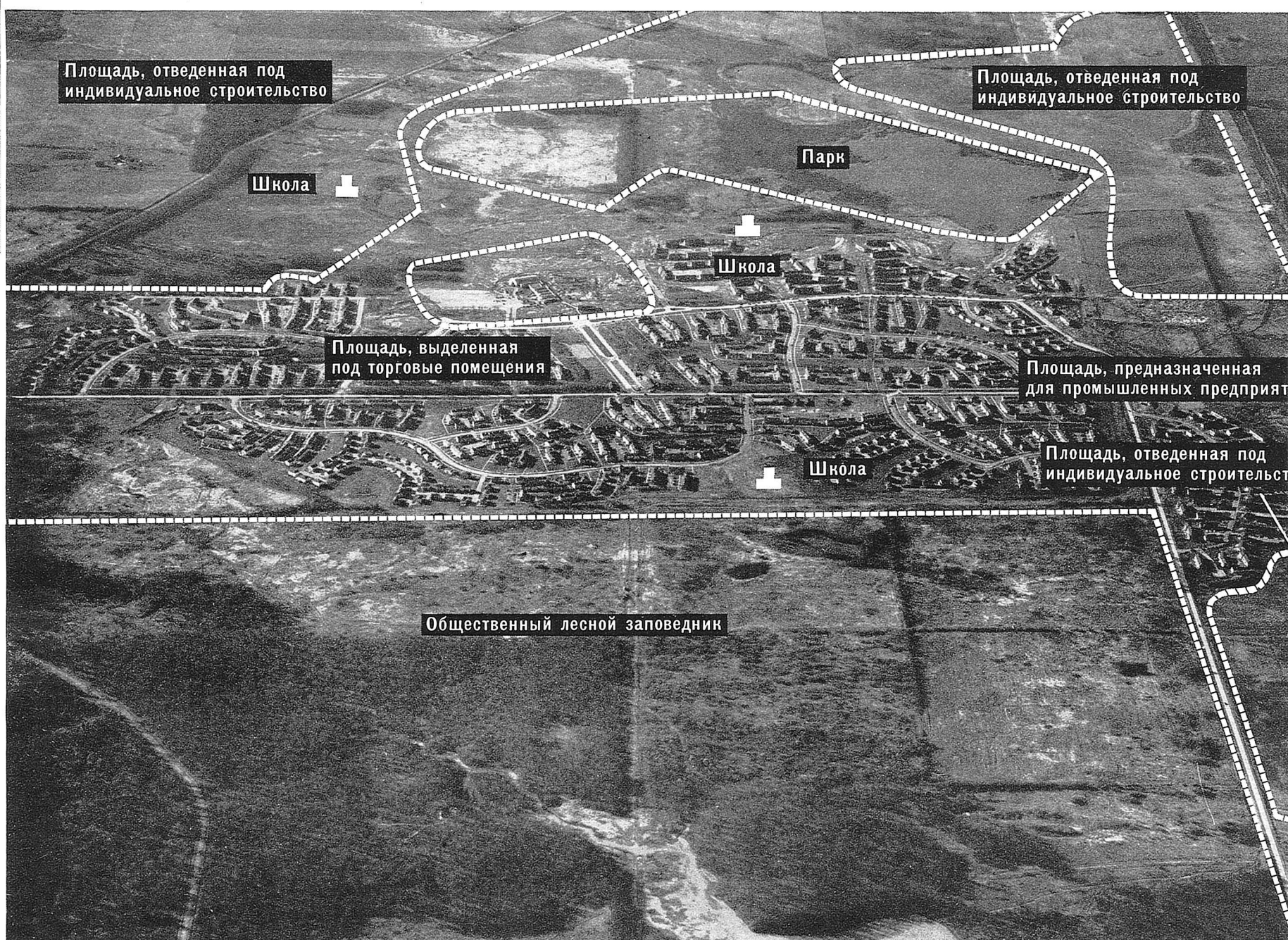
Внизу: «стенные кладовые» — шкафы, запроектированные для разнообразных хозяйственных нужд и снабженные раздвижными дверцами, пользуются популярностью у жильцов.

Окна под небольшими навесами, имеющимися у каждой двери этих домов дешевых квартир — довольно опасная деталь, так как прорублены слишком низко и их очень легко задеть головой.

Слева: планировка предместий, характерная для многих городов США.

В плане не учтены участки для парков, торговых помещений, но жилые кварталы отделены от промышленных предприятий и школы распределены равномерно. Теперь планировка жилых зданий связывается с планировкой объектов, удовлетворяющих коммунальные нужды жильцов.

Вид с птичьего полета на городок, строящийся около Чикаго, показывает предварительное распределение площади. В момент съемки 3.010 зданий, расположенных, в большинстве, рядами, были уже готовы или находились в процессе строительства. Согласно проекту, в городке будет построено еще 4.000 индивидуальных домов.

В Соединенных Штатах метод «семейных бортовых журналов» применялся Институтом Пирса, частной организацией, получившей в 1924 году от одного фабриканта отопительных приборов специальные средства для исследовательских работ, связанных с жилищными вопросами. Первые исследования Института Пирса были чисто технического характера и имели целью снизить стоимость жилищного строительства. Установив методы постройки лучших домов с меньшими затратами, сотрудники Института, задав себе вопрос, — для чего же нужны лучшие дома? — ответили: для обеспечения жильцов большими удобствами, и начали собирать данные, которые помогли бы проектировщикам и строителям достигнуть этой цели. Например, Институт обследовал две группы семей — одну, занимавшую помещения в доме дешевых квартир, другую, жившую в отдельных дешевых особняках, чтобы выяснить, как жильцы фактически используют спальни и ванные комнаты, какими соображениями они руководствовались при расстановке мебели, как пользуются приборами и т. д. В записях жильцы указывали, например, как часто и в какое время они пользуются ванной, где раздевают детей перед купаньем — в спальне или в ванной комнате. Было также установлено, что постели часто ставят у стен, чтобы сэкономить пространство, хотя, в действительности, хозяйки предпочитают, чтобы постели стояли дальше от стен, потому что в таком случае их удобнее стелить. Накопление множества таких маленьких фактов, хотя бы незначительных, имеет огромное значение при решении вопроса планировки жилплощади и размещения отопительных и хозяйственных приборов.

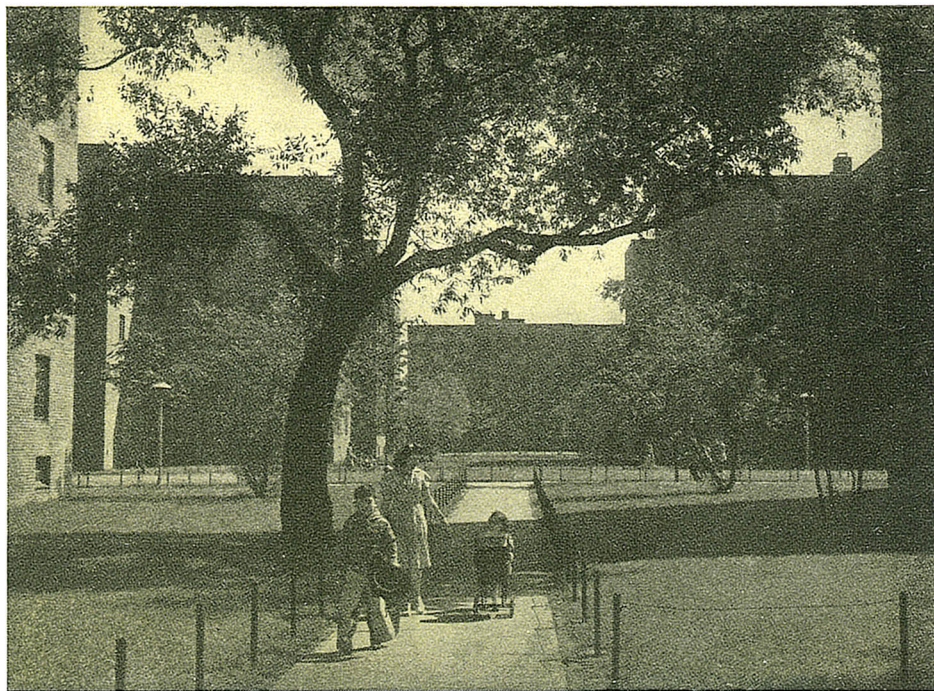
Д-р Рейнер, объясняя принципы такого подхода к изучению жилищной проблемы, говорит:

«Слишком часто планировщик представляет себе жилое помещение как нечто статичное. Он мыслит его как площадь, способную вместить известное количество мебели, упуская из вида тот факт, что дом — совокупность многих данных, составляющих ту обстановку, в которой непрерывно протекает жизнь семьи, разнообразные элементы которой часто сталкиваются на данном пространстве в течение дня». В настоящее время большинство американских архитекторов соглашается с таким определением их задач. Обсуждая на страницах своих журналов вопросы строительства, они представляют дом или другое строение не как «объект», а, скорее, как сумму многих условий, составляющую обстановку для деятельности того или иного рода. Иллюстрацией такого подхода служат рекомендации, изложенные Конференцией по изучению жилищных удобств — специальной группы, возникшей по инициативе Женского клуба (исследовательской организации, уделяющей особое внимание обеспечению удобствами домашних хозяек). Конференция рекомендует предусматривать в планах квартир площадь для игр детей, помещающуюся около кухни, где мать работает большую часть дня. Конференция указывает также, что гостиная не должна служить коридором между передней и кухней или ванной и другими комнатами. Если гостиная проходная, ее не только трудно содержать в порядке, но она также не оправдывает и своего главного назначения — быть уютной комнатой, где можно спокойно почитать и принять гостей.

Помимо указанных вопросов, Институт Пирса ставит перед собой задачу упростить сложные принципы планирования жилых строений, чтобы рядовые квартиранты могли толково объяснить проектировщику, какое распределение жилплощади наиболее удовлетворяет их требованиям. Рекомендуется, например, чтобы семья мыслила себя как динамичную единицу, меняющуюся с каждым

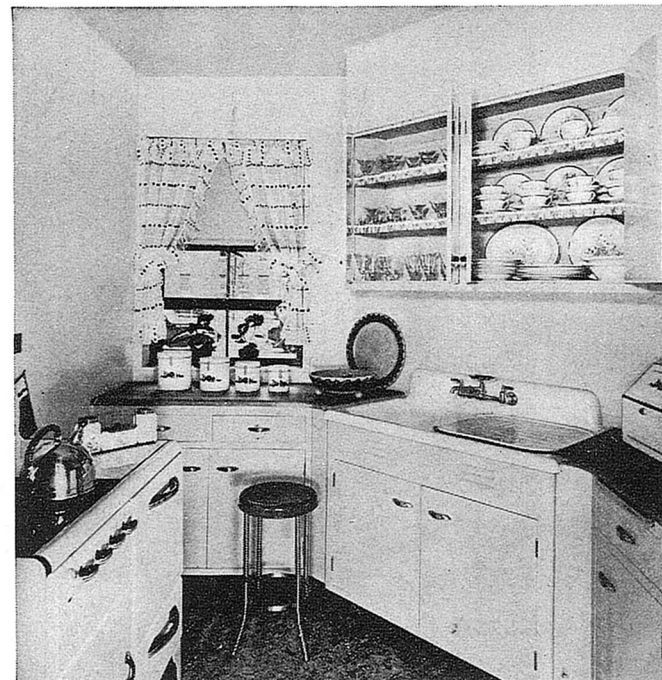
годом. Тогда она сможет яснее представить себе различные возможности использования жилой площади во время «разрастания», когда в семье появляются маленькие, требующие ухода дети, в годы «пик», когда дети подрастают, усваивают привычки взрослых и начинают принимать активное участие в деятельности различных общественных и школьных организаций, и, наконец, «поздние года», когда дети уходят и родители снова остаются одни.

Влияние исследовательских работ, проведенных жильцами и специалистами, уже отразилось в планах массового жилищного строительства, развернутого в США правительственными ведомствами и частными застройщиками. Организации, занимающиеся изучением вопросов жилищного строительства, социологи и архитекторы, так же как и квартиранты, убеждены, что жилое помещение — не только «убежище». Это, прежде всего, «домашний очаг» — совокупность условий, составляющих обстановку, которая сама по себе должна способствовать обогащению жизни людей.

На этом

участке комбината дешевых квартир проложены длинные дорожки, но нет скамеек и площадок для игр. Хотя тенистые лужайки и располагают к отдыху, проектировщик не предусмотрел удобств, нужных жильцам.

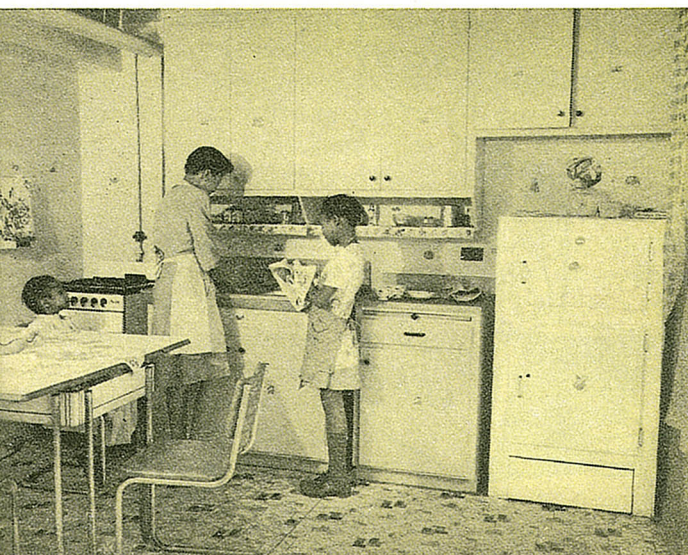
Хорошие кухни. Во всех трех показанных здесь кухнях площадь распланирована удачно и приборы расставлены удобно, но, тем не менее, они часто не удовлетворяют всех семей. Маленькие, поместительные кухни (1) выбирают обычно семьи, желающие иметь отдельную столовую, и в которых нет маленьких детей. Тип кухни (2) подходит для больших семей, которые обедают в комбинированной кухне-столовой, где дети могут играть около матери, когда она работает. В планах большинства американских муниципальных домов предусмотрены различные типы кухонь и столовых, чтобы эти помещения отвечали требованиям съемщиков. Большая семья иногда предпочитает маленькую кухню, (3) с окном, выходящим в комнату, служащую одновременно столовой и гостиной.

Проектировщик этого муниципального комбината дешевых квартир правильно распланировал площадь двора, чтобы обеспечить жильцам удобные переходы и отдых, считая, что для сада этот участок не подходит.

2

3

Литературные недостатки

Фенимора Купера

Марк Твэн

«Слепопыт» и «Зверобой» — лучшие романы Купера. В других его произведениях имеются места, по своему художественному блеску не уступающие этим романам, и сцены даже более занимательные. Но в целом ни одно из этих произведений не может сравниться со «Слепопыт» и «Зверобоем».

«Недостатки обоих романов в общем незначительны. Это совершенные произведения искусства». — Проф. Лоунсбери.

«В этих романах автор обнаруживает необычайное богатство воображения... Натти Бумпо принадлежит к числу замечательнейших художественных образов...»

«Мастерство охотника, сноровка траппера, изощренное искусство, необходимое человеку для жизни в лесу, — всем этим Купер овладел еще в юности». — Проф. Брэндер Матьюз.

«Купер — величайший писатель-романтик, какого только знала Америка». — Уилки Коллинс.

По-моему профессор английской литературы Йельского университета, профессор английской литературы Колумбийского университета и Уилки Коллинс поступили неправильно, высказывая свое мнение о произведениях, которых они не читали. Лучше им было бы помолчать, предоставив высказываться тем, кто читал Купера.

Мастерство Купера имеет недостатки. В «Зверобое» есть место, занимающее две трети страницы, где допущено 114 нарушений литературного языка из 115-ти возможных.

В литературном языке существует девятнадцать правил, которые должны соблюдаться в романтических произведениях. Некоторые утверждают, что их двадцать два. В «Зверобое» Купер нарушил семнадцать из них. Например:

1. В повествовании что-то совершается и чем-то оно должно заканчиваться. В «Зверобое» ничего не совершается и конец повествования повисает в воздухе.

2. Эпизоды повествования должны быть его необходимыми составными частями, и двигать его вперед. В «Зверобое» повествование не является повествованием; в нем ничего не совершается; оно ни к чему не приводит. В эпизодах нет никакой последовательности, впрочем она и не нужна, так как здесь нечего разворачивать и двигать вперед.

3. Действующие в повествовании лица должны быть живыми, за исключением тех случаев, когда речь идет о мертвецах, и читатель должен отличать мертвеца от остальных действующих лиц. Купер нередко пренебрегает этой деталью.

4. Действующие лица, живые и мертвые, должны доказать свое право присутствовать в повествовании. Этой деталью автор «Зверобоя» также пренебрегает.

5. Когда действующие лица разговаривают, речь их должна звучать, как обыкновенная человеческая речь и притом такая, какой пользуются люди, находящиеся в данных условиях; разговор должен быть понятен, иметь смысл и относиться к делу, не удаляться от главной темы, интересовать читателя, содействовать развитию повествования и прекращаться, когда беседующим больше нечего сказать. Это требование от начала до конца игнорируется в «Зверобое».

6. Описав характер действующего лица, автор должен позаботиться о том, чтобы поступки и разговоры лица соответствовали его характеру. С этим законом Купер почти совершенно не считается, что ясно видно на примере Натти Бумпо.

7. Ни автор, ни его герои не должны преподносить читателю всякий вздор под видом «мастерства охотника», «искусства, требующегося человеку для жизни в лесу». Это правило в «Зверобое» постоянно нарушается.

8. Герои повествования в своих действиях и поступках должны ограничиваться пределами возможного и воздерживаться от чудес. Если же они хотят совершить чудо, автору следует позаботиться хотя о некотором правдоподобии, то есть принять меры к тому, чтобы оно казалось возможным и естественным. С этим правилом автор «Зверобоя» не считается.

9. Автор должен вызвать в читателе глубокий интерес к героям повествования и к их судьбе, заставить его полюбить изображаемых хороших людей и возненавидеть дурных. Но в «Зверобое» положительные действующие лица не вызывают симпатии читателя, остальные ему совершенно безразличны и он испытывает желание от них отделаться.

10. Характеры действующих лиц должны быть обрисованы настолько отчетливо, чтобы читатель мог заранее сказать, как каждое из них будет действовать в тех или иных исключительных обстоятельствах. Для автора «Зверобоя» это правило абсолютно не существует.

Кроме этих основных требований, имеется еще несколько менее значительных, согласно которым автор должен:

11. Говорить то, что хочет сказать, а не бродить вокруг да около.

12. Употреблять точные выражения, а не такие, которые состоят с ними в отдаленном родстве.

13. Избегать длиннот.

14. Не опускать нужных подробностей.

15. Устранять неряшливость формы.

16. Соблюдать правила грамматики.

17. Писать просто, без затей.

И даже эти семь правил в «Зверобое» без зазрения совести упорно нарушаются.

Купер не обладал особенно богатой фантазией, но он любил пускать ее в ход, ему нравилась ее игра и некоторые выдумки его в самом деле очаровательны. В его маленьком реквизите было семь-восемь остроумных приемов, хитростей, уловок, при помощи которых его дикари и охотники друг друга надувают и водят за нос; ему доставляло огромное удовольствие манипулировать этими невинными трюками, наблюдая за их развитием. Особенно часто он заставляет персонаж в мокалинах ступать по следам другого персонажа в мокалинах и этим скрывать собственные следы. Применяя этот прием, Купер заставил своих героев износить целые горы мокасинов. Другой принадлежностью реквизита, которой он довольно часто пользовался, была сломанная ветка. Это его излюбленный эффект, который он предпочитал всем другим, имевшимся у него в запасе, и применял с особенной настойчивостью. В его книгах редко можно встретить главу, где никто не наступает на сухую ветку, поднимая этим тревогу среди краснокожих и белых на пространстве двухсот метров в окружности. Всякий раз, как кто-нибудь из персонажей Купера попадает в опасное положение и готов платить по четыре доллара за минуту абсолютной тишины, он неизменно наступает на сухую ветку. Пусть на пути его лежит хоть сотня других предметов, Куперу они не нужны. Купер заставляет героя свернуть с дороги и отыскивать сухую ветку, а если ее нигде нет, найти ее любой ценой. Серия романов, озаглавленных «Кожаный чулок», по существу, должна была бы носить название «Сломанная ветка».

Можно было бы привести десятки примеров того «необходимого для жизни в лесу изощренного искусства», которым обладает Натти Бумпо и другие куперовские специалисты этого дела. За недостатком места ограничусь двумя-тремя. Купер был моряком, морским офицером; и однако он серьезно рассказывает нам о том, как капитан направляет свое прибываемое штормом к берегу судно в определенное место, где, как он знает, проходит обратное подводное течение, способное удержать судно от губительного дрейфа. Не знаю, лесное ли это искусство, морское ли, или еще какое-нибудь, но — разве это не замечательно?

В течение многих лет Куперу приходилось повседневно иметь дело с артиллерией, и он не мог не заметить, что пушечное ядро, ударившись о землю, либо зарывается вглубь, либо отскакивает на расстояние, примерно, тридцать метров и скачет до тех пор, пока не устанет и не покатится по поверхности земли. Но вот в одном месте ночью в тумане, он посылает несколько «баб», — как он обычно называет женщин, — на опушку леса, граничащего с равниной, с целью дать Бумпо возможность продемонстрировать перед читателем свое удивительное знание лесной жизни. Заблудившиеся хотят отыскать дорогу в форт. До них доносится пушечный выстрел и тут же в лес врывается ядро, которое останавливается у их ног. «Бабам» это ровно ничего не говорит, но для великолепного Бумпо — очень многое. Будь я неладен, если он не пускается тотчас же в путь, — по следу, оставленному ядром на равнине, — и, несмотря на туман, находит форт. Ловко?

Если Купер знал, как действительно происходят те или иные явления в природе, то он необычайно искусно скрывал эти знания. Вот пример. Один из его героев, опытный следопыт, по имени Чингачгук (кажется, надо произносить Чикаго) потерял след разыскиваемого им в лесу человека. След как будто безнадежно потерян; нам с вами и в голову никогда не пришло бы, что его можно найти. Но Чикаго не долго раздумывал. Он отвел одну речку в новое русло и в слякоти, покрывавшей ее прежнее дно, обнаружил следы мокасинов, принадлежавшие отыскиваемому: течение не смыло их, как это всегда случается. Даже незыблемые законы природы вынуждены уступать, когда Купер желает познакомить читателя с тонкостями жизни в лесу.

Мы должны отнестись с известной осторожностью к утверждению Брэндера Матьюза о том, что Купер обнаруживает в своих книгах «необычайно богатое воображение». Обычно я бываю всегда согласен с литературными суждениями Брэндера Матьюза и восхищаюсь его ясными, изящными формулировками; но в этом его высказывании нельзя не видеть огромного преувеличения. Клянусь честью, у Купера воображения было не больше, чем у лошади; при этом я имею в виду не скаковую лошадь, а просто гимнастическую кобылу. В произведениях Купера нелегко отыскать действительно осмысленное «положение», а еще трудней — такое, которое он сам не превратил бы в нелепость своей трактовкой. Вспомним «пещерные» эпизоды; вспомним происшедшую через несколько дней знаменитую драку между Макой и остальными на плоскогорьи; вспомним удивительную переправу Гэрри Гэрри из крепости на баржу; вспомним получасовое пребывание Зверобоя возле первого трупа; вспомним ссору Гэрри Гэрри и Зверобоя; вспомним любую сцену; результат будет тот же.

Если бы Купер умел наблюдать, его воображение работало бы лучше; выдумка получилась бы, если не интересней, то осмысленней, правдоподобней. Самые яркие среди созданных Купером «положений» много теряют из-за отсутствия корректирующей способности наблюдения. Глаз Купера отличался поразительной неточностью. Он очень редко видел что-либо так, как оно есть в действительности, а всегда — смутно, будто сквозь закопченное стекло. Но тому, кто плохо разбирается в самых простых мелочах повседневной жизни,

трудно создавать «ситуации». Мы находим в «Зверобое» реку, имеющую при выходе из озера 15 метров ширины, а затем в своем извилистом течении, без всякой видимой причины, сужающуюся до шести метров; не ясно ли, что столь странный образ действий с ее стороны требует какого-то объяснения? Через четырнадцать страниц ширина ее истока сокращается до девяти метров, становясь «самым узким ее местом». Причина этого сокращения тоже не указана. Река богата излучинами: это верный признак наличия наносов, которые она размывает. Но излучины эти имеют от девяти до пятнадцати метров длины; если бы Купер был хорошим, точным наблюдателем, он заметил бы, что излучины имеют обычно не менее 275 метров в длину.

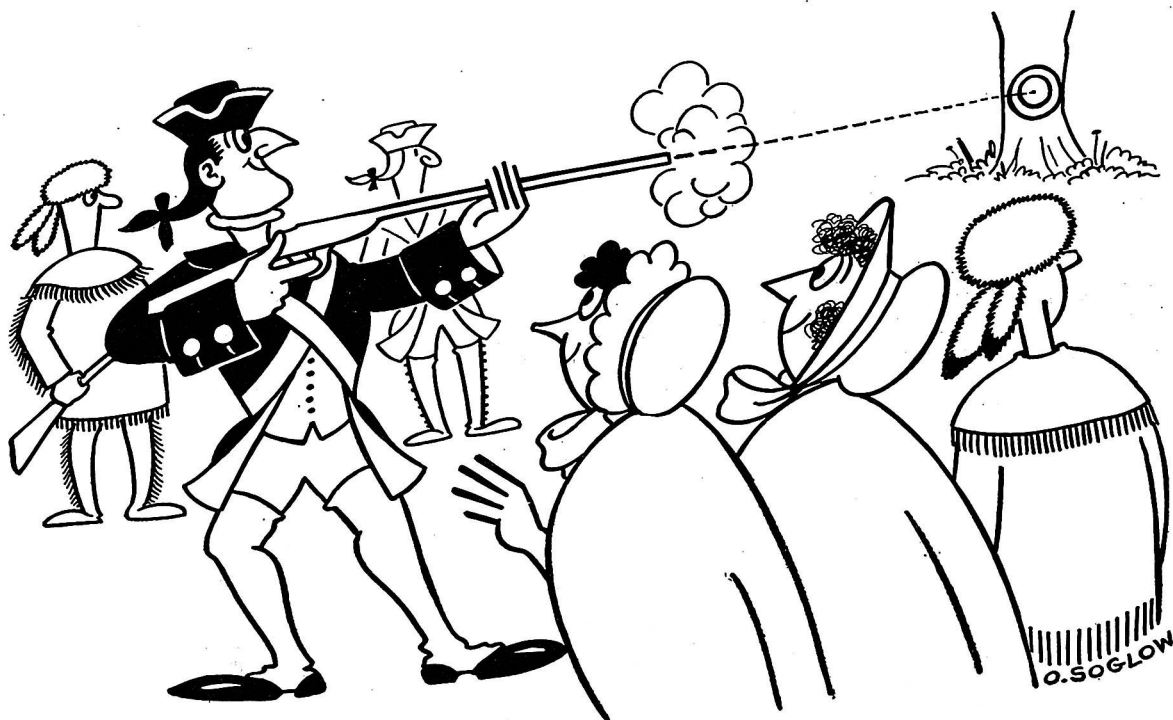
Купер сперва определил ширину реки у истока, без всякой причины и цели, — в пятнадцать метров, потом он сократил ее до шести метров, чтобы дать возможность шести индейцам спрятаться в листе «молодого деревца», согнутого им в виде арки над этим узким пространством. Они подстерегают шаланду или баржу одного поселенца, поднимающуюся вверх по реке — к озеру; ее волокут против сильного течения на канате, неподвижный конец которого прикреплен к якорю на дне озера; скорость ее не может превышать 1,6 км. в час. Купер описывает баржу довольно неясно. Что касается размеров, то «она была немного крупнее современных барж, которые тянут бечевой на канате». Допустим, что она имела около 43 метров в длину. «Ширина ее была больше обычной». Допустим, она составляла примерно пять метров. Этот левиафан проходил по излучинам, каждая из которых была втрое короче его, — продвигаясь между берегов, отделенных от его бортов всего шестью метрами пространства. Чудо, едва ли способное привести кого-либо в восхищение. Низкий бревенчатый барак занимает «две трети судна в длину»: барак в двадцать семь метров длиной и, скажем, пяти метров шириной, — нечто вроде поезда с крытыми переходами. В нем — два помещения, площадью, скажем, четырнадцать на пять метров каждое. Одно служит спальней для дочерей Хэттера — Джюдит и Хэтти, другое — днем гостиной, а ночью — спальней отца. Вот баржа подходит к истоку реки, ширина которой сократилась теперь для удобства индейцев менее, чем до шести метров, — скажем, до пяти. Между каждым бортом и берегом 0,3 метра расстояния. Заметили ли индейцы, что баржа будет так тесно зажата между берегами? Заметили ли они, что им гораздо выгодней слезать со своего согнутого дерева и просто перешагнуть с берега на баржу, когда та будет пробираться в узком проходе? Нет, другие индейцы заметили бы все это, но индейцы Купера никогда ничего не замечают. Купер считал своих индейцев необычайно приметливыми, но почти всегда заблуждался на их счет. Среди них редко попадает толковый человек.

Баржа имеет в длину 43 метра, барак — 27 метров. Индейцы решают осторожно, неслышно спрыгнуть с наклоненного над водой деревца, когда баржа будет проползать под ним со скоростью 1,6 км. в час, и вырезать семью. Прохождение баржи под деревцом длится полторы минуты, прохождение барака — минуту. Что же делают шестеро индейцев? Думайте хоть тридцать лет, ни за что не догадаетесь. Я скажу вам. Их вождь, человек исключительной сообразительности для куперовского индейца, внимательно следит за ходом протискивающейся внизу баржи, потом, рассчитав все до точки, прыгает... мимо барака. Вот что он сделал. Прыгнул мимо барака — на корму. Высота была небольшая, но он крепко стукнулся и потерял сознание. Если б барак имел в длину 30 метров, полет не кончился бы такой неудачей. Вина не он, — виноват Купер. При постройке барака была допущена ошибка. Купер — плохой архитектор.

Остальные пятеро индейцев продолжают сидеть на насесте. Баржа прошла под ними и теперь — за пределами их досягаемости. Я расскажу, что они сделали; самим вам не удастся до этого додуматься. № 1 прыгнул вслед барже, но упал в воду за кормой. № 2 прыгнул вслед барже и упал в воду еще дальше за кормой. № 3 прыгнул вслед барже и упал далеко от нее за кормой. № 4 прыгнул вслед барже и упал в воду очень далеко от баржи, за кормой. Прыгнул даже № 5, потому что это ведь был куперовский индеец. В отношении умственных способностей разница между индейцем Купера и теми деревянными фигурами, какие выставлены у входа в табачные лавочки, не велика. Эпизод с баржей — великолепный взлет фантазии; но он не увлекает читателя, так как противоречивость деталей сообщает ему оттенок надуманности и неправдоподобия. Это — результат плохой наблюдательности Купера.

Немало примеров замечательной способности Купера быть неточным наблюдателем содержит сцена состязания стрелков в «Следопыте».

«В мишень слегка вбили обыкновенный железный гвоздь, предварительно окрасив его шляпку». В какой цвет, — не указывается; это важное упущение, но Куперу делать важные упущения — нипочем. Впрочем, нет, — в конце концов это даже не особенно важное упущение, поскольку гвоздь находится на расстоянии 91 метра от стрелков, так что те не могут его видеть, в какую бы краску он ни был окрашен. На каком расстоянии может самый зоркий глаз видеть обыкновенную муху? На расстоянии 91 метра? Абсолютно невозможное дело. Но если глаз не может на расстоянии 91 метра увидеть муху, он не увидит на этом расстоянии и шляпку гвоздя, так как оба предмета — одного и того же размера. Надо обладать очень острым зрением, чтобы увидеть муху или шляпку гвоздя на

расстоянии 45-46 метров. Попробуйте сами.

Гвоздь был слегка вбит в мишень, шляпку его окрасили — и началось состязание. И тут Купер принялся творить чудеса. Пуля первого стрелка выщербила край шляпки, пуля следующего вбила гвоздь немножко глубже в мишень — и стерла с него краску. Не довольно ли чудес? С точки зрения Купера, — нет, не довольно. Ибо цель всей этой инсценировки — дать возможность куперовскому вундеркинду Зверобою - Ястребиному глазу, Длинному карабину - Кожаному чулку, Следопыту - Бумпо блеснуть перед дамами.

«Ребята! — крикнул Следопыт, сейчас же ставя ногу в следы, оставленные его другом. — Не нужно нового гвоздя. Я вижу этот и без краски. А что я вижу, то достану с 91 метра, будь это хоть комариный глаз. Идите загигать конец! Карабин выстрелил, пуля помчалась и шляпка гвоздя ушла в доску, покрытая куском расплющенного свинца».

Вот вам человек, умеющий бить мух из карабина, человек, который получал бы поистине царскую награду за участие в современных постановках из жизни Дикого Запада!

Изложенное уже достаточно говорит о его изумительном искусстве. Но для Купера и этого мало. Он приводит еще одну деталь. Он заставляет Следопыта проделать описанное чудо, пользуясь чужим карабином. Больше того: он лишает своего героя возможности самому зарядить последний. Он ставит его в самое невыгодное положение, но тот все же делает свой необычайный выстрел; и притом с абсолютной уверенностью в успехе, говоря: «Идите загигать конец!» Право, человек взялся бы сделать то же самое, имея в руках обломок кирпича, и, при поддержке Купера, опять вышел бы с честью из положения.

В тот день Следопыт вообще не ударил лицом в грязь перед дамами. Первым его подвигом было нечто такое, чего не может воспроизвести ни одна современная постановка. Он стоял среди других стрелков — в 90 с лишним метрах от цели — не забудьте! — наблюдая ход состязания. Некий Джаспер поднимает свой карабин и попадает в яблоко мишени. Потом стреляет каптенармус. На мишени — никаких новых отметин. Раздается смех. «Промазал! Дал маху!» — говорит майор Лэнди. Следопыт, выдержав многозначительную паузу, произносит своим обычным спокойным, бесстрастным тоном ясновидящего: «Нет, майор, он посадил свою пулю на пулю Джаспера. В этом нетрудно убедиться, осмотрев мишень».

Ну, разве, не удивительно? Как можно проследить глазами полет маленького шарика вплоть до его исчезновения в далеком, проделанном другой пулей отверстии? А он проследил. Потому что для героев Купера нет ничего невозможного. Возникло ли у кого-нибудь из присутствовавших в душе сомнение относительно возможности этого? Нет, усомниться могли бы здоровые люди, а ведь это были персонажи Купера.

«Искусство Следопыта, быстрота и зоркость его глаза (курсив мой — М. Т.) внушали всем такое глубокое уважение, что стоило ему произнести эти слова, как зрители усомнились в своих собственных впечатлениях, и десять человек кинулись к мишени, чтобы убедиться в правильности того, что он сказал. Там было неоспоримо установлено, что пуля каптенармуса вошла в отверстие, пробитое пулей Джаспера, и притом так точно, что это удалось обнаружить только после самого тщательного осмотра, в результате которого обе пули были найдены, одна поверх другой, в пне, к которому была прислонена мишень».

Был произведен «самый тщательный осмотр». Но как же все-таки удалось установить наличие двух пуль в одном отверстии, не выковыривая их оттуда? Ведь ни с помощью зонда, ни на глаз невозможно обнаружить более одной пули. Значит, их выковыряли? Нет, как мы увидим дальше... Наступает очередь Следопыта. Он выступает вперед перед дамами, прицеливается, стреляет.

Увы! Неудача... Невероятная, жестокая неудача... На мишени — никаких следов нового попадания: там все то же отверстие, пробитое прежней пулей, — и ничего больше!

«Если б это можно было допустить, — воскликнул майор Данкен, — я сказал бы, что Следопыт тоже промахнулся!»

Поскольку никто еще пока не промахнулся, слово «тоже» как будто лишнее. Но не будем обращать на это внимание: сейчас заговорит Следопыт.

«Нет, нет, майор, — уверенно сказал он, — это было бы риско-

ванное утверждение. Не я заряжал карабин, поэтому не знаю, что там было. Но если это был свинец, то вы найдете пулю там же, где пули каптенармуса и Джаспера. Не будь я Следопыт. — Крик столпившихся возле мишени подтвердил правильность его слов».

Казалось бы, чудо получилось достаточно внушительное. Но не для Купера. Следопыт снова начинает говорить, «медленно приближаясь к подмосткам, на которых сидят женщины:

— Это еще не все, ребята, — еще не все. Если вы обнаружите, что пуля хоть немного коснулась мишени, будем считать, что я промахнулся. Каптенармус задел доску, но последняя пуля — вот увидите! — ее не тронула».

Наконец-то чудо получило завершение. Он узнал — увидел, конечно, на расстоянии 91 метра! — что пуля вошла в отверстие, не повредив его краев. Теперь сквозь это отверстие прошло уже три пули, — три пули были вогнаны одна за другой в пень, находящийся за мишенью. Об этом узнали все — тем или иным путем, но никто не стал выковыривать ни одной из них, чтобы убедиться в этом. Купер — неважный наблюдатель, но он занимателен. Он занимателен всегда, о чем бы ни рассказывал. И особенно — когда не старается быть занимательным. Это большое достоинство.

Диалоги в произведениях Купера на наш современный слух звучат как-то странно. Поверить в возможность подобных разговоров между людьми — то же, что поверить, будто было такое время, когда люди, собираясь что-нибудь сказать, совершенно не дорожили временем; когда существовало обыкновение растягивать двухминутную речь на десять минут; когда человеческий рот был каким-то прокатным станом, который весь день только и делал, что превращал четырехфутовые бруски мыслей в тридцатифутовые рельсы разговорной железной дороги; когда редко придерживались основной темы, а бродили вокруг да около и кончали ничем; когда беседа состояла главным образом из разных не относящихся к делу пустяков, лишь порой прослаиваемых чем-нибудь дельным, которое появлялось конфузливо, само не зная, как оно туда попало.

Купер, безусловно, не мастер диалога. Плохая наблюдательность подвела его тут, как и при осуществлении многих других замыслов. Он не замечает даже того, что кто шесть дней подряд говорит плохо по-английски, тот должен — хочешь не хочешь — так же говорить и на седьмой. Но в «Зверобое» он заставляет главного героя то выражаться самым изысканным книжным языком, то говорить на самом вульгарном жаргоне. Например, когда кто-то спрашивает Зверобоя, есть ли у него возлюбленная и где она живет, он отвечает торжественно:

— «Она — в лесной чаще, на древесных ветвях, в теплом дожде, в росе, покрывающей траву, в облаках, плывущих по синему небу, в птицах, поющих в лесу, в отрадной речной струе, утоляющей мою жажду, — во всех дивных дарах, ниспосылаемых Провидением».

Но перед этим он изъясняется так:

«Выходит, мое это дело, ежели, к примеру, касается моего закадычного друга».

И в другом месте:

— «Будь я человек индейский, так рассказал бы об этом, либо приволок бы скальп и хвостанул бы удалю перед всем племенем. Или будь мой супротивник — медведь...» и так далее.

Нам трудно представить себе, чтобы заслуженный шотландский генерал вел себя в бою словно какой-то болтливый мелодраматический актер. Но Купер представляет себе это. Однажды, во время тумана Алиса и Кора подверглись возле отцовского форта нападению французского отряда.

— «Смерть негодяям! — закричал один из преследователей, видимо, командир.

— Приготовьтесь к бою, мои молодцы! — раздался вдруг голос в вышине. — Дайте врагу приблизиться до пределов видимости и обстреляйте передний скат бруствера.

— Папа, папа! — донесся из тумана пронзительный крик. — Это я! Алиса! Твоя Эльси! погоди стрелять! Не губи дочерей!

— Не стрелять! — закричал прежний голос, на этот раз полный страшной родительской тревоги, причем звук его достиг до леса и вернулся раскатистым эхо. — Это она! Господь вернул мне моих деток! Ворота настезь, молодцы, вперед! Не спускай гашетки, чтобы не ранить моих овечек! Руби французских собак в рукопашную!»

У Купера было удивительно слабо развито чувство слова. Если у человека нет музыкального слуха, он будет фальшивить, брать то на полтона выше, то на полтона ниже, не замечая этого. У него получится нечто близкое к мелодии, но все же не мелодия. Если человек слабо чувствует слово, у него получится литературная фальшь: вам будет понятно, что он хочет сказать, но в то же время вы будете чувствовать, что он говорит не то. Таков Купер. Он не был музыкантом слова. Слух его удовлетворялся приблизительными словесными звучаниями. Обосную это обвинение уликами, рассыпанными на нескольких страницах «Зверобоя». Купер пишет «словесный» вместо «устный», «точность» вместо «легкость», «феномены» вместо «чудеса», «необходимый» вместо «предопределенный», «несложный» вместо «примитивный» и т. д., и т. д.

Были смелые люди, которые утверждали, будто Купер умел писать по-английски, но все они уже умерли, — все, кроме Лоунсбери. Не помню, распространялся ли Лоунсбери на эту тему так подробно, как это делали они, но так или иначе он утверждает это, объявляя «Зверобоя» «совершенным произведением искусства». «Совершенное» в таком контексте значит «безупречное» — безупречное во всех деталях. Но одна из деталей — язык. Если бы м-р Лоунсбери сличил английский язык Купера с тем английским языком, на котором пишет он сам... Но совершенно очевидно, что такого сличения он не делал; поэтому он наверно до сих пор воображает, будто язык Купера так же чист и выразителен, как его собственный. Что же касается меня, то, по моему глубокому убеждению, Купер писал самым скверным английским языком, какой только можно у нас встретить, а в «Зверобое» этот язык еще хуже, чем в других произведениях Купера. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что «Зверобой» — вовсе не произведение искусства. Мне кажется, он лишен какого бы то ни было из тех признаков, которые обязательны для произведения искусства. Откровенно говоря, мне кажется, что «Зверобой» — просто литературное проявление белой горячки.

Произведение искусства? Но в нем нет выдумки; нет связи, системы, развития действия, развязки; нет правдоподобия, увлекательности, движения, жизни; действующие лица охарактеризованы в нем слабо, их слова и поступки доказывают, что эти люди — не те, кем их хочет представить автор; юмор в книге патетичен, а пафос смешон; диалоги... увь! просто неописуемы; любовные сцены отвратительны; стиль — преступление против английского языка.

Если устранить все это, — назовем остаток искусством. Не возражаю.

Текст с разрешения:
Harper & Brothers, from book "Harriet Shelley and Other Essays"

Фото с разрешения:

Большие перемены: Bettmann Archive; Charles P. Cushing; E. S. Purrington, courtesy of Ford Motor Company; National Archives; Shell Oil Company. Расцвет американского балета: Ballet Theatre; Larry Colwell; Graphic House; LIFE Magazine; Walter E. Owen; Richard Tucker; Alfredo Valente. Авиамodelисты-любители: Acme; J. J. Fanta; International News Photos; Pix. Охрана порядка в демократическом обществе: Acme; Black Star; John Hugelmeyer; Anthony Linck. Американские теннисистки: Acme; Culver; EBONY Magazine; Dr. Harold E. Edgerton; International News Photos; Wide World. Чердак — семейный архив: Werner Wolff — Black Star. Биологическая ферма: City of New York Department of Health; Wide World. Буря в пустыне: McGraw Colorgraph Company. Кортисон: Armour Laboratories; SCIENTIFIC AMERICAN. Всеамериканское сельскохозяйственное училище: Black Star; Don Blair, Dave Zingg-United Fruit Company. Американские писатели послевоенного времени: Elliott Erwitt; Harcourt, Brace and Company, Incorporated; Melton-Pippin-HARPER'S BAZAAR; Leon A. Statham. Производственный отчет: автомашины: Acme. Нью-йоркский ботанический сад: David Seabrooks; Gottscho-Schleisner. Дамские сумки: Carson, Pirie, Scott and Company; CHARM Magazine; Muriel Duncan; Reprinted from GLAMOUR and VOGUE, copyright 1949, The Condé Nast Publications, Incorporated; Hans Namuth — HARPER'S BAZAAR; Lester Harrison, Incorporated; Ben Rose. Планировка жилых помещений: Acme; THE AMERICAN HOME; BETTER HOMES AND GARDENS; Charlotte Brooks; Federal Public Housing Authority; LIFE Magazine; New York City Housing Authority. На первой странице обложки: Shostal. На второй странице обложки: Shostal. На третьей странице обложки: Hy Peskin—Action in Color. На четвертой странице обложки: Ray Atkeson.

Иллюстрации с разрешения:

Кортисон: Lou Dorfman.

Литературные недостатки Фенимора Купера: Otto Soglow.

Техника раскрытия тайн забытой сумки

Что дама, забывшая сумку, замужняя, Шерлок Холмс обнаружил огонь просто: он прогел ее фамилию на документах, какие она всегда носит с собой. Профессию ее мужа он установил по заметкам на памятном листке, где упоминалось о книжных полках, обслуживании телефонной станции, портьерах для приемной. Только врагу или юристу могла потребоваться полка больше обычного размера, чтобы расставить книги по медицинским или юридическим вопросам, однако лишь врагу нужен специальный кабинет для приема. Из того, что он предполагает пользоваться услугами телефонной станции (где имеется центральный коммутатор, к которому будет подключен его номер для ответов на вызовы, когда он сам не бывает дома), следует, что он не огонь прогн обосновался и не может взять себе секретаря или горничную; возможно, что он еще только приступает к устройству кабинета и впервые открывает прием. На это указывают также отмеченные газетные вырезки с объявлениями о сдаче квартир, имеющих комнаты, пригодные для кабинета врага. Их ребенок — девочка, так как вряд ли мальчик сделает подушечку для булавок и вышьет на ней слова: «я люблю тебя, мама». Заметка на памятном листке — «спросить у Ж. таблиц с отметками» — говорит, что девочка учится в школе и не показала таблиц матери, потому что стыдится своих отметок. Профсоюзный билет, выданный Газетной гильдией обнаруживает, что дама работает в издательстве газеты или журнала. Налигие в сумке ее шоферских прав и дорожной карты с наметанным маршрутом доказывают, что семья собирается совершить в своей машине путешествие по Кэп-Коду. Носовые платки из бумаги, коробочка с таблетками аспирина и ингалятор обозначают, что дама простужена. Спизки, открываемые с левой стороны папки, указывают, что она левша. Стремление быть предусмотрительной, планировать все заранее видно из того, что она носит с собой пластмассовый футляр с галошами на случай дождя. Ее рассеянность доказывает, конегно, сумка, забытая на скамье. Дама сентиментальна, потому что носит с собой подушечку для булавок, сделанную ребенком; о ее суеверности говорит кольцо в виде клевера с гетьрьма лепестками, на которое надеты клеюги; папка пегенья, служит доказательством того, что нередко она чувствует голод в перерывах между завтраком и обедом. Ошибка Шерлока Холмса, обусловленная, бесспорно, его относительно ограниченным знанием американок, заключается в суждении об экстравагантности дамы, основанном на налгии в ее сумке ассортимента косметических средств. Заключение об ее тщеславности Холмс вывел из налгии в гисле аксессуаров трех различных зеркал. Ее, в сущности, непрактичная натура сказала в том, что в самое занятое время дня, не закончив покупок (в сумке не было еще образцов материй для портьер в приемном кабинете), она купила за 25 центов маленький сборник стихов и села в парке, чтобы прогесть их.

